

ISSN 2618-9453

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal
of Vietnamese Studies

№ 2. 2019

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук**
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издается четыре раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и др. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.ifes.ras.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77—73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., д.э.н., чл.-корр. РАН; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: До Тиен Шам, профессор (Вьетнам); Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Лузянин С.Г., д.и.н., профессор, председатель; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосьяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Иванова Н.И., Ларин В.П., Вакилова В.Р.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН.

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33.

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Отрасли науки:

- 07.00.00
Исторические науки
и археология
- 08.00.00
Экономические
науки
- 10.00.00
Филологические
науки (группы
специальностей:
10.01.00
Литературоведение;
10.02.00
Языкознание)
- 22.00.00
Социологические
науки
- 23.00.00
Политология
- 24.00.00
Культурология

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравляем главного редактора с высокой наградой!	7
--	---

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

<i>Бенуа де Треглоде.</i> Ханой и Пекин: неопределенности стратегического партнёрства (англ. яз)	8
<i>Нгуен Нгок Ха.</i> Новые взгляды Коммунистической партии Вьетнама на общество	19

Социально-экономическое развитие

<i>Рязанцев С.В., Маньшин Р.В., Моисеева Е.М., Пинчук В.Н.</i> Миграция населения из Вьетнама: современные особенности и возможности для России	29
<i>Ву Тхюи Чанг, Динь Мань Туан.</i> Операционные характеристики вновь созданных предприятий на Центральном плато в контексте четвертой промышленной революции (англ. яз.)	44

История и культура

<i>Бектимирова Н.Н.</i> Вглядываясь в прошлое: к 40-летию свержения режима «красных кхмеров» в Камбодже	55
<i>Нгуен Кхак Шы.</i> От пещеры Конмонг до индустрии Анкхе: новые представления о вьетнамской и региональной предыстории	66

Филология

<i>Андреева В.А.</i> Фразеологическая вариантность во вьетнамском языке	76
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Колотов В.Н.</i> Научно-практическая конференция «Духовное наследие Хо Ши Мина. 50 лет спустя» на берегах Невы	86
<i>Никулина Е.В.</i> Дискуссия в ИВ РАН о современном состоянии российско-вьетнамских отношений	90
О защите диссертаций	93
Итоги студенческой олимпиады во Владивостоке	97

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам	100
<i>Кобелев Е.В.</i> Первый договор между новой Россией и Вьетнамом (комментарий эксперта)	103
Итоги конференции «Международное сотрудничество в меняющемся мире» (г. Хошимин)	107

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Колдунова Е.В.</i> Сообщество АСЕАН в центре внимания российских исследователей. Рецензия на книгу «Сообщество АСЕАН в современном мире»	116
<i>Соколов А.А.</i> Навигатор новых научных изданий о Вьетнаме	122

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

Хранительница языков. К 70-летию И.В. Самариной	129
---	-----

CONTENTS

Congratulations to the Editor-in-chief with high award!	7
---	---

SCIENTIFIC RESEARCH

Inward political processes and foreign policy

<i>Benoît de Tréglodé</i> . Hanoi and Beijing: Ambiguities of a strategic partnership	8
<i>Nguyen Ngoc Ha</i> . New views of the Communist party of Vietnam on society	19

Socio-economic development

<i>Ryazantsev S.V., Manshin R.V., Moiseeva E.M., Pinchuk V.N.</i> Migration of people from Vietnam: specific features and opportunities for Russia	29
<i>Vu Thuy Trang, Đinh Manh Tuan</i> . Operation characteristics of newly established enterprises in Central Highlands in the context of the fourth industrial revolution	44

History and culture

<i>Bektimirova N.N.</i> Gazing into the past: on the 40th anniversary of the toppling of the Khmer Rouge regime in Cambodia	55
<i>Nguyen Khac Su</i> . From Con Moong cave to An Khe industry: new perceptions about Vietnamese and regional prehistory	66

Philology

<i>Andreeva V.A.</i> Phraseological variation in Vietnamese	76
---	----

ACADEMIC EVENTS

<i>Kolotov V.N.</i> Scientific-practical conference «The spiritual heritage of Ho Chi Minh. 50 years later» on the bank of the Neva	86
<i>Nikulina E.V.</i> Discussion in the IOS RAS on the current state of Russian-Vietnamese relations	90
On the defense of dissertations	93
The results of student Olympiad in Vladivostok	97

OFFICIAL DOCUMENTS

The Treaty on principles of friendly relations between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam	100
<i>Kobelev E.V.</i> The first agreement between new Russia and Vietnam (expert comment)	103
Results of the conference “International cooperation in a changing world” (Ho Chi Minh city)	107

BOOK REVIEWS

<i>Koldunova E.V.</i> ASEAN community at the center of Russian researchers attention. A review of “ASEAN Community in the Contemporary World”	116
<i>Sokolov A.A.</i> Navigator — New scientific publications on Vietnam	122

SCHOLAR'S JUBILEE

Language keeper. To the 70th anniversary of I.V. Samarina	129
---	-----

ПОЗДРАВЛЯЕМ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА С ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ!

23 мая 2019 г. в Посольстве СРВ в Москве в рамках официального визита в РФ премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука и открытия Перекрёстного года России и Вьетнама состоялась встреча высокого гостя и сопровождающей его делегации с активом Общества российско-вьетнамской дружбы и Союза ветеранов войны во Вьетнаме.

Частью этой встречи стала церемония награждения вьетнамским орденом Дружбы руководителя Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН д.э.н., профессора В.М. Мазырина и сотрудника Института востоковедения РАН И.В. Самариной «за большой и активный вклад в укрепление солидарности, дружбы и сотрудничества между народами Вьетнама и Российской Федерации».

Поздравляем руководителя Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, главного редактора электронного журнала «Вьетнамские исследования» Владимира Моисеевича Мазырина с высокой наградой Социалистической Республики Вьетнам, которая отражает его большой вклад в развитие вьетнамоведения в России и укрепление научного сотрудничества двух стран!

Редакция, Редакционная коллегия и Редакционный совет журнала

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10011

Benoît de Tréglodé

HANOI AND BEIJING: AMBIGUITIES OF A STRATEGIC PARTNERSHIP

Abstract. This paper investigates the ambiguities of the Vietnam-China relations. The history of the relations between the two neighboring countries, two sister-countries since the official recognition of the Democratic Republic of Vietnam (DRV) by the Soviet Union in January 1950, has always been marked by a mixture of mistrust and usefulness among the Vietnamese elites. This article shows that the Socialist Republic of Vietnam (SRV) continues to play a balanced diplomacy between the major powers in the interest of its elites concerned with maintaining their power. China and Vietnam are aware that the renewal of their security partnership will not avoid their disputes in the South China Sea. The modernization of the Vietnamese People's Army (VPA) is intended to demonstrate to the Chinese its ability to inflict damage on the People's Liberation Army (PLA). But in the event of a conflict, Hanoi would only seek to push Beijing back to the status quo as quickly as possible. The SRV does not see itself as the flagship of a future anti-Chinese protest in Southeast Asia, regardless of the expectations of Tokyo or Washington. The Vietnam's leaders know that they are limited in their actions, it is in this ambiguous area that the complexity of the Sino-Vietnamese relations is found since the normalization of relations between the two states in 1991. However, with its multidirectional diplomacy (state, provinces, communities), China is omnipresent in Vietnam, at all levels of its apparatus, and in all sectors. At this stage, alienating China, and its ASEAN partners, would represent a dangerous political choice that Vietnam is not ready to make. The SRV opts for dialogue and long time to manage the future of its relations with China.

Keywords: China, Vietnam, CPC, CPV, global strategic partnerships, security cooperation, White paper, elite.

Introduction

It is difficult to grasp the complexity of the relations between China and Vietnam without accepting the idea of a lack of clearly defined objectives. During their long common history, the Vietnamese and the Chinese have never imagined that their bilateral relations would be perfect. The two states nourish the relations shaped by the successive cycles of their tensions and reunions. Faced with China, one of the features of Vietnamese strategic thinking, developed in the fifteenth century by the scholar Nguyễn Trãi, is the relations made alternately of cooperation and confrontation (*vừa*

hợp tác, vừa đấu tranh). In Vietnam, popular culture is nourished by a double principle of attraction and rejection of China, the country cannot hide the Chinese model in its national construction. China is the Other, it is the invader, but it is also very similar to Vietnam. Even as the Socialist Republic of Vietnam pragmatically sealed in 1991 the normalization of its relations with Beijing after a decade of violence inaugurated by the deadly conflict of 1979, its leaders chose a new approach of “cooperation-fighting” to frame the relations with its large neighbor. For nearly three decades, Vietnam has chosen to use its history to temper the constraints of the current “great pragmatism” that is taking place between China and Southeast Asia. But how can the Vietnamese regime reconcile, on the one hand, a desire to remain in power without much reform and to integrate into global economic network, and, on the other hand, the maintenance of an almost dependent relations with China? This is a quest for a balance that is likely to complicate relations between two neighboring regimes with antagonisms rooted in their popular identities for a long time to come.

Literature review

The research focuses on the numerous factors shaping Vietnam-China relations. Vietnam has always been condemned to a “tyranny of geography” [Thayer 2011], within its relations with China. The “China threat” rhetoric is now common in the literature on international relations [Yee and Storey 2002] but Vietnam’s political discourses have always been uncomfortable to deal with the Chinese, even in the best period of the “communist brotherhood friendship” in the 1950s [de Tréglodé 2012]. The great disparity of size and power between the two countries has always been a factor for the Vietnamese to develop a “rhetoric of the obsession”, and it is almost everywhere in the Vietnamese political discourses since the very first years of the DRV political regime [Womack 2006, Le Hong Hiệp 2017]. Chinese constancy in Vietnam has been understood as the major influence of Chinese culture on Vietnamese culture, as Vietnamese culture was largely based on cultural resources of Chinese origin [Le Huu Khoa 2014: 37]. As a result, the Vietnamese elite as well as their researchers have consistently carried out a supersensitive image of China in order to hide many aspects of the regime. Research on Vietnam—China relations includes historical classics as of Woodside (1971), Chen (1987), and Carl Thayer on the strategic balance between the two states (1994, 2002, 2008, 2011, etc.) or Le Hong Hiep (2017). Besides these works, some researchers, rarer, point out the ambiguous situation in Vietnam today, with the CPV that owes its ideological survival to the CPC and whose elites no longer hesitate to generalize the use of double discourse, one word for Beijing, another for its people, in order to consolidate as a matter of priority its power weakened by opening the country to the world.

This article focuses on the ambiguity of the relations between the two neighboring countries, a grey area to be taken into account in understanding the wide gap between the words of the government of the Socialist Republic of Vietnam and the revival of anti-Chinese patriotism in the population.

Vietnam and the Chinese cultural model

In 1918, the reformist intellectual Phạm Quỳnh (1892—1945) explained in the newspaper *Nam Phong* (Wind from the South) that in the past China was not considered in Vietnam as a country but as a “world” comprising a whole series of distinguished peoples. And thus, for the Vietnamese, language and Chinese culture were more value-based than part of the Chinese political identity. According to Phạm Quỳnh, the universality of this world culture explains why Vietnamese have long felt free to make intellectual, linguistic, and cultural borrowings without fear of losing political

identity. In 1949, Mao Zedong's rise to power in China was a breakthrough in that it challenged the universality of Chinese culture in favour of a nation-centered political definition. Vietnam's systematic and uninterrupted political and cultural borrowing from China over the centuries was paradoxically slowed down by the new internationalist solidarity between the two sister countries. Through their highly centralized functioning, we see that the relations between the Chinese and Vietnamese communist parties have participated in strengthening the already existing nation states. Throughout its history, Vietnam has lived with the specter of Chinese interference. In the spring of 1950, despite the victory represented by the diplomatic recognition of the DRV by the socialist bloc in the wake of the Soviet Union, Ho Chi Minh feared that the Chinese advisors sent to his land by Mao Zedong, on Stalin's order, would take on too much importance in the affairs of the DRV. Ho did not accept the Soviet decision to grant Mao Zedong's China the right to represent the interests of the DRV diplomatically from the China's embassy in Moscow, the case lasted until 1952, despite protests from Vietnamese communists. In 1954, the presence of Chinese military advisors alongside General Võ Nguyên Giáp during the siege of Điện Biên Phủ had long been a state secret. From 1955 to 1975, the management of the "border of friendship", the Sino-Vietnamese overland border, gave rise to many upheavals between the two communist allies. During the Cold War, the Vietnamese communists had a narrow margin of maneuver with Beijing, despite internationalist solidarity.

Since the early 1950s, what has brought the Communist Party of China (CPC) and the Communist Party of Vietnam (CPV) together has clearly exceeded their membership of a single ideological movement. Belonging to the communist camp did not prevent tensions (in the 1960s) and wars (in the 1970s and 1980s) during the Cold War. After the border collision of February 1979, the war between the two neighboring states continued until the end of the 1980s. By normalizing their diplomatic relations in 1991, the two states officially wished to turn the page of a painful chapter in their relations. While France and the United States are officially the enemies of its two patriotic wars in the 20th century, the SRV chose not to mention China's role in its February-March 1979 war. On its monuments to the dead, the mention chosen for its martyrs fallen in this conflict is: "battles of the borders" (*Chiến tranh biên giới*). However, a change is taking place. Located in the province of Hà Giang, the cemetery of Vĩ Xuyên occupies a special and growing place in the memory policy of the SRV [Grossheim 2017]. The cemetery gives place to rituals of commemoration organized by the local authorities (town, district, province) but also at the level of the state apparatus¹. Since 2017, while the country's main newspapers, notably the *Nhân dân* (organ of the CPV) continued to remain silent on the anniversary of the February 1979 conflict, the Vietnamese authorities allowed a number of its media (*Tuổi Trẻ*, *Thanh Niên*, *VietnamNet* and *VnExpress*) to commemorate the event. The leaders of the propaganda department (*Ban Tuyên giáo Trung ương*) of the CPV aim for a two-pronged approach as the regime still needs more nationalism to strengthen the state apparatus and the Party's legitimacy in a society opening to the world economy.

China remains a multidimensional challenge for the Vietnamese, a source of ideology, political and strategic ties, an illustration of economic modernity, and a cultural reference. What binds China and Vietnam is a shared vision of power management issues and especially the future of their political institutions. The SRV and the People's Republic of China (PRC) are marked by the same gap between people and leaders. This duality has dominated Vietnamese history from the restoration of independence in the 10th century to the establishment of the communist state in the 20th century. Political elites seek to preserve their monopoly on public affairs; for peoples belonging to both a local and a national communities have always created a distinction between the local and the "higher community" ("the state", according to Karl Marx's formula). These cultural reflexes explain

¹ Interview by the author, Vĩ Xuyên (Hà Giang province), Spring 2018.

why the SRV and the PRC succeed in preserving a certain continuity among their elites [de Tréglodé 2018]. The regular phases of rewriting national history have allowed the political space to deal with the constraints of the time and to strengthen the interests of the nation and its political elites. Conversely, and this is one of the great differences between the two communist regimes, Hanoi and Beijing have never maintained the same relations with the rest of the world. Vietnam identifies itself through its integration on the international scene to better defend itself against China, while the latter continues to play its central role. The Vietnamese do not have the illusion of self-sufficiency, which distinguishes them from the Chinese in this respect.

A global strategic partnership

In 1991, with the disintegration of the Soviet Union and COMECON (the Council for Mutual Economic Assistance or *CЭБ* in Russian), Vietnam, on the occasion of the 7th Congress of the CPV, chose “the diversification and multilateralization of its economic relations with the world (...) so as to become the friend of all countries in the international community” [Nguyen Dy Niên 1995: 32]. By normalizing its relations with China, the SRV knew that the country was choosing a rapid integration on the international arena to avoid depending too much in the short term on its relations with Beijing. To do this, SRV has developed three distinct categories of partnerships: full partnerships (*đối tác toàn diện*); strategic partnerships (*đối tác chiến lược*) and, at the highest level, global strategic partnerships (*đối tác chiến lược toàn diện*). The SRV has signed this type of agreement with only three states: China, Russia, and India. China was the first state to conclude a global strategic partnership with Vietnam (2008) followed by Russia (2012), and India (2016). In the text signed between Beijing and Hanoi on June 1, 2008, the two parties agreed to strengthen, as a matter of priority, their cooperation “in the field of foreign affairs, defense, and national and regional security”. The agreement provides for an acceleration of economic, scientific, technological, cultural, educational relations between the two countries and the promotion of exchanges of youth and social organizations, and their civil societies. In the field of security and defense, the global partnership involves the holding of an annual bilateral defense dialogue and the establishment of sectoral cooperation. The text provides for a dialogue on conflict resolution, particularly in the event of tensions in the South China Sea.

In February 2010, the presentation of the SRV’s Defense White Paper tempered the partnership’s voluntarism. For the first time since the normalization of its relations with Beijing, the SRV explicitly noted in this public document the presence of “a cumbersome neighbor”. China will demand that given the changes in the political and economic environment between the two countries, Vietnam quickly reviews this document. The publication of the new SRV White Paper was initially scheduled for the 12th CPV Congress in January 2016. Nothing has been done and, since that date, the new text has been constantly postponed. At this stage, the leadership team formed around CPV Secretary General Nguyễn Phú Trọng would like to delete this reference. However, the regime should proceed continuously not to give the impression to the population that the RSVN is too close to Beijing. The political system of the SRV and the PRC are very similar, including the way they operate, and the profile of their elites (political and economic). When Vietnam organizes its CPV congresses, the leaders get into the habit of consulting the CPC. When a decision is difficult for the authorities to make, as was the case in November 2017 with the arrest of the Politburo member Đinh La Thăng, the SRV turns to Beijing. Each new institutional reform in China is carefully studied by the Vietnamese who reflect on how to adapt these texts. For example, the draft law on associations presented to the Vietnamese National Assembly in 2016 was an almost literal translation of a Chinese decree on the same subject. Similarly, the reform of the PLA is the subject of an in-depth study

in Vietnamese headquarters [Genevaz, 2016]. Despite regular tensions in the South China Sea, leaders show that the country is ready to turn to China, especially when it comes to anticorruption campaigns and state reform. Vietnam claims its filiation with the Chinese model in terms of political and economic transition. Beijing's economic successes are envied by Hanoi for having enabled "the Chinese population to have access to modern mass production and consumption" [Vu Doan Kêt, Salomon 2006: 244]. The country, they say, is no longer in a position to oppose the CPC directly, Vietnam must now deal with the renewal of Chinese centrality while "avoiding at all costs falling into a situation of conflict, isolation or dependence" vis-à-vis Beijing.

China and Vietnamese political elites

While the question of relations between the Chinese and Vietnamese communist parties is not new, from the ideological exchanges of the 1930s between the two communist parties to the organizational overhaul of the DRV by the PRC at the turn of the 1950s, these channels of exchange are essential to understanding their relations today. In both Vietnam and China, foreign ministries occupy a secondary position. Traditionally, the SRV has a stronger penchant for the track approach in its exchanges with Beijing, more informal and faster than diplomatic channels. In the early 1950s, the CPC and the CPV established an international liaison department within the CPC and the Labor Party (name of the CPV from 1951 to 1976). Under the aegis of the Central Committee of the two parties, the structure was responsible for its external relations, and more particularly, relations with the Soviet Union and sister party disputes.

Seventy years later, intraparty dialogue still predominates when it comes to managing relations with what remains of the former sister countries (Vietnam, China, North Korea, Cuba). The international liaison departments of the two parties are organized around geographical directorates (Europe, Asia, America, etc.) made up of teams of "diplomat-researchers" who are asked to think "with complete independence of mind and to produce policy papers devoid of any wooden language"¹. In practice since the 1950s, the bilateral relations between China and Vietnam have been dealt with mainly at this level [Gitter-Kania 2017]. The management of states' foreign affairs is also a matter of political apparatus and bureaucratic organization. The forms of Vietnamese communism organization have been characterized from the beginning by their flexibility, pragmatism, and discontinuities. Party technocrats, rather than diplomats, manage the bilateral relations with the Chinese authorities in a more flexible way and organizational specificity that continues to define the ties between the two states.

Since the 12th CPV Congress (January 2016), Vietnam's political leadership has wished to reassess its partnership with China. Beijing did not hide its satisfaction when it saw the end of the era of the former Prime Minister Nguyễn Tấn Dũng with whom relations had been strained at the end of his second term (2011—2016). In Vietnam, no leader is firmly "pro-China" or "pro-U.S.", but there are notable differences in the strategies to be adopted to balance relations with China and the United States. These appear as the main dividing line in the factional divisions structuring the political and administrative apparatus. The most conservative leaders tend to believe that the primacy of relations with China can help defuse crises. Nguyễn Tấn Dũng had been very critical of China and had seen the TPP (Transpacific Partnership Agreement) as a strategic tool to keep the U.S. engaged in the region and not just as a trade agreement (However, it has been estimated that the TPP would have boosted Vietnam's GDP by 11 %, or nearly 36 billion dollars, and increased exports by 28 % over the next decade [IRASEC 2019: 104]. But more ideologically close to Beijing, Nguyễn Phú Trọng preferred to emphasize a common history and socialist solidarity. In 2017, political realism and the we-

¹ Interview by the author, Beijing (China), Winter 2017.

ight of geographical factors finally led the Vietnamese authorities to join the China's new One Belt, One Road project (OBOR) [Aoyama 2016] while formalizing with the Guangxi and Yunnan authorities its development triangle Hai Phong Nanning and Lao Cai [Do Tien Sam, Ha Thi Hong Van 2009]. With the success of its economic policy and international integration over the past thirty years, SRV diplomacy has become more confident. The "Chinese threat" still exists for the Vietnamese, but it now reinforces their desire to get closer to China. SRV believes that waiting longer would mean negotiating with an even stronger country. In Beijing, the political power is determined to accompany the economic development of the Vietnamese as long as the regime does not go beyond the red line that would represent too great a political liberalization of the Hanoi regime. To avoid a "color revolution" on its southern border, Beijing is ready to play the economic weapon. Vietnamese have already lived through several boycotts of their products (usually trucks full of perishable goods blocked at the border) to punish them for political disagreement with China.

Sino-Vietnamese Security Cooperation

The resumption of political dialogue was naturally accompanied in the 1990s by strengthening of trade ties and a rapprochement of the diplomatic positions of the two countries on the international arena. At this stage, Xi Jinping's China is focusing on reviving its defense cooperation with Southeast Asia [Suehiro 2017]. While for the Vietnamese leaders the "Chinese threat" has not disappeared from their minds [Storey & Yee 2002], we must ask ourselves why China is seeking at all costs to improve its defense relations with the SRV? And yet if one positions oneself on the side of Vietnam, from the victory of Bạch Đằng in 1288 against the Mongols led by the general Trần Hưng Đạo to the 1979 border offensive, the myth of the beautiful hours of Asymmetrical Wars against China has lasted a long time. But the recent modernization of China People's Liberation Army is, however, weakening this myth. In the event of an open conflict, the Vietnamese general staff admits that the VPAN would no longer be able to resist the Chinese army. Based on this observation, Vietnam's leadership considers it preferable not to provoke the anger of Beijing. Several factors explain this paradigm shift. The SRV no longer believes in the intervention of a third country (i.e. the United States) in the South China Sea to counter Chinese advances. In the end, Vietnam will have to reach an agreement with China to find a solution, and that will take time [Vuving 2006]. Faced with such uncertainties, Vietnam's leaders have chosen to modernize the army and its defense budget has increased — according to estimates, from 1,287 billion in 2006 to 5,017 billion in 2016, an increase of 390 %, the official budget is secret [Noget 2018: 107].

A plurality of factors explains the revival of security cooperation between China and Vietnam since the Chinese oil extraction platform crisis (May-June 2014). As the first step, Hanoi needs to increase security cooperation on its northern borders as rapidly growing Chinese smuggling represents a danger to its economy. In January 2017, the two defense ministers (Generals Ngô Xuân Lịch and Chang Wanquan) signed in Beijing a joint vision statement on defense cooperation until 2025 in the presence of Nguyễn Phú Trọng and Xi Jinping. This type of document is primarily of political value. The VPA and the PLAC have 66 hotlines to exchange and manage their disputes. From an operational point of view, the results are more modest. Cooperation has indeed been established between the units of the two armies, but for the moment, mainly in the shared waters of the Gulf of Tonkin [de Tréglodé 2016]. On their overland border, Hanoi and Beijing organized their 4th joint counterterrorism exercise in 2017 in Lai Châu province (Vietnamese side) and Yunnan (Chinese side). But the security dimension of the exercise explains why its command was attributed to the police forces; the armies were only involved in support with two specialized units of their special operations forces. The cooperation sought by the PRC in counterterrorism is first and foremost

part of the Chinese law enforcement apparatus deployed by the PRC around the world to combat its “Uighur terrorism” [Abuza 2017]. In 2015—2016, Vietnamese police arrested and sent back to China between 10 and 20 Uighurs. This cooperative dynamic is more applicable in the multilateral field. Within ADMM+ (ASEAN Enlarged Defense Ministers Conference) in particular, China invites Vietnam to participate in several working groups focusing on nontraditional security issues, such as climate change (tsunamis, typhoons, and floods), defense of the marine environment, or transnational crime (piracy, human trafficking, etc.).

But while such cooperation is increasing, it is showing its limits, as Chinese and Vietnamese representatives continue to face problems of trust (confidence-building). Security convergence between China and Vietnam is developing for reasons of internal policies that are leading both states for more strict control of their populations. Security in cyberspace and the control of popular dissent is a new area of bilateral cooperation. The CPC and the CPV believe that skilfully orchestrated nationalism strengthens the political system. In Vietnam, the authorities allow a group of ultranationalists (the Red Flag movement), very active in the provinces of Nghệ An and Hà Tĩnh, to act and attack violently antisystem opponents (Catholics, political dissidents, activists) [de Tréglodé 2018: 115]. Like Xi Jinping, Vietnam’s leaders believe that society 2.0 is “a challenge to the sovereignty and security of countries,” and that this requires more political control. In December 2017, the SRV created Force 47, a new structure of 10,000 VPA soldiers to monitor deviant content on the Internet [Nguyễn Thụy Phương: 10.01.2018]. This new force is in addition to the A42 unit of the Ministry of Public Security in charge of controlling telecommunications resources in collaboration with the GD2 (General Directorate II), the intelligence service of the Ministry of Defense. At the present stage, China is pleased to have a strong regime on its southern border, generally in favour of its cause, and capable of supervising its population.

The Arms Procurement Factor; the United States, China, and Vietnam

Like the other countries of Southeast Asia, Vietnam has difficulty positioning itself during the two first years of Donald Trump’s presidency. One of the features of Vietnam’s diplomacy is to react little and wait to see how others position themselves. Vietnam has long maintained an emotional relationship with the United States, before the economic and then strategic dimensions dominated the bilateral relations. China’s affirmation on the international arena inevitably led Hanoi to move closer to Washington. Nevertheless, in keeping with its policy of balancing the major powers, Vietnam is still assessing the United States’ position in Asia-Pacific Region in terms of the future of its relations with Beijing. Faced with China, with whom Vietnam has a constrained and complicated historical relations, Hanoi maintains a policy of balance; there is no question of choosing. The SRV systematically keeps China informed of the progress in its relations with Washington in order to prevent its “Great Neighbor to the North” from giving a strategic interpretation to this normalization¹. China is not really worried that Vietnam will rebalance its relations with the United States. Thus, when Washington announced in May 2016, the lifting of its arms embargo with Vietnam, Beijing did not bother to comment on the event. It is of course not certain that the Chinese government will have the same appreciation if the VPA buys large war materiel from the Americans (combat aircraft, tanks, missile defense systems, etc.), but Hanoi does not seem ready to take such a political risk; the SRV prefers to maintain its military partnership with the Russians, which does not hinder the Chinese. However, some will argue that Beijing’s lack of official reaction is primarily linked to its new objectives in the field of defense cooperation with Vietnam, within the framework of its

¹ Interview by the author, Singapore, Spring 2019.

overall strategic partnership. Despite their maritime differences, China understands Vietnam's need to modernize its military apparatus. In China's military circles the issue of the sale of arms and military hardware to Vietnam is no longer just a taboo issue, but also appears to be a new objective for the PRC in its relations with Southeast Asian countries [Laksmana 2018: 110]. This approach is intended to demonstrate the degree of confidence that characterizes China's ambitious new security architecture project. China has so far sold few weapons to its neighbors, but the trend is reversing, as shown by China's recent contracts with Malaysia, Thailand, and the Philippines. The arms market is mainly in Russian hands in Vietnam, but Beijing, convinced of the growing quality of its products, and of its advantages in terms of price, interoperability and above all its political noninterference (as long as China's interests are not directly at stake), has begun to discuss it with Hanoi, and the issue no longer seems to bother the SRV Ministry of Defense. But in case of the possible turmoil surrounding the issue, China considers this preparatory round of discussion to be an element included in the global framework of its policy of rebalancing its strategic relations in the region. The first question for Hanoi is, therefore, whether Beijing's ambitions could be successful in the South China Sea, if the United States were to gradually withdraw from the region¹.

Conclusion

In Vietnam, the leaders prefer to believe that Beijing does not want to weaken their regime, the interest is first of all to preserve a sustainable and reliable Vietnam. The Chinese and Vietnamese do not hide that what they share is for the moment superior to their differences. In practice, the SRV is obliged to follow China's progress while preserving its national interests as much as possible. No one can predict how the strategic partnership between the two countries will evolve. China's policy toward the South China Sea has not changed, but it is the strategy of China evolving. The approach is now more collaborative. But by displaying a "diplomacy of cooperation", Beijing does not lose sight of its national interests. The Chinese and Vietnamese are aware that the renewal of their defense and security exchanges will not resolve their maritime disputes in the near future. But we can already see that the SRV is trying to avoid taking a direct lead in opposition to China. The Vietnamese do not see themselves as flag-bearers of a future anti-Chinese protest in the South China Sea, whatever the expectations of Tokyo or Washington. The Vietnamese know they are limited in their actions. With its diplomacy at several levels (state, province, community), China is omnipresent in the country, at all levels of its apparatus, and in all sectors. At this stage, the risk of offending the Chinese, and other regional partners, is a dangerous political step that the Vietnamese are not prepared to take. The SRV opts for dialogue and a long period of time to manage the future of its relations with China.

References

1. Abuza, Z. (2017). The Uigurs and China's Regional Counter-Terrorism Efforts. In *Terrorism Monitor*, Volume 15, Issue 16.
2. Aoyama, R. (2016). «One Belt, One Road»: China's New Global Strategy. In *Journal of Contemporary East Asia Studies*, Volume 5, Issue 2. P. 3—22.
3. Chen, K.C. (1987). *China's War with Vietnam, 1979: Issues, Decisions, and Implications*. Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University.

¹ A survey published in January 2019 shows that "Southeast Asia has major doubts about US reliability in the region. More than 68 % of those canvassed lack confidence in the US as a "strategic partner and provider of regional security. But there is also the recognition of Beijing as the unstoppable force it has become, amid an increasing realization that resistance is futile" [Mc Dermid: 7.01.2019].

4. Do Hiên Benoit, Pham Quang Minh (2015). Nouvelles élites économiques vietnamiennes [New Vietnamese economic elites]. Ocasional Paper IRASEC, Bangkok. February.
5. Do Tien Sam, Ha Thi Hong Van (2009). Vietnam—China Relations and Building the “Two Corridors, One Economic Belt”. Emile Kok-Kheng Yeoh (ed.). In *Towards Pax sinica? China's Rise and Transformation: Impacts and Implications*. Kuala Lumpur: University of Malaya (Institute of China Studies).
6. Duchère, Y. (2019). Hà Nội, une géographie du compromis en régime autoritaire [Hà Nội, a geography of compromise in an authoritarian regime]. Paris: Les Indes Savantes.
7. Genevaz, J. (2016). The reform of the People's Liberation Army, at the heart of China's state renewal. Paris, IRSEM Discussion Paper, n°29.
8. Gitter, D., Kania, E. (2017). The Limits of the CCP Liaison Work. Rift, Rapprochement, and Realpolitik in Sino-Vietnamese Relations. Pr. 2019. Center for Advanced China Research 16.05.
9. Grossheim, M. (2017). Der Krieg und der Tod. Heldengedenken in Vietnam [War and death. Heroic Remembrance Policy in Vietnam]. In *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Volume 65, Issue 4. P. 545—581.
10. IRASEC (2019). L'Asie du Sud-Est 2019. Bilan enjeux et perspectives [Southeast Asia 2019. Challenges and prospects]. C. Cabasset, C. Trần thi Liên (ed.). Bangkok / Paris: Les Indes Savantes.
11. Laksmana, Evan A. (2018). U.S. Policy in Asia — Perspectives for the Future. Rafiq Dossani and Scott W. Harold (ed.). Santa Monica, CA: RAND Corporation. P. 106—137.
12. Le Hong Hiệp (2017). Living next to the Giant. The political economy of Vietnam's Relations with China under Doi Moi. Singapore: ISEAS.
13. Le Huu Khoa (2014). Anthropologie du Vietnam [Anthropology of Vietnam], Vol. 5. L'espace cognitif du peuple [The cognitive space of the people]. Paris: Les Indes Savantes.
14. Mc Dermid, Charles (2019). Southeast Asia has major doubts about US reliability in the region, but still wary of China: Survey. In *South China Morning Post*, Hong Kong, January 7.
15. Ministry of Education (2017). Giáo dục Quốc phòng An ninh [Education defense security]. Hà Nội: Nxb Giáo dục.
16. MOFA SRV (1979). Sự thật về quan hệ Việt Nam Trung Quốc trong 30 năm qua [The truth about the Sino-Vietnamese relationship for 30 years]. Hà Nội: Nxb Sự thật.
17. Nguyễn Dy Niên (1995). Thế giới đang thay đổi, còn chúng ta? [The world is changing, what about us?]. In *MOFA: Hội nhập quốc tế và giữ vững bản sắc [International integration and maintenance of our specificities]*. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia.
18. Nguyen Thuy Phuong (2018). The Truth About Vietnam's New Military Cyber Unit. In *The Diplomat*, January 10.
19. Noget, B. (2018). La modernisation de l'APVN [The modernization of the PAVN]. In *Monde chinois, nouvelle Asie (Special Issue: China and Southeast Asia: towards a new regional order?)* Benoît de Tréglodé and Eric Frécon (ed.). Paris: Editions ESKA, n°53.
20. Quan hệ Việt Nam-Trung Quốc duy trì xu thế phát triển tích cực [The Sino-Vietnamese relationship maintains a trend of strengthened development]. In *Báo Quân đội Nhân dân*, 6.02.2018.
21. Storey, I. & Yee H.S. (2002). The China Threat: Perceptions, Myths and Reality. London: Routledge.
22. Suehiro, A. (2017). China's offensive in Southeast Asia: regional architecture and the process of Sinicization. In *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 6:2. P. 107—131.
23. Thayer, C.A. (2011). The Tyranny of Geography: Vietnamese Strategies to constrain China in the South China Sea. In *Contemporary Southeast Asia* 33:3. P. 348—369.
24. de Tréglodé, B. (2012). Heroes and Revolution in Vietnam. Singapore—Honolulu : NUS Press — University of Hawaii Press.
25. de Tréglodé, B. (2018). Histoire du Việt Nam de la colonisation à nos jours [History of Vietnam from colonization to nowadays]. Paris: Editions de la Sorbonne.

26. de Tréglodé, B. (2000). Les relations diplomatiques Hanoï — Moscou — Pékin à travers les documents (1950—1954) [Hanoi — Moscow — Peking diplomatic relations through documents (1950—1954)]. In *Revue Historique des Armées*. Paris, n°4, Décembre. P. 55—62.
27. de Tréglodé, B. (2016). Maritime Delimitation and Sino-Vietnamese Cooperation in the Gulf of Tonkin (1994—2016). In *China Perspectives*, Hong Kong, n.3. P. 33—41.
28. de Tréglodé, B. (2014). L'Asie du Sud-Est et la Chine de Xi Jinping: le grand accommodement [South East Asia pragmatism towards Xi Jinping China]. In *Asie—Monde émergents, édition 2014—2015* (JL. Racine ed.). Paris: La documentation française. P. 69—84.
29. de Tréglodé, Benoît (2018). Viêt Nam—Chine, la guerre n'aura pas lieu [Vietnam — China, the war will not take place]. In *RDN — Strategic Asia from India to the Pacific*. Paris, n°812. P. 115.
30. Vu Doan Kêt, Matthieu Salomon (2006). L'empire du Milieu perçu du Viêt Nam: grand frère incontournable et inquiétant [The Perceived Middle Empire of Vietnam: an unavoidable and worrying big brother]. In *Outre-Terre*, 15 (2), January. P. 229—245.
31. Vuving, A.L. (2006). Strategy and Evolution of Vietnam's China Policy: A changing Mixture of Pathways. In *Asian Survey*, 46, n°6. P. 805—824.
32. Womack, B. (2006). China and Vietnam: The Politics of Asymmetry. New York: Cambridge University Press.
33. Woodside, A. (1968/1969). Peking and Hanoi: Anatomy of a Revolutionary Partnership. In *International Journal*, Vol. 24, No. 1. P. 65—85.
34. Woodside, A. (1971). Vietnam and the Chinese Model. A comparative Study of Vietnamese and Chinese Government in the First half of the Nineteenth Century. Cambridge: Harvard University.
35. Xiaoming Zhang (2015). Deng Xiaoping's Long war: The Military Conflict between China and Vietnam (1979—1991). Chapel Hill-Londres: University of North Carolina.
36. Zhang Chi (2013). Historical Changes in Relations between China and Neighboring countries (1949—2012). Asia Papers Series. Institute for Security and Development Policy, Stockholm.

Author:

Benoît de Tréglodé, Director of Research, Institute for Strategic Research (IRSEM), Paris.
E-mail: bdt.asie@gmail.com.

Article history:

Received: March 06, 2019

Received in revised form: May 14, 2019

Accepted: June 03, 2019

Бенуа де Треглоде

ХАНОЙ И ПЕКИН: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

Аннотация. В этой статье рассмотрены неясности вьетнамско-китайских отношений. История отношений между двумя соседними «братскими странами» с момента официального признания Советским Союзом в январе 1950 г. Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) всегда была отмечена смесью недоверия к Китаю вьетнамских элит и осознания пользы этих отношений. Автор статьи заявляет, что Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) продолжает в интересах своих элит, пекущихся о сохранении власти, вести дипломатическую игру в целях соблюдения баланса между великими державами. Китай и Вьетнам знают, что возобновление партнерства в области безопасности не решит их споров о Южно-Китайском море. Модернизация Вьетнамской народной армии призвана продемонстрировать китайцам способность нанести ущерб Народно-освободительной армии Китая. Но в случае конфликта Ханой будет стремиться как можно быстрее вернуть Пекин в статус-кво. СРВ не считает себя флагманом будущего антикитайского сопротивления в Юго-Восточной Азии, невзирая на ожидания Токио или Вашингтона. Вьетнамские лидеры знают, что они ограничены в своих действиях, и именно в этой неоднозначности заключается сложность китайско-вьетнамских отношений с момента их нормализации в 1991 г. Однако со своей многоуровневой дипломатией (на уровне государства, провинций, общин) Китай вездесущ во Вьетнаме, он присутствует на всех этапах его аппарата и во всех секторах. На данном этапе отчуждение партнеров по АСЕАН от КНР представляло бы собой опасный политический выбор, который Вьетнам не готов сделать. СРВ на долгое время своих отношений с Китаем выбирает диалог.

Ключевые слова: Китай, Вьетнам, КПК, КПВ, глобальные стратегические партнерства, сотрудничество в сфере безопасности, Белая книга, элиты.

Автор:

Бенуа де Треглоде, директор по исследовательской деятельности, Институт стратегических исследований (ИРСЕМ), Париж, Франция. E-mail: bdt.asie@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 06.03.2018

Дата поступления в переработанном виде: 14.05.2019

Принята к печати: 03.06.2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10012

Нгуен Нгок Ха

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЬЕТНАМА НА ОБЩЕСТВО¹

Аннотация. Взгляды КПВ на общество существенно изменились с 1986 г. по сравнению с предыдущим периодом и со временем классики марксизма-ленинизма. Обновление взглядов проявилось в представлениях о частной капиталистической экономике, эксплуатации, социальной справедливости, государстве и социализме. В соответствии с новым подходом частная капиталистическая экономика признана движущей силой национальной экономики: она не обязательно порождает эксплуатацию, а различия в богатстве — несправедливость; сохраняется народное государство; при социализме не обязательно должны существовать производственные отношения, основанные на общественной собственности. Новый подход КПВ к обществу представляет собой творческое развитие марксизма-ленинизма.

Ключевые слова: обновление мышления, частная экономика, эксплуатация, социальная справедливость, государство, социализм.

Введение

В современном мире имеется много разных взглядов на общество. Политические партии при определении своего политического курса всегда опираются на какую-либо систему взглядов на общество. Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ) имеет собственную систему взглядов на общество. Основой этой системы являются марксизм-ленинизм и идеология Хо Ши Мина. Однако точка зрения КПВ на общество не является неизменной. В ходе своей деятельности с 1930 г. по настоящее время КПВ много раз изменяла, дополняла и развивала свои взгляды на общество. Наиболее значительные изменения произошли в 1986 г. (что стало считаться началом политики Обновления). Взгляды КПВ на общество с этого времени (в основном это нашло отражение в документах КПВ, Конституции и законах Вьетнама) возымели новое содержание по сравнению с периодом 1930—1986 гг. По теме обновления мышления в целом и обновления взглядов КПВ на общество в частности было проведено много исследований, тем не менее все еще существуют разные мнения о концепции Обновления. В данной статье раскрыта новизна взглядов КПВ на частную экономику, эксплуатацию, справедливость, государство и социализм.

В чем состоят новые взгляды КПВ на общество? Отличаются ли они от марксизма-ленинизма или всего лишь конкретизируют его? Ответ на эти вопросы внесет вклад в прояснение идеологии КПВ. В ряде трудов по изучению политики КПВ в области общественно-экономического развития Вьетнама [Nguyễn Duy Quý 2008], [Tô Huy Rúa, Hoàng Chí Bảo 2011], [Hoàng Chí Bảo 2011] авторы полагают, что с 1986 г. некоторые взгляды КПВ на общественно-экономическое развитие Вьетнама обновились по сравнению с предыдущим перио-

¹ Статья впервые опубликована на вьетнамском языке в журнале «Общественные науки Вьетнама» («Khoa học xã hội Việt Nam»), № 8. 2018 и доработана для публикации в журнале «Вьетнамские исследования».

дом. Эти новые взгляды представляют собой конкретизацию марксизма-ленинизма к условиям Вьетнама, но они не отличаются от подходов марксизма-ленинизма. По мнению автора, подход КПВ к обществу имеет отличия от марксизма-ленинизма [Nguyễn Ngọc Hà 2002, 2005, 2008]. Настоящая статья прояснит эти отличия путем анализа теоретических основ подхода КПВ к общественно-экономическому развитию Вьетнама и сравнения их с классическим марксизмом-ленинизмом. К примеру, во время анализа подхода КПВ, который состоит в том, что вьетнамское государство под руководством КПВ является народным государством, мы полагаем, что теоретической основой такого заключения является признание возможности существования народного государства; признание возможности существования народного государства есть представление о государстве; а это представление о государстве отличается от марксизма-ленинизма. При анализе нового подхода КПВ к обществу следует начинать с политики КПВ в области развития рыночной экономики. Это новая политика по сравнению с периодом до 1986 г. В соответствии с теорией исторического материализма признание рыночной экономики означает признание частной собственности; при переходе от общественной собственности к частной происходят изменения в мышлении о роли частной собственности; при изменении мышления о роли частной собственности происходят изменения в представлении о других проблемах, таких как эксплуатация, справедливость, государство, социализм и пр. Настоящая статья сравнивает подходы КПВ с положениями марксизма-ленинизма о частной экономике, эксплуатации, справедливости, государстве и социализме.

Новый взгляд на частную экономику

Частная экономика в целом и частная капиталистическая экономика в частности (или капиталистические производственные отношения) в период своего возникновения имели положительное воздействие (стимулировали рост производительных сил), но в определенный период это привело к отрицательным последствиям (сдерживание роста производительных сил). Однако в современных условиях, когда производительные силы имеют характер крупномасштабного промышленного производства, вопрос состоит в следующем: позитивное или негативное воздействие сохраняет частная капиталистическая экономика? Это важный общий вопрос. Ответить на него означает дать теоретическое обоснование для принятия политических решений. Если ответ состоит в том, что воздействие частной капиталистической экономики стало негативным, то будут приняты политические меры и решения в направлении ликвидации экономики частного капитализма. С другой стороны, если ответ состоит в том, что частная капиталистическая экономика все еще оказывает позитивное воздействие, то политические решения в направлении отмены частной капиталистической экономики не будут приняты.

Согласно новому подходу КПВ (с 1986 г.), в условиях современных производительных сил, характеризующихся крупномасштабным промышленным производством (когда промышленная революция собирается перейти к четвертой стадии, а производительные силы находятся на более высоком уровне, чем в середине XI в.), частная экономика в целом и частная капиталистическая экономика в частности все еще оказывают положительное влияние на развитие производительных сил (за исключением некоторых стран за короткий период). Эта новая точка зрения подтверждается в документах X съезда КПВ следующим образом: «Частная экономика играет важную роль и является одной из движущих сил экономики» [Đảng Cộng sản 2006: 83].

До X съезда в документах КПВ не было тезисов о том, что частная экономика является одной из движущих сил национальной экономики. Однако на самом деле начиная с 1986 г.

КПВ признала, что частный сектор экономики является одной из движущих сил национальной экономики. Признавая это, КПВ позволила частной экономике развиваться.

К 1994 г. Вьетнам в целом был интегрирован в международное сообщество в отношении признания положительного воздействия частной экономики.

Суть нового мышления во Вьетнаме с 1986 г. заключается в обновлении экономического мышления, а суть обновления экономического мышления заключалась в обновлении точки зрения на частную экономику (со старых позиций о том, что экономика частного капитализма оказывала негативное влияние на развитие производительных сил, на новую позицию, суть которой состоит в том, что в современных условиях частная капиталистическая экономика все еще оказывает положительное влияние на развитие производительных сил). Эта новая точка зрения на частную экономику является наиболее важным обновлением взглядов КПВ на общество.

Новая точка зрения на эксплуатацию

Обновление точки зрения на частную экономику привело к обновлению многих других точек зрения на общество, включая точку зрения на эксплуатацию. Эксплуатация означает, что один человек присваивает плоды труда другого человека. Эксплуатация — это поведение, которое подвергается моральной и этической критике. Эксплуатируемые хотят немедленно прекратить эксплуатацию человека человеком. Однако сложный и важный вопрос состоит в том, каковы условия для прекращения эксплуатации? На эту проблему есть две разные точки зрения. Первая из них заключается в том, что, пока существует частная капиталистическая экономика, сохраняется эксплуатация человека человеком. Вторая точка зрения заключается в том, что частная капиталистическая экономика не обязательно означает эксплуатацию человека человеком.

Согласно новой точке зрения КПВ, сохранение частной капиталистической экономики необязательно приводит к эксплуатации человека человеком. Согласно новому подходу, не все частные капиталистические предприниматели являются эксплуататорами; не все сотрудники являются эксплуатируемыми; нет необходимости отменять частную капиталистическую экономику, чтобы прекратить эксплуатацию человека человеком. Такова смена взглядов на условия прекращения эксплуатации.

КПВ с 1986 г. позволила экономике частного капитализма выживать и развиваться. Со времени проведения своего X съезда в 2006 г. КПВ позволила беспартийным, а также членам партии заниматься частным капиталистическим бизнесом без ограничения масштаба. КПВ утверждает, что «члены Коммунистической партии в частной экономической деятельности должны служить примером соблюдения законов и политики государства, строго соблюдать Устав КПВ и постановления Центрального Комитета КПВ» [Đảng Cộng sản 2006: 133], а также «продолжать осуществлять курс Партии в области ведения частного бизнеса; содействовать приему соответствующих критериям частных предпринимателей в Партию» [Đảng Cộng sản 2011: 58]. Это доказывает, что КПВ больше не проводит политику дискриминации в отношении частных предпринимателей.

Работа в области частной капиталистической экономики стала законной во Вьетнаме с 1986 г. По этой причине появилось мнение о том, что КПВ с этого времени допустила легальную эксплуатацию человека человеком. Это мнение ошибочно в теории и вредно на практике. Такой аргумент теоретически неверен, поскольку обоснование отмены режима эксплуатации человека человеком во Вьетнаме является постоянной целью КПВ с 1930 г. по настоящее время; в документах КПВ нет никаких аргументов в пользу того, что партия по-

звolyет кому-либо (вьетнамцам или иностранцам) эксплуатировать вьетнамский народ. Позволяя всем людям (как вьетнамцам, так и иностранцам) заниматься деятельностью в частной капиталистической экономике во Вьетнаме (если они имеют капитал и соблюдают вьетнамские законы), КПВ не позволяет никому эксплуатировать вьетнамский народ. Цель КПВ по отмене режима эксплуатации человека является приоритетной, но её позиция по условиям прекращения режима эксплуатации человека изменилась (от начальной позиции, что пока существует частная капиталистическая экономика, ситуация с эксплуатацией человека также сохраняется, к новой позиции, которая исходит из того, что частная капиталистическая экономика не обязательно приводит к эксплуатации человека человеком). Упомянутое выше мнение наносит практический ущерб, поскольку означает дискредитацию работающих в частной капиталистической экономике в моральном и этическом отношении. Когда общество считает частных капиталистов (хотя они строго соблюдают закон) эксплуататорами, то у них не будет благоприятной социально-психологической среды для деловой активности.

Новый взгляд на справедливость

Справедливость (в распределении богатства) означает прекращение несправедливости; это наслаждение богатством, соответствующим уровню вклада. С таким пониманием справедливости почти каждый хочет её достичь, иногда даже немедленно. Однако при объяснении конкретных характеристик справедливости возникают разногласия. Одни говорят, что разница в богатстве порождает несправедливость, или, другими словами, когда достигнута справедливость, нет различий в богатстве. Другие утверждают, что различия в богатстве не обязательно порождают несправедливость, а это означает, что нет необходимости, чтобы при достижении справедливости не было разницы в богатстве.

С точки зрения марксизма-ленинизма разница в богатстве означает несправедливость; в обществах с частной собственностью (рабство, феодализм, капитализм, переход от капитализма к коммунизму) и даже на ранних стадиях коммунистического общества (при социализме) все еще существуют различия в богатстве и, следовательно, несправедливость; чтобы устранить несправедливость, не должно быть никакой разницы в богатстве; для устранения различий в богатстве необходимо не только отменить частную собственность, но и обеспечить распределение богатства на основе потребностей; чтобы обеспечить распределение материальных благ на основе потребностей, человечество должно перейти на высокую ступень коммунистического общества. В связи с этим В.И. Ленин писал: «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассаля о “равенстве” и “справедливости” вообще, Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту “несправедливость”, что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления “по работе” (а не по потребностям)» [Lênin 1978: 114—115]. Мнение КПВ в период до Обновления соответствовало этой точке зрения.

В соответствии с новой точкой зрения КПВ, разница в богатстве не обязательно означает несправедливость; экономика частного капитализма не обязательно является несправедливой; несправедливость может быть устранена сразу (т. е. установлена справедливость), и нет необходимости ждать высокой стадии коммунистического общества. Это изменивший-

ся взгляд на характеристики справедливости и условия осуществления справедливости. Этот новый взгляд отражен выше («социальный прогресс и социальная справедливость должны реализовываться шаг за шагом и во всех программах развития» [Đảng Cộng sản 2006: 32], «реализация социального прогресса и социальной справедливости шаг за шагом и во всех программах развития являются основной и последовательной политикой партии и государства, отражающей благую природу социалистического строя» [Đảng Cộng sản 2011: 43]). Из данных аргументов следует, что при современных условиях, когда каждому разрешено заниматься частным капиталистическим бизнесом, справедливость может и должна быть реализована (не обязательно ждать отдаленного будущего для достижения справедливости).

С учетом устаревшей точки зрения на характеристики справедливости и условий для осуществления справедливости и в то же время стремления немедленно устранить несправедливость, в период перед Обновлением КПВ (как и многие другие коммунистические партии) внедрила режим распределения в направлении сокращения различий в благосостоянии людей; таким образом, разрыв в благосостоянии (т. е. разрыв между богатыми и бедными) во Вьетнаме постоянно сокращался. С новым взглядом на характеристики справедливости, а также на условия и желание ее реализации в течение периода Обновления КПВ выступила за внедрение режима распределения, который не уменьшает разрыв в уровне благосостояния людей; таким образом, разрыв в благосостоянии во Вьетнаме увеличился. Поэтому некоторые считают, что в период Обновления несправедливость во Вьетнаме возросла; даже полагают, что во время Обновления КПВ пожертвовала своей целью достижения справедливости в обмен на экономический рост. Оба этих взгляда являются ошибочными, потому что увеличение разрыва в благосостоянии не свидетельствует о росте несправедливости; ради устойчивого экономического роста цель достижения справедливости не может быть принесена в жертву; и немедленное устранение несправедливости (а также немедленная отмена режима эксплуатации человека человеком) является приоритетной целью КПВ. Можно констатировать, что позиция КПВ относительно характеристик справедливости и условий ее реализации изменилась (с устаревшей позиции: пока существует различие в благосостоянии, несправедливость сохраняется, и для достижения справедливости необходимо отменить частную собственность и распределение богатства по потребностям — на обновленную позицию: разница в богатстве не обязательно означает несправедливость, а достижение справедливости необязательно означает отмену частной собственности и распределения по потребностям).

Новая точка зрения на государство

Государство — это аппарат управления обществом путем принятия законов и применения насилия для обеспечения соблюдения закона. Каждый легко отличит государство от других форм управления обществом. Однако есть сложный вопрос: кому принадлежит государственный аппарат и кого он подавляет?

Марксизм-ленинизм считает, что государство — это аппарат одного класса, который используется для подавления других классов в своих интересах; ни одно государство не является достоянием народа (всех классов); в истории существовало только четыре типа государств: государство класса рабовладельцев (для подавления класса рабов), государство класса помещиков (для подавления крестьян), государство буржуазии (для подавления пролетариата) и государство пролетариата (для подавления буржуазии). По этому вопросу В.И. Ленин писал: «Поэтому *всякое* государство не свободно и не народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах» [Lênin 1978: 25]. Точка зрения на КПВ в период перед Обновлением соответствовала этой точке зрения.

Согласно новой позиции КПВ, может существовать народное государство. Эта точка зрения выражается в следующем: «Наше государство — это социалистическое правовое народное государство, созданное народом и для народа» [Đảng Cộng sản 2011: 85]. Почему? Если предположить, что ни одно государство не является народным, то следует предположить, что и наше государство не является таковым; если мы думаем, что наше государство — это народное государство, то мы должны предположить, что может быть народное государство. Вышеупомянутая точка зрения КПВ заключается в том, что наше государство — это народное государство. Это доказывает, что согласно новой точке зрения КПВ может существовать народное государство.

Народное государство управляет обществом, вырабатывая законы и используя инструменты насилия, чтобы заставить людей соблюдать эти законы. Таким образом, руководители государственного аппарата избираются народом; законы разрабатываются руководителями на благо всего народа (не только в интересах определенного класса); и инструменты насилия государства не используются для подавления какого-либо класса, но используются для подавления лиц (принадлежащих к разным классам) за несоблюдение или неподчинение закону. Любое демократическое государство считает себя народным государством. Однако пока нет точного научного инструментария для объективной количественной оценки уровня народности демократического государства, нам трудно определить, является ли действительно народным то или иное государство.

Представление о том, что может существовать народное государство, является новым и очень важным (по сравнению с точкой зрения марксизма-ленинизма и КПВ в период до Обновления). Эта точка зрения согласуется с курсом на общенациональное сплочение (сплочение всех классов и всех слоев общества, без исключения какого-либо класса или слоя). Согласно устоявшемуся подходу в современных официальных книгах и средствах массовой информации, во Вьетнаме нет класса буржуазии, а следовательно, нет и класса пролетариата, есть только рабочий класс и крестьянство, а также два слоя: интеллигенция и бизнесмены. Таким образом, все население Вьетнама теперь состоит из двух классов и двух слоев. Народное государство во Вьетнаме в настоящее время является государством этих двух классов и двух слоев. Хотя сегодня во Вьетнаме могут быть и другие названия социальных групп, однако очевидно, что все основные социальные группы во Вьетнаме теперь являются народом и хозяевами страны. Ни один класс не подлежит эксплуатации другим классом или репрессиям со стороны государства. Государство подавляет только отдельных лиц или небольшие социальные группы, намеревающиеся нарушить закон.

Новая точка зрения на социализм

Социализм — прекрасное общество. При таком понимании многие страны (включая Вьетнам) выступают за построение социализма. С 1930 г. по настоящее время КПВ всегда выступала за построение социализма. Однако с 1986 г. точка зрения на социализм изменилась.

Согласно марксизму-ленинизму, одной из характеристик социализма является режим общественной собственности. С этой точки зрения те страны, которые не отменили режим частной собственности, нельзя назвать социалистическими странами. Такова была и точка зрения КПВ до начала Обновления.

Согласно новому подходу КПВ, для построения социализма нет необходимости отменять частную собственность. В Программе национального строительства в переходный период к социализму (дополнено и развито в 2011 г.) написано: «Социалистическое общество, которое строит наш народ, — это общество с богатым народом, сильной страной, демокра-

тическое, справедливое, цивилизованное; где народ является хозяином; с высокоразвитой экономикой, основанной на современных производительных силах, средствах производства и надлежащих производственных отношениях; с развитой культурой, глубоко пропитанной сильной национальной идентичностью; с людьми, наслаждающимися хорошей жизнью, свободой, счастьем и условиями для всестороннего развития; все народы Вьетнама равны, едины, уважаемы и помогают друг другу в развитии; народное социалистическое правовое государство создано народом и для народа под руководством Коммунистической партии; поддерживает отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами мира» [Đảng Cộng sản 2011: 70].

Считается, что социализм обязательно должен опираться на соответствующие прогрессивные производственные отношения, но не обязательно основанные на режиме общественной собственности.

Согласно новому подходу, социализм не противопоставляется рыночной экономике, социализм может быть успешно построен в условиях развития частной капиталистической экономики. Это важное обновление взглядов на социализм.

Заключение

Обновление Вьетнама началось в 1986 г. с обновления мышления, потому что только при этом условии можно добиться обновления действия. Обновленное мышление КПВ включало в себя концепцию обновления общества в целом и концепцию обновления общества во Вьетнаме в частности. Концепция обновления общества в целом послужила основой для разработки подхода обновления общества во Вьетнаме в частности для теоретического обоснования планирования новой системы государственной политики и законов. Благодаря обновлению своих взглядов на общество в целом, КПВ смогла обновить политику и право. Благодаря обновлению взглядов КПВ на политику и право, в стране произошло обновление экономической, политической и социально-культурной жизни. Новые подходы КПВ к обновлению общества в целом нашли отражение не только в пяти сферах, которые были освещены выше (частный экономический сектор, эксплуатация, справедливость, государство и социализм), но также и во многих других областях. Эти новые подходы свидетельствуют, что КПВ творчески развивает марксизм-ленинизм.

Список литературы

1. Đảng Cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ X [Коммунистическая партия Вьетнама. Документы X съезда КПВ]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 2006.
2. Đảng Cộng sản Việt Nam. Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI [Коммунистическая партия Вьетнама. Документы XI съезда КПВ]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 2011.
3. Đảng Cộng sản Việt Nam, Ban Chấp hành Trung ương. Báo cáo tổng kết một số vấn đề lý luận — thực tiễn qua 30 năm đổi mới: 1986—2016 [ЦК КПВ. Обобщающий доклад по некоторым теоретическим и практическим вопросам за 30 лет Обновления: 1986—2016 гг.]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 2015.
4. Hoàng Chí Bảo. Những nhận thức lý luận mới của Đảng Cộng sản Việt Nam trong Văn kiện Đại hội XII // *Tạp chí Khoa học xã hội Việt Nam* [Хоанг Ти Бао. Новые теоретические положения Коммунистической партии Вьетнама в документах XII съезда партии // *Общественные науки Вьетнама*]. 2016. № 5.

5. Lênin V.I. Toàn tập, t.33 [Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33]. Matxcova: Nxb Tiến bộ, 1978.
6. Nguyễn Duy Quý. Đổi mới tư duy và công cuộc đổi mới ở Việt Nam [Нгуен Зюи Куи. Обновление мышления и обновление во Вьетнаме]. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội, 2008.
7. Nguyễn Duy Quý (chủ biên). Những vấn đề lý luận về chủ nghĩa xã hội và con đường đi lên chủ nghĩa xã hội ở Việt Nam [Теоретические проблемы социализма и путь к социализму во Вьетнаме / Нгуен Зюи Куи отв. ред.]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 1998.
8. Nguyễn Huy. “Bóc lột” và hướng giải quyết “vấn đề bóc lột” trong điều kiện phát triển kinh tế thị trường định hướng xã hội chủ nghĩa // *Tạp chí Triết học* [Нгуен Хюи. «Эксплуатация» и решение «проблемы эксплуатации» в развитии социалистической рыночной экономики // *Философия*]. 2002. № 12.
9. Nguyễn Ngọc Hà. Có phải làm kinh tế tư bản tư nhân là bóc lột? // *Tạp chí Triết học* [Нгуен Нгок Ха. Обязательна ли при частнокапиталистической экономике эксплуатация? // *Философия*]. 2003. № 3.
10. Nguyễn Ngọc Hà. Kinh tế thị trường với chủ nghĩa xã hội // *Tạp chí Triết học* [Нгуен Нгок Ха. Рыночная экономика и социализм // *Философия*]. 2005. № 8.
11. Nguyễn Ngọc Hà. Nguyên tắc phân phối vì mục tiêu công bằng xã hội ở nước ta hiện nay // *Tạp chí Triết học* [Нгуен Нгок Ха. Принцип распределения с целью достижения социальной справедливости в нашей стране в настоящее время // *Философия*]. 2002. № 8.
12. Nguyễn Ngọc Hà. Tính giai cấp và tính nhân dân của nhà nước // *Tạp chí Triết học* [Нгуен Нгок Ха. Классовый и народный характер государства] // *Философия*. 2008. № 4.
13. Tô Huy Rứa, Hoàng Chí Bảo, Trần Khắc Việt, Lê Ngọc Tông. Quá trình đổi mới tư duy lý luận của Đảng từ năm 1986 đến nay [То Хюи Рыа, Хоанг Ти Бао, Чан Кхак Вьет, Ле Нгок Тонг. Процесс обновления теоретического мышления Коммунистической партии Вьетнама с 1986 г. по настоящее время]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật, 2011.

Автор:

Нгуен Нгок Ха, д. филос. н., профессор, зам. главного редактора журнала «Общественные науки Вьетнама» Академии общественных наук Вьетнама.

E-mail: nguyenngocha08@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 30.03.2019

Дата поступления в переработанном виде: 14.05.2019

Принята к печати: 26.05.2019

Nguyen Ngoc Ha

NEW VIEWS OF THE COMMUNIST PARTY OF VIETNAM ON SOCIETY

Abstract. Many new points of Renovation have been seen in the Communist Party of Vietnam's viewpoint on society since 1986 compared to the previous period and compared with that of classical Marxism-Leninism. The new view is presented in the new view on private capitalist economy, exploitation, equity, the state and socialism. Accordingly, the private capitalist economy remains the driving force of the economy, practicing the private capitalist economy is not necessarily exploitation, it is not necessarily that when there exist differences in wealth, there exists injustice too. The view also includes that there can be the state of the people, and it is not necessarily that socialism must have production relations which are based on public ownership. The new CPV viewpoint is the creative development of Marxism-Leninism.

Keywords: Renovation of the thinking, private economy, exploitation, justice, state, socialism.

References

1. Đảng Cộng sản Việt Nam (2006). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ X [Communist Party of Vietnam. Documents of the 10th National Party Congress]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật.
2. Đảng Cộng sản Việt Nam (2011). Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XI. [Communist Party of Vietnam. Documents of the 11th National Party Congress]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật.
3. Đảng Cộng sản Việt Nam, Ban Chấp hành Trung ương (2015). Báo cáo tổng kết một số vấn đề lý luận — thực tiễn qua 30 năm đổi mới: 1986—2016 [the Central Committee of Communist Party of Vietnam. Synthesis Report on Some Theoretical and Practical Issues over 30 years of Renovation: 1986—2016]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật.
4. Hoàng Chí Bảo (2016). Những nhận thức lý luận mới của Đảng Cộng sản Việt Nam trong Văn kiện Đại hội XII [New Theoretical Perspectives of Communist Party of Vietnam in Documents of the 12th National Party Congress]. In *Tạp chí Khoa học xã hội Việt Nam*, số 5.
5. Lênin, V.I. (1978). Toàn tập, t.33 [Complete Works, Vol. 33]. Matxcova: Nxb Tiến bộ.
6. Nguyễn Duy Quý (2008). Đổi mới tư duy và công cuộc đổi mới ở Việt Nam [Renovation of Thinking and Renovation in Vietnam]. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội.
7. Nguyễn Duy Quý (chủ biên) (1998). Những vấn đề lý luận về chủ nghĩa xã hội và con đường đi lên chủ nghĩa xã hội ở Việt Nam [Theoretical Issues of Socialism and Path to Socialism in Vietnam, Nguyen Duy Quy (ed)]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật.
8. Nguyễn Huy (2002). «Bóc lột» và hướng giải quyết «vấn đề bóc lột» trong điều kiện phát triển kinh tế thị trường định hướng xã hội chủ nghĩa [«Exploitation» and Solution to «Exploitation» in Development of Socialistoriented Market Economy]. In *Tạp chí Triết học*, số 12.
9. Nguyễn Ngọc Hà (2003). Có phải làm kinh tế tư bản tư nhân là bóc lột? [Is Private Capitalist Economy Exploitative?]. In *Tạp chí Triết học*, số 3.
10. Nguyễn Ngọc Hà (2005). Kinh tế thị trường với chủ nghĩa xã hội [Market Economy and Socialism]. In *Tạp chí Triết học*, số 8.
11. Nguyễn Ngọc Hà (2002). Nguyên tắc phân phối vì mục tiêu công bằng xã hội ở nước ta hiện nay [Principles of Distribution for Purpose of Social Justice in our Country at Present]. In *Tạp chí Triết học*, số 8.

12. Nguyễn Ngọc Hà (2008). Tính giai cấp và tính nhân dân của nhà nước [Class Characteristics and People Characteristics of State]. In *Tạp chí Triết học*, số 4.

13. Tô Huy Rứa, Hoàng Chí Bảo, Trần Khắc Việt, Lê Ngọc Tòng (2011). Quá trình đổi mới tư duy lý luận của Đảng từ năm 1986 đến nay [Process of Renovation of Communist Party of Vietnam's Theoretical Thinking since 1986 up to Now]. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia Sự thật.

Author:

Nguyễn Ngọc Hà, D.Sc. (Philosophy), Professor, deputy Editor-in-Chief of the Vietnam Social Sciences Journal of Vietnam Academy of Social Sciences.

E-mail: nguyenngochoa08@gmail.com

Article history:

Received: March 30, 2019

Received in revised form: May 14, 2019

Accepted: May 26, 2019

Социально-экономическое развитие

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10013

С.В. Рязанцев, Р.В. Маньшин, Е.М. Моисеева, В.Н. Пинчук

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ВЬЕТНАМА: СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного эмиграционного потенциала Вьетнама и факторов, его формирующих. Рассмотрены основные виды выездных потоков, их направления, выталкивающие и притягивающие факторы на территориях выбытия и прибытия мигрантов. В качестве основных видов охарактеризована трудовая и учебная эмиграция, а направлений — экономически более развитые страны Азии, Персидского залива, Европы и Северной Америки. Особое внимание уделено особенностям вьетнамской миграции в Россию на современном этапе и сделан вывод, что она занимает крайне скромное место в миграционных установках вьетнамцев. В заключение предложены возможные пути совершенствования российской миграционной политики с целью укрепления связей с СРВ.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, миграционная политика, трудовая и образовательная эмиграция, въездные и выездные потоки, демографический потенциал.

Введение

Демографическое и социально-экономическое развитие СРВ породило мощные миграционные потоки, которые, в свою очередь, разнонаправленно влияют на это развитие. На современном этапе всё большую значимость приобретает международная миграция. Вьетнам, благодаря молодой половозрастной структуре населения, обладает значительным демографическим потенциалом и в среднесрочной перспективе может стать региональным лидером в области миграции населения. Это позволяет говорить об актуальности темы и необходимости дальнейшего ее исследования с учетом пробелов в изучении данной проблематики.

Большинство зарубежных и вьетнамских исследований посвящено вопросам внутренних перемещений населения в СРВ [Coxhed, Nguyen Viet Cuong, Linh Hoang Vu 2015; Нгуен Куок Хунг 2018]. Ряд работ освещает особенности миграции населения из Вьетнама в страны Запада, Восточной и Юго-Восточной Азии [Campi 2005; Futaba 2013; Vu Ngoc Binh 2018]. Некоторые отечественные исследователи занимались изучением отдельных видов миграции из Вьетнама в Россию и ее регионы [Соколовский 2018], поведения и особенностей адаптации вьетнамских мигрантов на российском рынке труда [Мазырин 2004, Леденёва 2018].

Авторами выделены следующие ключевые задачи данного исследования: провести анализ основных эмиграционных потоков из Вьетнама, определив выталкивающие и притягивающие факторы; охарактеризовать такие формы миграции из Вьетнама, как трудовую и образовательную, дать анализ эмиграции из СРВ в Россию, выявив ее особенности и струк-

туру, сравнить поток трудовой миграции из Вьетнама с потоками из других стран дальнего зарубежья на российском рынке труда; обосновать необходимость проведения Россией активной политики по привлечению мигрантов из СРВ как ключевого и стратегически важного партнера в регионе Юго-Восточной Азии в контексте усиления «азиатского вектора».

Миграция из Вьетнама

Со второй половины XX в. началась новая волна активной миграции из Вьетнама. Война против США во Вьетнаме 1964—1975 гг. и последовавший за ней китайско-вьетнамский пограничный конфликт 1979 г. породили массовые потоки беженцев. Большая часть из них бежала на Запад, в первую очередь в США, а также в приграничные провинции Китая. По оценкам Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), в настоящий момент в США проживает около 2 млн вьетнамцев, в то время как в Китае их численность превышает 300 тыс. человек [UNHCR Statistics: 20.02.2019].

После окончания войны другим традиционным направлением эмиграции стали страны социалистического лагеря, главным образом Советский Союз. Еще до окончания войны туда начали направляться для обучения и повышения квалификации вьетнамские студенты и специалисты. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., в нашей стране проживало 26 тыс. этнических вьетнамцев, а по данным переписи 2010 г., их число сократилось до 14 тыс. [Рязанцев, Маньшин 2016: 109]. Однако оценки ведущих отечественных исследователей говорят о том, что недоучет в ходе переписей может быть достаточно велик, и в действительности вьетнамская диаспора в России может насчитывать 100—150 тыс. человек [Мазырин 2004: 364].

Направление и интенсивность миграционных потоков из Вьетнама значительно изменились после того, как в 1986 г. правительство страны начало серию реформ, известных как *Đổi Mới*, целью которых стало построение «социалистически ориентированной рыночной экономики». Последствиями этого стали постепенная интеграция в мировую экономику, затронувшая и рынок труда Вьетнама, и сферу образования, и туристическую индустрию, а также ослабление миграционного контроля. Границы страны стали еще более открытыми после вступления Вьетнама в АСЕАН в 1995 г. и в ВТО в 2007 г. Основным видом миграции из страны стала уже не гуманитарная, а трудовая, коммерческая, учебная, брачная, туристическая.

По данным правительства Вьетнама, въездные и выездные потоки в стране на протяжении последних лет в целом сохраняют тенденцию к росту. В 2015—2016 гг. наметилось сокращение миграционного оттока, вызванное негативными тенденциями в экономике Вьетнама и отголосками мирового финансового кризиса. При этом стабильно наблюдается миграционная убыль населения за счет международных перемещений (табл. 1).

Таблица 1. Потоки выезжающих из Вьетнама и въезжающих в эту страну (2012—2016)

Год	Выбыло, человек	Прибыло, человек	Миграционная убыль, человек
2012	5 346 839	5 088 277	–258 562
2013	6 136 215	5 856 852	–279 363
2014	6 573 687	6 120 684	–453 003
2015	6 219 583	5 957 465	–262 118
2016	5 919 662	5 858 528	–61 134

Источник: Viet Nam Migration Profile 2016. International Organization for Migration. Hanoi, 2017. P. 18.

Соответственно растет численность граждан Вьетнама, проживающих за рубежом. Так, с 1990 по 2017 г. она увеличилась более чем в два раза, составив 2 727 398 человек против 1 235 348 человек [International migrant stock: 20.02.2019]. Это почти 3 % от всего населения СРВ. По данным за 2017 г., больше всего вьетнамцев находилось в США (51,7 %), Австралии (8,7 %), Канаде (7,0 %), Франции (4,7 %), Южной Корее (4,2 %). Россия занимает в данном списке 18-е место. По сведениям Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2017 г. в России числилось 13 680 граждан Вьетнама, что составляло всего 0,5 % от численности всех вьетнамцев, проживающих за рубежом [International migrant stock: 20.02.2019]. В целом вьетнамцы предпочитают выезжать в страны Запада и экономически более развитые азиатские страны, такие как РК, КНР, Япония.

Трудовая эмиграция

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последнее время Вьетнамом в преодолении бедности, снижении уровня безработицы, индустриализации и развитии «третичного сектора» экономики, темпы экономического роста страны оказываются недостаточно велики по сравнению с темпами роста численности ее рабочей силы. Из-за снижения рождаемости заметно сократилась доля населения младше трудоспособного возраста, т. е. от 0 до 14 лет (с 37 % в 1990 г. до 23 % в 2017 г.). В то же время представители наиболее многочисленных поколений вступили в трудоспособный возраст, и доля населения 15—64 лет возросла с 57 % в 1990 г. до 70 % в 2017 г. При этом доля пожилого населения в возрасте 65 лет и старше за этот период увеличилась незначительно — с 6 до 7 % [GSO: 20.02.2019; ESCAP: 20.02.2019]. Поэтому СРВ продолжает оставаться трудоизбыточным регионом, что делает трудовую миграцию важнейшим из ее видов. Численность граждан Вьетнама, выезжающих на работу за рубеж, продолжает увеличиваться с каждым годом (в 2017 г. она достигла 134 751 человек), при этом растет доля женщин, покидающих страну с целью трудоустройства (рис. 1).

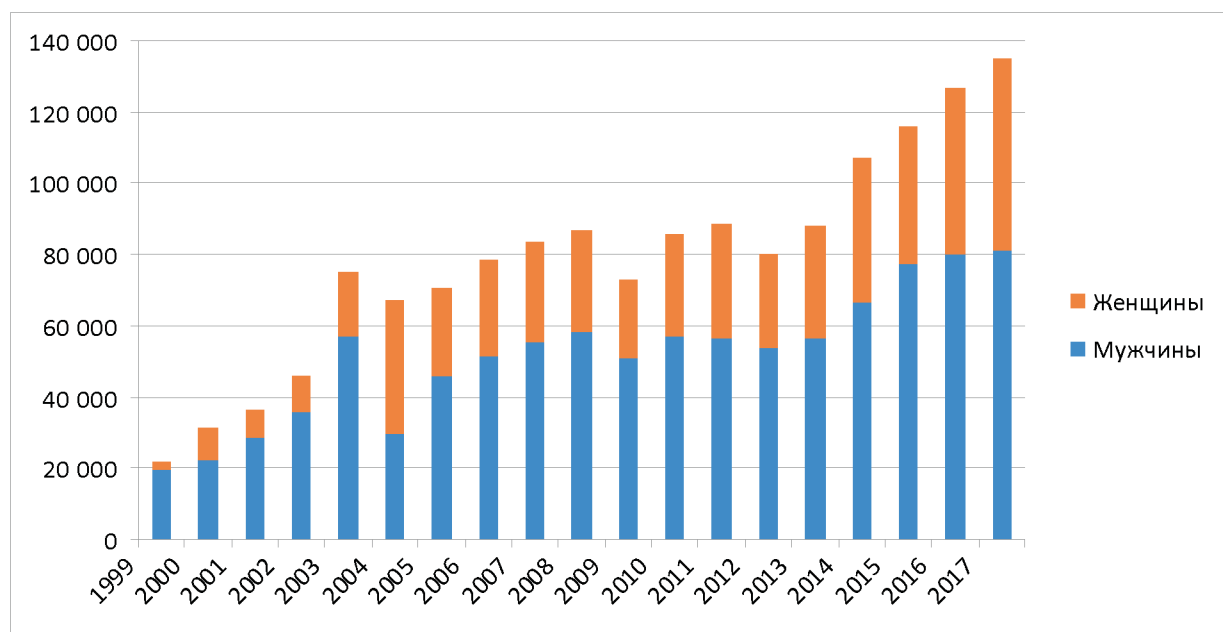

Рис. 1. Численность граждан Вьетнама, выезжавших на работу за рубеж в течение года (1999—2017) (человек).
 Источник: International Labour Migration Statistics Database in ASEAN, Version VI (June 2018). International Labour Organization

Существует определенная корреляция между числом мигрантов, отправляющихся на заработки в ту или иную страну, и средним размером оплаты труда, получаемой там ими (табл. 2). Согласно данным МОТ, средний месячный доход работников во Вьетнаме в 2017 г. составил около 230 долл. по текущему обменному курсу. При этом даже неквалифицированные работники могут получить свыше 100 долл. в сельскохозяйственном секторе соседних стран, около 400 долл. в строительной отрасли на Ближнем Востоке и свыше 1000 долл. на промышленном производстве в Японии или Южной Корее [Department MoLISA: 20.02.2019].

Таблица 2. Наиболее популярные страны въезда вьетнамских трудовых мигрантов и среднемесячная оплата их труда в этих странах (2012—2016)

Страна	Число граждан Вьетнама, выехавших на работу за рубеж в текущем году, человек						Средняя заработная плата мигранта в 2014 г., долл./мес.
	2012	2013	2014	2015	2016	Всего	
Тайвань (Китай)	30 533	46 368	62 124	67 621	68 244	274 890	650
Япония	8775	9686	19 766	29 810	39 938	107 975	1400
Южная Корея	9228	5446	7242	6019	8482	36 417	1000
Малайзия	9298	7564	5139	7454	2079	31 534	300
Саудовская Аравия	2360	1703	4191	4125	4033	16 412	320
Лаос	6195	4860	200	0	1	11 256	300
Камбоджа	5215	4250	50	0	0	9515	250
Макао (Китай)	2304	2294	2516	493	266	7873	550
ОАЭ	1731	2075	831	286	616	5539	320
Алжир	38	158	547	1963	1179	3885	н/д
Ливия	645	1201	1005	0	0	2851	350
Катар	105	206	850	455	702	2318	320
Кипр	1699	143	56	43	34	1975	491
Израиль	210	141	484	268	250	1353	н/д
Беларусь	0	403	774	91	14	1282	491

Источник: Viet Nam Migration Profile 2016. International Organization for Migration. Hanoi, 2017. P. 22—23, 25.

По объему денежных переводов из-за рубежа в 2017 г. Вьетнам занял 10-е место в мире. В общей сложности мигранты переслали в страну 13 780,8 млн долл. [World Bank Migration: 20.02.2019], что составило 6,2 % от национального ВВП и практически равно объему всех прямых иностранных инвестиций в экономику страны. С 2000 по 2018 г. поток денежных переводов во Вьетнам возрос почти в 12 раз. Сумма денежных переводов из России за 2017 г. составила 58,6 млн долл. (всего 0,43 % от общего объема). Однако стоит отметить, что заработки мигрантов в России не столь низки. Средняя заработная плата по стране за 2017 г. составляла около 600 долл. в месяц [Федеральная служба статистики: 20.01.2019].

Образовательная эмиграция

По мере роста экономики страны и углубления ее международной интеграции растет число вьетнамских студентов, имеющих возможность и желание получать образование за рубежом. Согласно данным Института статистики ЮНЕСКО (UIS), за период с 2012 по 2017 г. в полтора раза увеличилось число молодых вьетнамцев, ставших студентами иностранных вузов (табл. 3). При этом больше всего вьетнамских студентов обучается в США, Японии и Австралии (табл. 4).

Таблица 3. Общая численность граждан Вьетнама, получающих высшее образование за рубежом (2012—2017)

Год	Иностранные студенты из Вьетнама, человек
2012	53 835
2013	55 980
2014	59 468
2015	68 046
2016	82 159
2017	82 160

Источник: UNESCO's Institute for Statistics.

Таблица 4. Наиболее популярные страны назначения среди образовательных мигрантов из Вьетнама (2017)

№ п/п	Страна	Студенты из Вьетнама	
		Общая численность, человек	Доля среди всех стран, %
1	США	22 172	27,0
2	Япония	19 152	23,3
3	Австралия	14 491	17,6
4	Франция	4400	5,4
5	Великобритания	3979	4,8
6	Южная Корея	3432	4,2
7	Канада	2034	2,5
8	Финляндия	1894	2,3
9	Россия	1447	1,8
10	Новая Зеландия	1124	1,4
11	Таиланд	877	1,1
12	Чехия	836	1,0
13	Малайзия	688	0,8
14	Италия	407	0,5
15	Венгрия	367	0,4

Источник: UNESCO's Institute for Statistics.

В Россию приезжает сравнительно большое число вьетнамских студентов благодаря государственным стипендиям, предоставляемым правительством СРВ для обучения в РФ

[Vietnamese Government's Scholarship: 08.11.2017], что объясняется исторически сложившимися тесными контактами стран в данной сфере. Согласно данным Министерства образования Вьетнама, в 2016 г. 49,3 % всех студентов, получающих высшее образование за рубежом за счет государственного финансирования, обучались в России [МоЕТ: 14.04.2017]. Однако эти цифры лишь подчеркивают тот факт, что большая часть молодых вьетнамцев, получающих образование в иностранных вузах за свой счет, сейчас предпочитает отправляться в англоговорящие страны, Европу или наиболее экономически развитые страны Азии.

Проанализировав приведенные выше данные, легко заметить, что перечни стран, наиболее привлекательных для трудовых и образовательных мигрантов, во многом совпадают.

Вьетнамская миграция в Россию на современном этапе

В условиях усиления санкций со стороны западных стран в отношении России внешняя политика нашей страны всё больше ориентируется на Восток, активизируя так называемый азиатский вектор. «Азиатский вектор» внешней политики России может и должен трансформировать приоритеты миграционной политики.

Однако современные миграционные установки вьетнамцев ориентированы не в пользу России, что доказывает анализ эмиграции из Вьетнама, где место России среди стран Запада, а также Восточной и Юго-Восточной Азии крайне скромное. Одной из причин этого является и российская миграционная политика, не обладающая притягательностью для иммиграции из Вьетнама. В отношении СРВ она является пассивной, если не сказать «асимметричной». Например, с 2009 г. Вьетнам в одностороннем порядке отменил визы для российских граждан, совершающих краткосрочные поездки. Россия же до сих пор рассматривает Вьетнам как миграционно опасную страну. Это видно по визовым процедурам: вьетнамцам требуется получать российскую визу только на основании приглашений, оформленных приглашающей организацией или лицом через Главное управление по вопросам миграции МВД. В случае найма вьетнамских трудовых мигрантов работодателю необходимо получать квоту на право привлечения иностранной рабочей силы, но процедура сильно бюрократизирована, непрозрачна и дорога. Поэтому без концептуального изменения миграционной политики в отношении Вьетнама Россия не сможет привлечь вьетнамских мигрантов на рынок труда и в университеты. Миграционная политика России должна быть более открытой к образовательным мигрантам, предпринимателям, бизнесменам и инвесторам из СРВ. Поэтому представляется, что причины снижения притока в РФ трудовых мигрантов из Вьетнама кроются не только в экономической нецелесообразности работы в нашей стране, но и в неблагоприятной миграционной политике России.

Из-за несовершенства имеющейся сегодня в РФ системы регистрации и учета зарубежных мигрантов единого источника информации, позволяющего объективно оценить масштабы и структуру обмена с другими странами, не существует. Один из источников — это данные Росстата, основанные на сведениях о регистрации иностранцев по месту жительства в паспортных столах МВД России. По этим данным, в 2017 г. Вьетнам занял пятое место среди всех стран дальнего зарубежья по числу прибывших в РФ. Миграционный прирост России с СРВ колеблется от нескольких десятков до нескольких тысяч человек (рис. 2). Однако необходимо помнить, что в эту статистику не входят данные об иностранцах, проживающих в РФ менее девяти мес., а до 2011 г. — менее 12 мес.

Еще один источник — данные пограничной службы ФСБ РФ, основанные на информации из миграционных карт. Эта статистика также не отражает полной картины, поскольку один и тот же человек может пересекать границу несколько раз в год. Но эти данные позво-

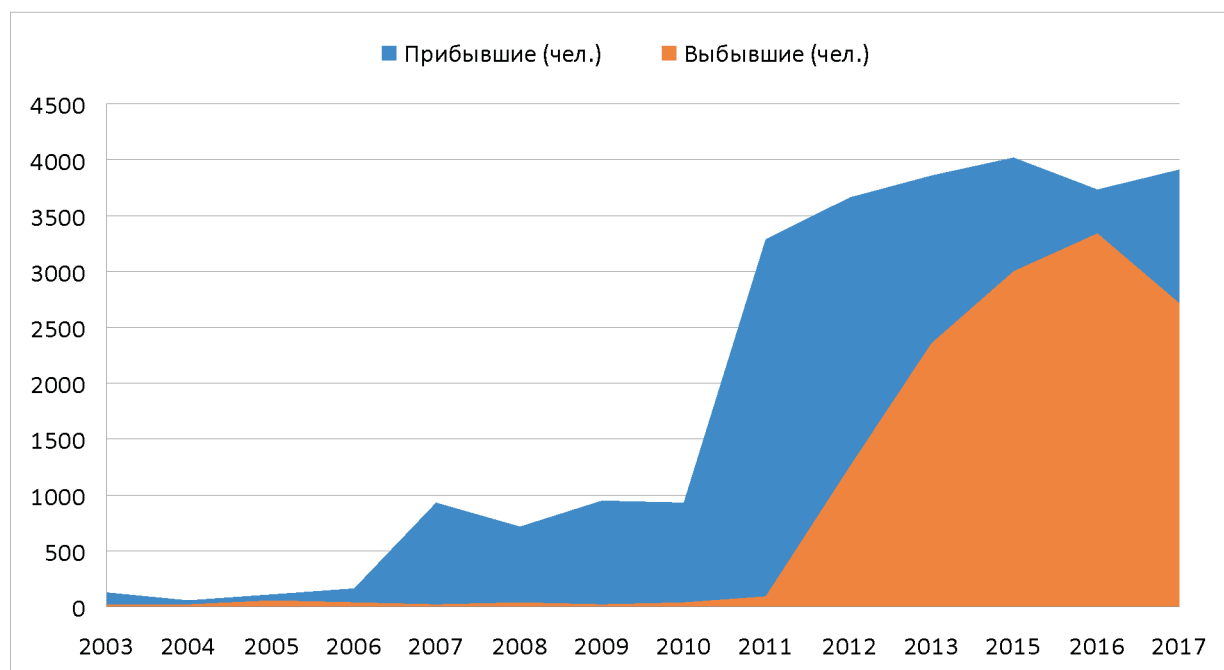

Рис. 2. Динамика миграционного обмена между Россией и Вьетнамом (2003—2017).

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система: 20.02.2019.

ляют получить представление о целях визита в страну. За период с 2010 по 2018 г. численность граждан Вьетнама, въехавших в РФ, в целом возросла более чем в полтора раза. При этом структура миграционного потока претерпела заметные изменения. Значительно сократилась доля вьетнамцев, посещающих РФ с деловыми целями, в то время как доля лиц, обозначивших цель своего визита как частную или туристическую, возросла (табл. 5). Эта тенденция является тревожной для России, традиционно имевшей сильные связи с Вьетнамом именно в области трудовой миграции.

Таблица 5. Структура миграционного потока из Вьетнама в Россию по целям въезда мигрантов (2010—2018)

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Всего (тыс. человек)</i>	50,8	53,5	63,0	81,1	75,8	60,9	66,9	77,4	84,6
<i>Из них по целям визита (%)</i>									
Деловая	52,0	46,2	35,3	30,3	28,4	39,2	37,4	42,0	38,1
Туризм	10,1	6,0	18,3	7,9	8,5	16,9	19,7	12,9	16,1
Частная	26,0	34,3	32,9	50,7	49,4	30,3	30,9	35,5	36,9
Транзит	0,6	0,4	0,6	0,9	0,6	0,5	0,8	0,5	0,4
Переезд на ПМЖ	0,1	0,3	0,2	0,01	0,001	0,0	0,0	0,0	0,0
Обслуживающий персонал	11,3	12,8	12,7	10,2	13,0	13,1	11,2	9,2	8,5

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

Дополнительную информацию о численности трудовых мигрантов в России можно получить из данных Федеральной миграционной службы о количестве действующих разрешений на работу для иностранных граждан. После резкого падения количества таких разре-

шений в 2011 г., которое затронуло все страны дальнего зарубежья, наблюдается постепенный рост численности работников из Вьетнама как в абсолютном, так и в относительном выражении. В 2018 г. Вьетнам занял по данному показателю второе место после Китая среди всех государств, не входящих в СНГ (рис. 3).

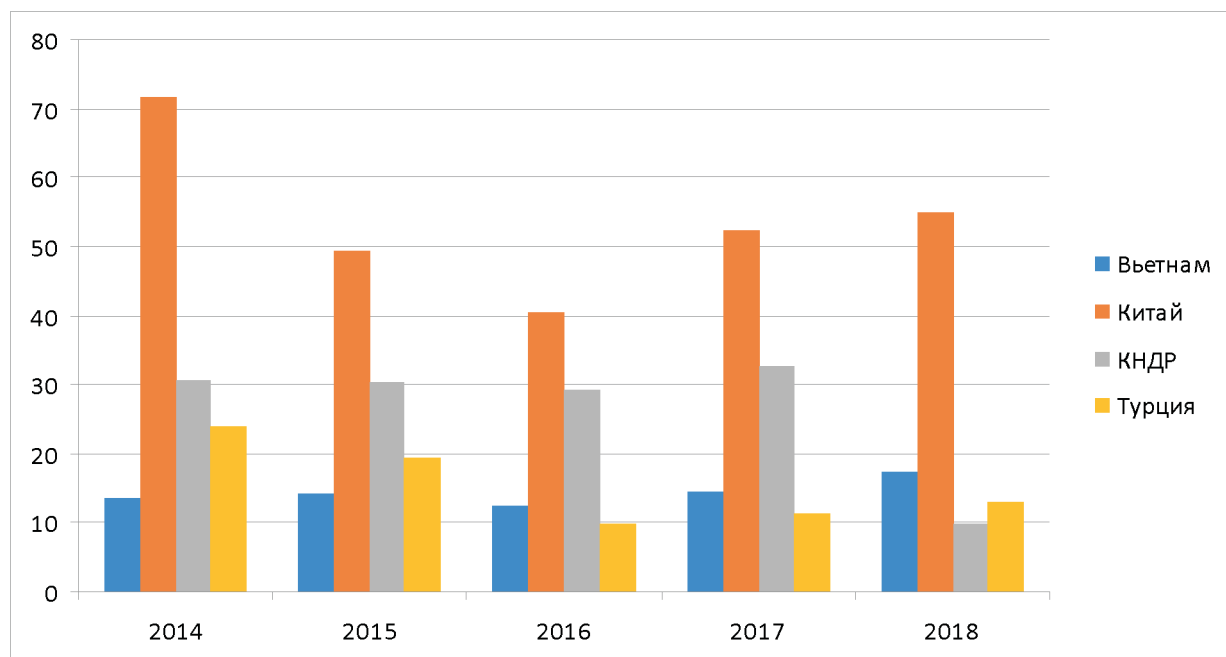

Рис. 3. Динамика численности иностранных граждан из стран дальнего зарубежья, имевших действующее разрешение на работу в России (2014—2018) (тыс. человек).

Источник: Труд и занятость в России. Стат. сб. Росстат 2016, 2018; Единая межведомственная информационно-статистическая система.

Проведенные авторами ранее исследования показали, что значимость вьетнамской миграции для поддержания баланса спроса и предложения рабочей силы на российском рынке труда в среднесрочной перспективе будет только возрастать. С 2014 г. наметилось дальнейшее сокращение численности иностранных работников из Китая, вызванное в первую очередь падением курса рубля, после которого средняя оплата труда китайских граждан в России сравнялась, а в ряде случаев стала даже уступать их заработкам на родине. Кроме того, негативные демографические тенденции внутри самой КНР, связанные с сокращением численности и старением населения, не позволяют надеяться, что избытки рабочей силы еще долго сохранятся в стране [Маньшин, Моисеева 2019: 120].

Что же касается трудовых мигрантов из КНДР, новые санкции Совета Безопасности ООН, наложенные на республику 22 декабря 2017 г., требуют высылки на родину в течение 24 мес. всех граждан КНДР, осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, и делают дальнейшее привлечение рабочей силы из этой страны невозможным [СБ ООН: 13.07.2018].

Негативные тенденции демографического развития Китая и высокая степень «китаефобии» в России превращают Вьетнам в одного из основных партнеров и ключевого поставщика трудовых и образовательных мигрантов в нашу страну.

В свете этих тенденций дальнейшее развитие миграционных связей с Вьетнамом представляется весьма целесообразным с точки зрения национальных интересов России и требует введения преференций для вьетнамцев в отношении визового режима, получения разрешений на работу или миграционных квот.

Как отмечалось выше, другой уровень взаимодействия, обладающий значительным потенциалом, — учебная миграция из Вьетнама в Россию. История сотрудничества двух стран в этой сфере насчитывает без малого сто лет. Первые студенты из СРВ начали приезжать в СССР еще 1920-е годы, а в 1978 г. между двумя странами было подписано специальное соглашение о сотрудничестве в области образования. Накануне распада СССР в нем обучалось около 7 тыс. вьетнамских студентов. Однако опросы, проведенные во Вьетнаме в 2009 г. среди граждан, обучавшихся или работавших в Советском Союзе и России, показали, что половина из них ни при каких условиях не хотели бы, чтобы их дети учились в России [Рязанцев, Письменная 2013: 67].

В последние годы численность вьетнамских студентов, проходящих обучение в российских вузах, в абсолютном выражении демонстрирует рост, однако в относительном выражении заметно снижается (табл. 6), что говорит о недостаточно активной политике России по привлечению образовательных мигрантов из этой страны.

Таблица 6. Численность иностранных студентов, обучавшихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования России, на начало учебного года (тыс. человек)

Учебный год	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018
Иностранные студенты — всего	153,8	158,4	164,8	205,7	224,6	242,5	244,0	260,1
<i>из них граждане стран:</i>								
Дальнего зарубежья (стран вне СНГ, Балтии, Грузии)	37,1	36,6	37,3	49,4	49,1	54,4	57,2	68,5
Вьетнама	2,4	2,5	2,9	2,9	3,1	3,1	3,3	3,1

Источник: Российский статистический ежегодник. Росстат, 2018.

Следовательно, России необходимо предпринять дополнительные усилия, чтобы не потерять контингент вьетнамских студентов в условиях свободной рыночной конкуренции. Способствовать этому может открытие большего числа российских культурных центров во Вьетнаме, организация курсов русского языка, распространение информации о российских вузах и возможностях трудоустройства их выпускников. Нельзя забывать и о связи образовательной миграции с трудовой.

Возможные направления совершенствования российской миграционной политики в отношении Вьетнама

Следуя «азиатскому вектору» внешней политики, миграционная политика России также должна стать более ориентированной на миграционный и социально-экономический потенциал Вьетнама как ключевого стратегического партнера нашей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вьетнамская миграция эффективна и выгодна для трудонедостаточных отраслей экономики России с экономической и политической точек зрения. Учитывая дальность расстояния от Вьетнама до России и стабильные миграционные установки вьетнамцев, с ними нужно заключать долгосрочные контракты и выдавать рабочие визы на более длительные сроки. Одной из мер может стать также выделение Вьетнаму отдельных квот по от-

раслям и регионам России, где труд вьетнамских рабочих необходим и экономически обоснован. Требуется развитие сети центров, которые будут организовывать обучение русскому языку и основам русской культуры во Вьетнаме, что позволит подготовить трудовых мигрантов к жизни в России и сформирует потоки учебных мигрантов. Нужно восстановить утраченные научные и образовательные связи, распространять литературу, информацию о российских вузах.

В целом миграционная политика России должна быть более открытой к образовательным мигрантам, предпринимателям, бизнесменам и инвесторам из Вьетнама. Такие приоритеты российской миграционной политики смогут помочь в социально-экономическом развитии и демографической стабилизации в трудодефицитных регионах, таких как Дальний Восток.

Заключение

Проведенный анализ показал, что современный характер демографических процессов и молодая половозрастная структура населения Вьетнама будут способствовать формированию значительного миграционного потенциала в среднесрочной перспективе. Социально-экономическая ситуация и проблемы занятости приводят к реализации данного потенциала. При этом эмиграционные потоки из Вьетнама, направляющиеся с различными целями и на разные сроки, с каждым годом характеризуются возрастающей динамикой. Это можно сказать о трудовых, образовательных и брачно-семейных эмигрантах. Несмотря на различные виды миграционных потоков, география их схожа: главным образом, это развитые страны Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона. Место России в миграционных установках вьетнамцев остается крайне скромным. В то же время вьетнамская миграция играет значительную роль для поддержания баланса спроса и предложения рабочей силы на российском рынке труда. Важность укрепления связей с Вьетнамом, в том числе и миграционных, возрастает в свете активизации «азиатского вектора» российской внешней политики, поскольку СРВ во многих отношениях является перспективным естественным партнером нашей страны в регионе. Так как доходы, получаемые вьетнамцами в РФ, не уступают их доходам в других странах, авторы пришли к заключению, что причиной относительно низкой интенсивности въездных потоков в РФ является недостаточно активная миграционная политика. В числе возможных направлений по ее совершенствованию можно назвать упрощение визового режима, выделение отдельных квот для трудовых мигрантов из Вьетнама, развитие там сети центров русского языка и культуры.

Список литературы

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 20.02.2019).
2. Леденёва В.Ю. Адаптационные стратегии вьетнамских мигрантов в России // Миграционное взаимодействие России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 4. № 2. М.: Экон-Информ, 2018. С. 270—274.
3. Мазырин В.М. Вьетнамские мигранты в современной России: пути проникновения, образ жизни, отличительные черты и особенности // Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования). МОМ. М.: Гендольф, 2004. С. 357—410.
4. Маньшин Р.В., Моисеева Е.М. Трудовая миграция из Китая в Россию: особенности и перспективы // Молодежь. Семья. Общество. М.: Перспектива, 2019. С. 114—125.

5. Нгуен Куок Хунг. Тенденции развития интеграционных процессов во Вьетнаме: внутренняя и внешняя миграция граждан СРВ // *Миграционное взаимодействие России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии*. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 4. № 2. М.: Экон-Информ, 2018. С. 210—218.
6. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 20.02.2019).
7. Рязанцев С.В., Маньшин Р.В. Особенности адаптации мигрантов из азиатских стран в экономике России. Центральная Азия и Кавказ. Т. 19. Вып. 4. 2016. С. 105—114.
8. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Образовательная и трудовая миграция вьетнамцев в Россию: тенденции и потенциалы // *Вьетнамские исследования*. Вып. 3. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 65—75.
9. Совет Безопасности ООН (СБ ООН). Резолюция 2397 (2017). URL: [https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397\(2017\)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397(2017)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R) (дата обращения: 13.07.2018).
10. Соколовский А.Я. Динамика численности вьетнамских студентов, обучающихся в Дальневосточном федеральном университете // *Миграционное взаимодействие России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии*. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 4. № 2. М.: Экон-Информ, 2018. С. 292—300.
11. Труд и занятость в России. Статистический сборник. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766 (дата обращения: 20.02.2019).
12. Федеральная служба государственной статистики — Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: 20.01.2019).
13. Campi, Alicia. From Refugees to Americans: Thirty Years of Vietnamese Immigration to the United States. Immigration Policy Center. Policy Brief, 2005.
14. Coxhed, Ian, Nguyen Viet Cuong, Linh Hoang Vu. Migration in Vietnam: New Evidence from Recent Surveys. Vietnam Development Economics Discussion Paper No. 2, 2015.
15. Department of Overseas Labour, MoLISA. URL: <http://www.molisa.gov.vn/vi/Pages/ChiTietToChuc.aspx?tochucID=1476> (дата обращения: 20.02.2019).
16. ESCAP Online Statistical Database. URL: http://data.unescap.org/escap_stat/#data/ (дата обращения 20.02.2019).
17. Futaba, Ishizuka. International Labor Migration in Vietnam and the Impact of Receiving Countries' Policies. IDE Discussion Paper No. 414, 2013.
18. General Statistics Office of Vietnam. Statistical Data. URL: https://www.gso.gov.vn/Default_en.aspx?tabid=766 (дата обращения: 20.02.2019).
19. International migrant stock: The 2017 revision. UN DESA. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (дата обращения: 20.02.2019).
20. Labour Migration Statistics Database in ASEAN, Version VI (June 2018). International Labour Organization. URL: <http://apmigration.ilo.org/asean-labour-migration-statistics> (дата обращения: 20.02.2019).
21. Ministry of Education and Training (MOET) of Vietnam. URL: moet.gov.vn (дата обращения: 14.04.2017).
22. UNESCO's Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 20.02.2019).
23. UNHCR Statistics. URL: <http://popstats.unhcr.org/en/overview> (дата обращения: 20.02.2019).
24. Viet Nam Migration Profile 2016. International Organization for Migration. Hanoi, 2017.
25. Vietnamese Government's Scholarship Schemes. Ministry of Education and Training of Vietnam, International Cooperation Department. URL: <http://vied.vn/en/about-vied/vietnamese-government-s-scholarship-schemes.html> (дата обращения: 20.02.2019).

26. Vu Ngoc Binh. International labour migration from Vietnam to other ASEAN receiving countries — Current issues and challenges // Migration interaction of Russia with the countries of East and South-East Asia. Series “Demography. Sociology. Economics”. Vol. 4, No. 2. Moscow: Econ-Inform, 2018. P. 178—199.

27. World Bank Migration and Remittance Data. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (дата обращения: 20.02.2019).

Авторы:

Рязанцев Сергей Васильевич, чл.-корр. РАН, д.э.н., директор Института социально-политических исследований РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры международных экономических отношений РУДН. E-mail: riazan@mail.ru

Маньшин Роман Владимирович, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, доцент кафедры международных экономических отношений РУДН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО (У) МИД России. E-mail: manshin@list.ru

Моисеева Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН.

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru.

Пинчук Виктор Николаевич, д.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений РУДН. E-mail: pinchuk_vn@pfur.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 04.03.2019

Дата поступления в переработанном виде: 13.05.2019

Принята к печати: 30.05.2019

S.V. Ryazantsev, R.V. Manshin, E.M. Moiseeva, V.N. Pinchuk

MIGRATION OF PEOPLE FROM VIETNAM: SPECIFIC FEATURES AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

Abstract. The paper analyzes the scope of Vietnam's contemporary migration potential and the factors shaping it. The main types of exit flows, their directions, pushing and attracting factors in the areas of departure and arrival of migrants are considered. The authors characterize labor and academic emigration as main types and economically developed countries of Asia, as well as the countries of the Persian Gulf, Europe, and North America as core directions. Particular attention is paid to the characteristics of Vietnamese migration to Russia at the present stage. The paper concludes that Russian labor market occupies extremely modest place in migration intentions of the Vietnamese and in various migration flows from Vietnam. In conclusion, some recommendations are offered on possible ways to improve Russian migration policy in order to strengthen ties with Vietnam.

Keywords: Vietnam, Russia, migration policy, labor and educational emigration, entry and exit flows, demographic potential.

References

1. Campi, Alicia (2005). From Refugees to Americans: Thirty Years of Vietnamese Immigration to the United States. Immigration Policy Center. Policy Brief.
2. Coxhed, Ian, Nguyen Viet Cuong, Linh Hoang Vu (2015). Migration in Vietnam: New Evidence from Recent Surveys. Vietnam Development Economics Discussion Paper, No. 2.
3. Department of Overseas Labour, MoLISA. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://www.molisa.gov.vn/vi/Pages/ChiTietToChuc.aspx?tochucID=1476>.
4. ESCAP Online Statistical Database. Retrieved on 20.02.2019 from URL: http://data.unescap.org/escap_stat/#data.
5. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki — Rynok truda, zanyatost i zarabotnaya plata [Federal State Statistics Service — Labor market, employment and wages]. Retrieved on 20.02.2019 from URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/.
6. Futaba, Ishizuka (2013). International Labor Migration in Vietnam and the Impact of Receiving Countries' Policies. IDE Discussion Paper, No. 414.
7. General Statistics Office of Vietnam. Statistical Data. Retrieved on 20.02.2019 from URL: https://www.gso.gov.vn/Default_en.aspx?tabid=766.
8. International migrant stock: The 2017 revision. UN DESA. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml>.
9. Labour Migration Statistics Database in ASEAN, Version VI (June 2018). International Labour Organization. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://apmigration.ilo.org/asean-labour-migration-statistics>.
10. Ledenyova, V.Yu. (2018). Adaptatsionnyye strategii vietnamskikh migrantov v Rossii [Adaptation strategies of Vietnamese migrants in Russia]. In *Migratsionnoye vzaimodeystviye Rossii so stranami Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii*. Seriya «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika», tom 4, № 2. M.: Ekon-Inform, 2018. P. 270—274.

11. Manshin, R.V., Moiseeva, E.M. (2019). Trudovaya migratsiya iz Kitaya v Rossiyu: osobennosti i perspektivy [Labor migration from China to Russia: features and prospects]. In *Molodezh. Semya. Obshchestvo*. M.: Perspektiva. P. 114—125.
12. Mazyrin, V.M. (2004). Vietnamskiye migranty v sovremennoy Rossii: puti proniknoveniya, obraz zhizni, otlichitelnyye cherty i osobennosti [Vietnamese migrants in contemporary Russia: ways of entry, lifestyle, distinctive features and peculiarities]. In *Problemy nezakonnoy migratsii v Rossii: realii i poisk resheniy (po itogam sotsiologicheskogo obsledovaniya)*. IOM. M.: Gendolf. P. 357—410.
13. Ministry of Education and Training (MOET) of Vietnam. Retrieved on 14.04.2017 from URL: moet.gov.vn.
14. Nguyen Quoc Hung (2018). Tendentsii razvitiya integratsionnykh protsessov vo Vietname: vnutrennyaya i vneshnyaya migratsiya grazhdan SRV [Trends of integration processes in Vietnam: internal and external migration of citizens of Vietnam]. In *Migratsionnoye vzaimodeystviye Rossii so stranami Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii. Seriya «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika»*, tom 4, № 2. M.: Ekon-Inform. P. 210—218.
15. Rossiyskiy statistichesky yezhegodnik [Russian statistical yearbook]. Retrieved on 20.02.2019 from URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.
16. Ryazantsev, S.V., Manshin, R.V. (2016). Osobennosti adaptatsii migrantov iz aziatskikh stran v ekonomike Rossii [Features of adaptation of migrants from Asian countries in the Russian economy]. In *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, vol. 19, issue 4. P. 105—114.
17. Ryazantsev, S.V., Pis'mennaya E.E. (2013). Obrazovatel'naya i trudovaya migratsiya vietnamtsev v Rossiyu: tendentsii i potentsialy [Educational and labor migration of Vietnamese to Russia: trends and potentials]. In *Vietnamskiye issledovaniya*, issue 3. M.: IFES RAS. P. 65—75.
18. Sokolovskiy, A.Ya. (2018). Dinamika chislennosti vietnamskikh studentov, obuchayushchikhsya v Dalnevostochnom federalnom universitete [Dynamics of the number of Vietnamese students studying at the Far Eastern Federal University]. In *Migratsionnoye vzaimodeystviye Rossii so stranami Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii. Seriya «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika»*, tom 4, № 2. M.: Ekon-Inform. P. 292—300.
19. Trud i zanyatost v Rossii. Stat. sb. Rosstat [Work and employment in Russia. Stat.com.] Retrieved on 20.02.2019 from URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766.
20. UN Security Council. Resolution 2397 (2017). Retrieved on 13.07.2018 from URL: [https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397\(2017\)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R](https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2397(2017)&referer=https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1718/resolutions&Lang=R).
21. UNESCO's Institute for Statistics. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://data.uis.unesco.org>.
22. UNHCR Statistics. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://popstats.unhcr.org/en/overview>.
23. Viet Nam Migration Profile 2016 (2017). International Organization for Migration. Ha Noi.
24. Vietnamese Government's Scholarship Schemes. — Ministry of Education and Training of Vietnam, International Cooperation Department. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://vied.vn/en/about-vied/vietnamese-government-s-scholarship-schemes.html>.
25. Vu Ngoc Binh (2018). International labour migration from Vietnam to other ASEAN receiving countries — Current issues and challenges. In *Migration interaction of Russia with the countries of East and South-East Asia. Series “Demography. Sociology. Economics”*, vol. 4, No. 2. M.: Ekon-Inform. P. 178—199.
26. World Bank Migration and Remittance Data. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.
27. Yedinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya Sistema [Unified interagency information and statistical system]. Retrieved on 20.02.2019 from URL: <https://www.fedstat.ru>.

Authors:

Ryazantsev Sergey V., Corresponding member of the Russian Academy of Sciences; D.Sc. (Economics), Professor; Director, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences; Head Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO (University) of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation; Professor, Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: riazan@mail.ru

Manshin Roman V., Ph.D. (Economics); Leading Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research, RAS; Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia; Associate Professor, MGIMO (University) of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: manshin@list.ru

Moiseeva Evgeniya M., Junior Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research, RAS. E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Pinchuk Viktor N., D.Sc. (Economics), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: pinchuk_vn@pfur.ru

Article history:

Received: March 4, 2019

Received in revised form: May 13, 2019

Accepted: May 30, 2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10014

Vu Thuy Trang, Dinh Manh Tuan

OPERATION CHARACTERISTICS OF NEWLY ESTABLISHED ENTERPRISES IN CENTRAL HIGHLANDS IN THE CONTEXT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Abstract: The Central Highlands region holds a particularly important strategic position in Vietnam. It is considered a potential area for newly established enterprises (NEEs), but its entrepreneurs may face more difficulties than in other regions. The paper analyzes some outstanding characteristics of NEEs in Central Highlands in comparison to other regions, with the rate of NEEs tended to increase, but it was not stable. NEEs in Central Highlands generally have limited points compared to other regions, such as: the majority of startups are small business and microenterprises, lack of capital to invest in new technology, the rate of young workers is low, the qualifications of many workers are limited, the ICT infrastructure and regional links are still weak. The paper also proposes some solutions for Central Highlands to help its NEEs take advantage of opportunities and minimize the challenges brought about by the 4th industrial revolution.

Keywords: industrial revolution, newly established enterprises, Central Highlands, Vietnam.

Introduction

The Central Highlands (Tây Nguyên) region of Vietnam consists of five provinces including: Dak Lak, Dak Nong, Gia Lai, Kon Tum, Lam Dong (Figure 1). Central Highlands have a great advantage in fertile soil, together with the diversity of climate and forest resources that give a great potential in agriculture, forestry, and animal husbandry. Mineral resources in Central Highlands are also quite diverse, numerous, and evenly distributed in the provinces.

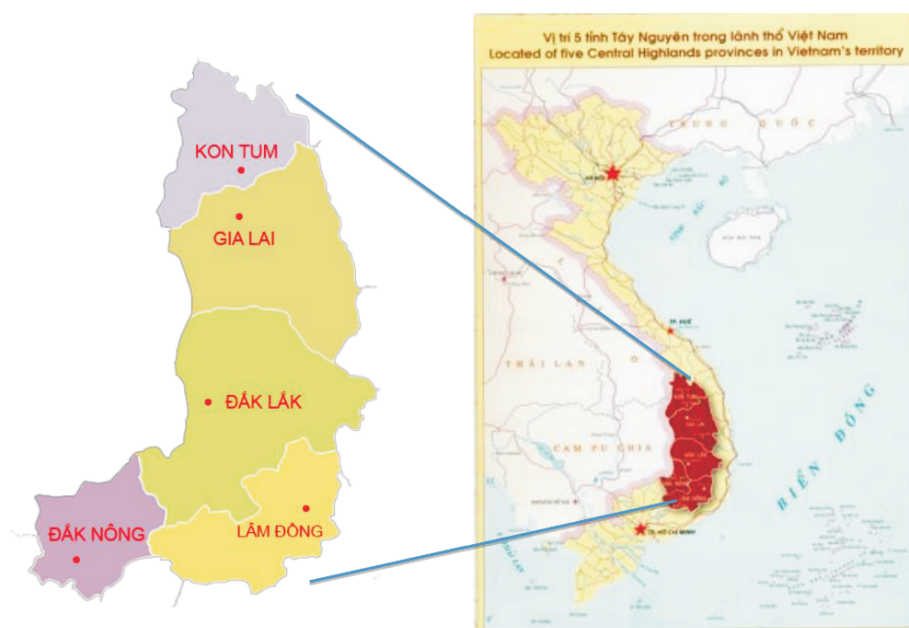

Fig. 1. Map of Central Highlands (Tây Nguyên) in Vietnam. Source: [ADB 2018: 3]

Central Highlands is also a multiethnic and multicultural region. It is the residence of 47 ethnic groups, with many characteristics and nuances. The topography of Central Highlands varies from high mountains to rich valleys, creating favorable conditions all year round. Therefore, this is also the land with great potential and advantages to attract tourists.

In general, the Central Highlands region has many advantages but has not yet explored its strengths. This region contributes about 7.33 % of the gross domestic product (GDP), according to 2011 data [Bach Hong Viet 2013: 688]. Compared to other regions, Central Highlands is still a less developed region.

Therefore, clarifying the causes of this fact and proposing recommendations to overcome this limitation, especially in the context of the 4th industrial revolution (IR 4.0) is essential.

Central Highlands is affirmed by the Communist Party of Vietnam (CPV) and the Government as a region that holds a particularly important strategic position in the defense, security, environment, and socioeconomic development of the country. The goal is to make it become a key economic region. This task is more concerned in the rapid development of science and technology context, when the world is witnessing stronger impact of the IR 4.0.

Enterprises play an important role in the Central Highlands provinces. According to 2017 data, the Central Highlands region has 13,349 operating businesses, accounting for 4.93 % of the total enterprises, creating jobs for 242,188 workers, accounting for 27.83 % of the total number of employees at enterprises of the region [GSO 2018a: 86—87]. This rate is quite low compared to other regions, because many workers in the Central Highlands provinces are engaged in the agricultural sector. As of 2015, agriculture, forestry, and fisheries still account for 44.61 % of the total economic structure of the Central Highlands provinces [MPI 2017: 19—20]. This shows that the potential development of businesses in the region is still very large, and the development of Central Highlands is not fully exploited due to many limitations.

IR 4.0 can make breakthrough development of Central Highlands, improve the living standard of local people, including many ethnic minorities of the region.

The hypothesis of the study are:

H1: Is the Central Highlands region of Vietnam limited in terms of natural geographical conditions, number and qualification of workers?

H2: Is the economic structure of Central Highlands of Vietnam limited and slowly improved?

Using national statistics and secondary data on businesses and NEEs in Vietnam recently, this paper focuses on performance characteristics of NEEs of Central Highlands in the past few years, in order to have better understanding about this kind of enterprises of Vietnam's Central Highlands, its opportunities and challenges in the context of the IR 4.0, and make some recommendations for the Central Highlands provinces.

Literature review

The IR 4.0 is mentioned by many authors in the past few years, with the viewpoints that it will bring about many changes, great impact on all areas and on a global scale. Typical research on this issue is Schwab (2016), presenting key technological changes in the IR 4.0 and analyzing its policy implications. Along this topic, UNIDO (2018), Christian Schroder (2016) analyzed the concept of IR 4.0 and related issues, analyzed opportunities for companies in general, SMEs and startups in particular.

In Vietnam, there have been many studies on IR 4.0. NAPA, LKYSPP, VIE (2018) focused on analyzing the impact of IR 4.0 on Vietnam, especially the challenges for state governance that requires changes to meet requirements of the new era. Yevgeni Kanayev, Nguyen Quang Thuong,

Vi Thi Huong Hue (2019) stated that Vietnam needs to take urgent remedial measures to grasp the emerging possibilities of the foundations for digitalization of businesses. Yevgeni Kanayev, Rebecca Darnell, Dinh Le Hong Giang (2018) analyzed accumulated shortcomings of Vietnam higher education system and the challenges on IR 4.0, especially its conservative mindset regarding the development of human resources.

Beside a number of regular reports on the NEEs, there have been few studies analyzing the opportunities and challenges of NEEs in the context of IR 4.0, most focusing on startups and using NEEs-related data, due to Vietnamese regulations, startups are defined as enterprises that have an operating period of no more than five years from the date of the first business registration certificate [Prime Minister 2016: 2] and “*it is impossible to separate the startup group from newly established businesses*” [Bui Nhat Quang 2017: 38].

Some reports used NEEs-related data to analyze policies to encourage the development of startup enterprises in Vietnam in the context of IR 4.0 such as: Bui Nhat Quang (2017), GEM & VCCI (2018). However, Economica (2017) analyzed the necessary factors to make Vietnam become a good land for startups based on the views and desires of individuals involved in starting a business. Some authors focused on analyzing opportunities and challenges for the economy, especially SMEs and startups in Vietnam. Phan Thi Ngoc Uyen (2017) believed that Vietnam startups are currently lacking of enterprises that directly apply modern technology production due to limited capital. Meanwhile, Bui Nhat Quang (2017) showed that the majority of Vietnam startups are small businesses and microenterprises, not interested in the application of technology, have not enough workers with high scientific and technical qualifications.

The GEM & VCCI (2018) focused on analyzing the status of startups in Vietnam, with the rate in the high value-added sectors are gradually improved, entrepreneurial ecosystem has developed in recent years. Meanwhile, the MPI (2018) analyzed startup activities in Vietnam with a more favorable development, the rate of entrepreneurs with bachelor degree has increased, starting a business at a younger age, have certain experience and business understanding.

There have not been many studies analyzing the impact of IR 4.0 on NEEs in Central Highlands of Vietnam. Besides, some articles reviewed specific startups in the Central Highlands provinces, a number of other papers analyzed the rapidly emerging startup trend in this region such as: *Le Nhuan* (2018); *Nguyen Phuc* (2018). These papers focused on analyzing the potentials for starting a business, the difficulties faced by entrepreneurs in the region and support measures of local government agencies. In general, Central Highlands is considered a potential area for startups, but its entrepreneurs may face more difficulties than in other regions.

Situation of newly established enterprises in Central Highlands of Vietnam in the context of the 4th industrial revolution

Central Highlands has an important position in terms of national defense, security, economy, and society. However, due to the low economic starting point, the size of Central Highlands' economy is still small, so the positive changes of its economy in recent years, including the increase of NEEs, has not created enough force to improve its role in the national economy.

The most important feature of the IR 4.0 is the connection based on the innovation platform. The IR 4.0 is seen as a revolution characterized by the convergence of biotech with real and virtual digital technologies, that are rapidly and creatively applied to change the global economy, creating new products and services, thus posing many opportunities and challenges for businesses in general and NEEs in particular.

Positive characteristics in the operation of newly established enterprises in Central Highlands of Vietnam

NEEs in the Central Highlands region are tending to increase, although the growth is not stable. The growth rate of newly established enterprises in Central Highlands in 2014, 2015, 2016, and 2018 was lower than the overall growth rate of the whole countries in this period (Table 1). However, this rate in Central Highlands in 2017 reached 23 %, much higher than the national average growth rate of 15.2 %.

Table 1. Growth rate of the number of NEEs by region of Vietnam, the 2014—2018 period (Unit: %)

Region	2014	2015	2016	2017	2018
Red River Delta	–1,9	31,4	18,3	13,8	2,1
Northern midlands and mountain areas	–1,6	28,4	14,0	26,4	–0,5
North Central and Central coastal areas	–4,1	24,2	20,2	18,4	7,2
Central Highlands	–5,2	–4,6	8,6	23,0	–0,5
Southeast	0,4	27,8	15,4	14,0	4,0
Mekong River Delta	–16,6	19,4	9,4	14,0	3,1
The country total	–2,7	26,6	16,2	15,2	3,5

Source: [ABR 2014a], [ABR 2015a], [ABR 2016a], [ABR 2017a], [ABR 2018], [GSO 2018b].

The cause of this situation is due to the new legal framework, especially the 2014 Enterprise Law, along with the Government's solutions to support and encourage the development of businesses nationwide. Therefore, the number of NEEs in all regions has increased in 2015, 2016 and 2017.

While the total number of enterprises in the Central Highlands region is still small, the range of its development is fluctuated larger than that of other regions. Although in 2017, Central Highlands had 3,236 NEEs, compared to 2,631 enterprises in 2016 (Table 2), but the number is still lowest compared to other regions in Vietnam [ABR 2017a]. In 2018, the number of NEEs slowed down nationwide after reaching the peak [ABR 2018]. In that context, the number of NEEs in Central Highlands decreased.

Table 2. Number of NEEs by region of Vietnam, 2016—2018 period (Unit: enterprises)

Region	2016	2017	2018
Red River Delta	33,453	38,075	38,873
Northern midlands and mountain areas	4,193	5,300	5,272
North Central and Central coastal areas	14,825	17,556	18,818
Central Highlands	2,631	3,236	3,219
Southeast	47,108	53,698	55,821
Mekong River Delta	7,890	8,994	9,272
The country total	110,100	126,859	131,275

Source: [ABR 2016b], [ABR 2017b], [ABR 2018], the authors' calculations are based on data of GSO 2018b.

Thus, the number of enterprises is tending to increase recently in the region, with about 2,600—3,200 NEEs each year. More else, the Central Highlands enterprises found potential in applying new and modern technologies into production and management, improving production capa-

city, innovating products and services, reducing operation costs, meeting more accurately the customer needs.

In terms of dissolution businesses in 2016, 1,186 enterprises in Central Highlands were dissolved, increased by near three times compared to 2015. In 2016, the rate of dissolved enterprises in the whole country increased strongly too, including the increase of 107.1 % in agriculture, forestry and fishery, the highest rate among all sectors [ABR 2016b]. However, in 2017 and 2018 the proportion of dissolved enterprises in Central Highlands decreased respectively. One of the main reasons was that in 2017 and 2018 the proportion of dissolved enterprises in the agricultural sector of the whole country changed -25.5 % and +4.5 % respectively, the lowest rate among all sectors in the same period [ABR 2017b], [ABR 2018].

Some limitations in the operation of startup enterprises in Central Highlands

In general, the majority of NEEs in Central Highlands are small business and microenterprises with limited capital, so they have no capital to invest in new technologies. The average size of NEEs in the Central Highlands provinces in 2017 is 7.45 billion dong, this figure is the lowest level compared to other regions at the same time and much lower than the national average of 10.21 billion dong [ABR 2017a]. NEEs are limited in capital but they have to face many difficulties in borrowing from banks due to strict demands, such as the need for businesses to have collateral and healthy financial status, fulfill cumbersome procedures, and the possibility to use preferential interest rates only for a short time.

The proportion of workers in the Central Highlands' enterprises in middle-age (31—45 years old) and old-age (46—55) is at the second highest level compared to other regions of Vietnam (Table 3). The group of young workers (16—30) in Central Highlands is lower compared to other regions, according to 2017 data (Table 3).

Table 3. Structure of employees of Vietnam's enterprises by age group and by provinces in 2017

Region	≤30	31—45	46—55	56—60	>60
Red River Delta	34,2	43,2	15,1	1,4	3,0
Northern midlands and mountain areas	31,3	46,0	16,4	4,1	2,2
North Central and Central coastal areas	27,3	44,7	19,2	5,1	3,7
Central Highlands	28,5	45,5	18,7	4,5	2,7
Southeast	44,7	39,7	11,2	2,6	1,7
Mekong River Delta	30,3	42,0	18,6	4,9	4,1
The country total	35,2	42,7	15,3	4,0	2,8

Source: [GSO 2018a: 99].

The proportion of workers having the bachelor degree from universities in Central Highlands is relatively high compared to other regions, namely 19.7 % in 2017, while the national average is only 18.4 % at the same period. However, 37.1 % of workers in Central Highlands are untrained compared to 29.7 % as the national average (Table 4).

This fact shows that the technical and professional qualifications of many workers in this region are still low, the proportion of untrained labor is still higher than the average level of the whole country, the ability to adapt is still limited, the qualifications do not meet the market requirements in terms of foreign language and professional skills. This is also an obstacle for businesses in apply-

ing new technologies, promoting the creative capabilities of workers to minimize challenges, transforming ideas into real products and being succeed in the market.

Table 4. Structure of employees of Vietnam's enterprises by qualification and by provinces

Qualification	Untrained	Trained under 3 months	Primary vocational level	Intermediate vocational level	College	University	Post-graduate	Others
Red River Delta	24,0	16,9	9,0	10,8	7,5	20,2	2,2	9,4
Northern midlands and mountain areas	30,1	11,1	10,7	14,7	8,0	18,5	1,3	5,6
North Central and Central coastal areas	36,7	9,5	8,1	11,6	6,6	17,6	1,3	8,6
Central Highlands	37,1	7,3	5,4	13,2	6,4	19,7	1,3	9,6
Southeast	25,8	15,4	10,2	9,8	7,1	17,1	1,3	13,4
Mekong River Delta	43,9	11,9	5,5	8,4	3,5	13,7	1,0	12,1
The country total	29,7	13,7	8,8	10,7	6,7	18,4	1,6	10,4

Source: [GSO 2018a: 105].

The ICT infrastructure in the Central Highlands region has developed considerably in recent years. However, some provinces in Central Highlands are in difficult economic and natural conditions which are not favorable for the development of ICT infrastructure. Only Lam Dong is in the top 15 provinces (in total of 63 ones) with the highest index for the development and application of ICT (according to the Report on Vietnam ICT Index), while Dak Lak is ranked in the middle group, although in some years it was in the lower group of this index. The other three provinces (Gia Lai, Dak Nong, Kon Tum) regularly ranked in the bottom group compared to other provinces in Vietnam. [MIC & VAIP 2014: 50—52], [MIC & VAIP 2015: 13—15], [MIC & VAIP 2016: 58—59], [MIC & VAIP 2017: 16—17], [MIC & VAIP 2018: 16—18]

In addition, the linkage between Central Highlands and other regions is still weak, there is lack of infrastructure and linkage planning, clear legal framework, binding mechanisms and institutions. On the other hand, there is no close connection between enterprises in order to develop and enhance competitiveness, no good connection between components in the entrepreneurial ecosystem including businesses, universities, research institutions, venture capital funds and support organizations. Therefore, NEEs' activities have not been closely associated with the training, science-technology application and knowledge transfer, and there is no unified infrastructure to promote the comparative advantages of localities on special ecological and culture characteristics, advantages of natural conditions to develop local and regional products.

Some recommendations for the Central Highlands provinces

For helping NEEs in Central Highlands be able to take advantage of opportunities and limit challenges in the context of the IR 4.0, strong solutions are needed to be implemented at different levels.

The provinces in Central Highlands need to review their strategies and action programs, propose plans and key tasks to implement appropriately with the development of the IR 4.0, pursuant

to the Vietnam Prime Minister's Directive No.16/CT-TTg dated May 4th, 2017 on enhancing the capacity to access the 4th industrial revolution. One of the main contents of this Directive is the request of Prime Minister to focus on promoting the national innovative entrepreneurial ecosystem.

Some specific solutions need to be implemented as follows:

First, it is necessary to raise awareness of leaders of local agencies, businesses and people in the region about the IR 4.0. Providing information and strengthening communication to create a right understanding and awareness of the nature, characteristics, opportunities and challenges of the IR 4.0 for each individual, helping them have appropriate and effective approach and solution.

Second, renewing the curriculum content and methods of education and vocational training to update the programs with digital technology. Education and training institutions should analyze future market needs, create opportunities for students to apply practical skills to improve their knowledge, skills and self-discipline. NEEs need to set up recruitment strategies to attract talents. Workers also need to actively learn the new knowledge of digital technology, equip necessary skills to increase their own competitiveness.

Third, provinces in the Central Highlands region need to renew investment and funding mechanisms for research and development; propose policies and measures to strongly develop innovative NEEs and startups, support startup projects with technology application, focus on promoting innovative entrepreneurial ecosystem toward implementing specific and suitable solutions, creating favorable conditions to apply technologies on production, especially in advantages sectors such as agriculture, forestry, pharmaceuticals, and tourism.

Fourth, it is necessary to have a common development strategy of the whole Central Highlands toward the IR 4.0 and the knowledge economy to strengthen the connection between all the components of the entrepreneurial ecosystem, to support entrepreneurial activities in Central Highlands, to promote the development of NEEs and startups associated with training and transferring knowledge, science and technology in the region, to turn ideas into real products, to improve ecosystems and market conditions.

Conclusion

NEEs in Central Highlands are growing, but they are facing many challenges in the context of IR 4.0. The Central Highlands region is affirmed by the Communist Party and the government of Vietnam as a region of strategic importance, and is considered to have many untapped potentials. In order to support NEEs in Central Highlands to take advantage of opportunities and limit challenges in the context of the IR 4.0, strong solutions need to be implemented at different levels. One of the most important areas is the human resources, which should be focused through education and training to develop the capacity for taking complex jobs that require advanced levels of knowledge and skills, creative and difficult to automate.

References

1. Agency for Business Registration — ABR (2014a). Tình hình chung về đăng ký doanh nghiệp tháng 12 và năm 2014 [General situation of business registration in December and 2014]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4113/tinh-hinh-chung-ve-dang-ky-doanh-nghiep-thang-12-va-nam-2014.aspx>.
2. ABR (2014b). Tình hình doanh nghiệp giải thể, tạm ngừng hoạt động và quay trở lại hoạt động năm 2014 [The situation of enterprises was dissolved, suspended and returned to operation in 2014]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4114/tinh-hinh-doanh-nghiep-giai-the--tam-ngung-hoat-dong-va-quay-tro-lai-hoat-dong-nam-2014.aspx>.

3. ABR (2015a). Tình hình chung về đăng ký doanh nghiệp tháng 12 và năm 2015 [General situation of business registration in December and 2015]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4181/tinh-hinh-chung-ve-dang-ky-doanh-nghiep--thang-12-va-nam-2015.aspx>.
4. ABR (2015b). Tình hình doanh nghiệp giải thể, tạm ngừng và quay trở lại hoạt động tháng 12 và năm 2015 [The situation of enterprises was dissolved, suspended and returned to operation in 2015]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4182/tinh-hinh-doanh-nghiep-giai-the--tam-ngung-va-quay-tro-lai-hoat-dong-thang-12-va-nam-2015.aspx>.
5. ABR (2016a). Tình hình chung về đăng ký doanh nghiệp tháng 12 và năm 2016 [General situation of business registration in December and 2016]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4253/tinh-hinh-chung-ve-dang-ky-doanh-nghiep--thang-12-va-nam-2016.aspx>.
6. ABR (2016b). Tình hình doanh nghiệp quay trở lại hoạt động, tạm ngừng và giải thể tháng 12 và năm 2016 [The situation of enterprises was dissolved, suspended and returned to operation in 2016]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4252/tinh-hinh-doanh-nghiep-quay-tro-lai-hoat-dong--tam-ngung-va-giai-the-thang-12-va-nam-2016.aspx>.
7. ABR (2017a). Tình hình chung về đăng ký doanh nghiệp tháng 12 và năm 2017 [General situation of business registration in December and 2017]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4337/tinh-hinh-chung-ve-dang-ky-doanh-nghiep--thang-12-va-nam-2017.aspx>.
8. ABR (2017b). Tình hình doanh nghiệp quay trở lại hoạt động, tạm ngừng và giải thể tháng 12 và năm 2017 [The situation of enterprises was dissolved, suspended and returned to operation in 2017]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4338/tinh-hinh-doanh-nghiep-quay-tro-lai-hoat-dong--tam-ngung-va-giai-the-thang-12-va-nam-2017.aspx>.
9. ABR (2018). Tình hình đăng ký doanh nghiệp tháng 12 và năm 2018 [General situation of business registration in December and 2018]. Retrieved on March 11, 2019 from URL: <https://dangkykinhdoanh.gov.vn/vn/tin-tuc/598/4897/tinh-hinh-dang-ky-doanh-nghiep-thang-12-va-nam-2018.aspx>.
10. Asian Development Bank — ADB (2018). Environmental Monitoring Report Loan 3038-Vie: Second Health Care in the Central Highlands Project. Retrieved on April 23, 2019 from URL: https://www.adb.org/sites/default/files/project-documents/44265/44265-013-emr-en_0.pdf.
11. Bạch Hồng Việt (2013). Kinh tế Tây Nguyên trong hội nhập và phát triển [Central Highlands economy in integration and development]. Vietnam Study — Proceedings of the fourth international conference. Hanoi: Social Sciences Publishing House.
12. Bùi Nhật Quang (2017). Khởi nghiệp đổi mới sáng tạo ở Việt Nam trong bối cảnh cách mạng công nghiệp lần thứ tư” [Innovation startups in Vietnam in the context of the fourth industrial revolution]. In *Khoa học xã hội Việt Nam*, № 10. P. 35—43.
13. Economica (2017). Việt Nam — Đất lành cho khởi nghiệp. Tại sao không? [Vietnam — Good land for startups. Why not?]. Retrieved on April 2, 2019 from URL: <https://www.economica.vn/Content/files/PUBL%20%26%20REP/Viet%20Nam%20-%20Dat%20lanh%20cho%20Khoi%20nghiep.pdf>.
14. General Statistics Office — GSO (2018a). Results of the 2017 Economic Census. Hanoi: Statistical Publishing House.
15. GSO (2018b). Tình hình kinh tế — xã hội năm 2018 [Socio-economic situation in 2018]. Retrieved on April 18, 2019 from URL: <https://www.gso.gov.vn/default.aspx?tabid=621&ItemID=19037>.
16. Global Entrepreneurship Monitor — GEM & Vietnam Chamber of Commerce and Industry — VCCI (2018). Báo cáo chỉ số khởi nghiệp Việt Nam 2017/2018 [Report on Vietnam entrepreneurship index 2017/2018]. Hanoi: Thanh nien Publishing House.
17. Kanayev, Yevgeni, Nguyen Quang Thuong, Vi Thi Huong Hue (2019). The digitalization of business: Vietnam’s perspective. In *Russian journal of Vietnamese studies*, Series 2. № 1. P. 35—51.

18. Kanayev, Yevgeni, Darnell Rebecca, Dinh Le Hong Giang (2018). Vietnam's higher education amid the forthcoming fourth industrial revolution. In *Russian journal of Vietnamese studies*, Series 2. № 1. P. 69—104.
19. Lê Nhuận (2018). Giới trẻ Tây Nguyên vượt khó lập nghiệp [Young people in the Central Highlands overcome difficulties in establishing their businesses]. Retrieved on March 22, 2019 from URL: <http://baodansinh.vn/gioi-tre-tay-nguyen-vuot-kho-lap-nghiep-d75305.html>.
20. MIC & VAIP (2015). Brief report of Vietnam ICT Index 2015. Retrieved on March 21, 2019 from URL: <http://vaip.org.vn/download/2015/Bao%20cao%20VN%20ICT%20Index%202015%20-%20Ban%20tom%20tat.pdf>.
21. MIC & VAIP (2016). Report of Vietnam ICT Index 2016. Retrieved on March 21, 2019 from URL: http://www.vaip.org.vn/download/2017/Bao%20cao%20VN%20ICT%20Index%202016_cong%20bo_ban%20day%20du_final-22032017.pdf.
22. MIC & VAIP (2017). Brief report of Vietnam ICT Index 2017. Retrieved on March 21, 2019 from URL: <http://www.vaip.org.vn/download/2017/Bao%20cao%20VN%20ICT%20Index%202017%20-%20Ban%20tom%20tat.pdf>.
23. MIC & VAIP (2018). Brief report of Vietnam ICT Index 2018. Retrieved on March 21, 2019 from URL: <http://www.vaip.org.vn/download/2018/Bao%20cao%20VN%20ICT%20Index%202018%20-%20Ban%20tom%20tat.pdf>.
24. Ministry of Information and Communications — MIC & Vietnam Association for Information Processing — VAIP (2014). Report of Vietnam ICT Index 2014. Retrieved on March 21, 2019 from URL: <http://www.vaip.org.vn/download/2014/Bao%20cao%20VN%20ICT%20Index%202014%20-%20Final.pdf>.
25. Ministry of Planning and Investment — MPI (2018). Sách trắng doanh nghiệp nhỏ và vừa Việt Nam [White paper small and medium enterprises in Vietnam 2017]. Retrieved on January 20, 2019 from URL: http://business.gov.vn/Portals/0/2018/ST%20DNNVV%202017_final1.pdf.
26. MPI (2017). Dự thảo Báo cáo tổng hợp đề án điều chỉnh quy hoạch tổng thể phát triển kinh tế — xã hội vùng Tây Nguyên thích ứng với biến đổi khí hậu [Draft report on the project of adjusting the master plan on socioeconomic development in Central Highlands to adapt to climate change]. Retrieved on March 14, 2019 from URL: [http://skhdt.gialai.gov.vn/getattachment/a6401e39-1034-4a2e-9119-86ff48b69edd/BCTH-QH-Tay-Nguyen-3-5-2017-\(in-xin-y-kien-Bo,-nganh\).pdf.aspx](http://skhdt.gialai.gov.vn/getattachment/a6401e39-1034-4a2e-9119-86ff48b69edd/BCTH-QH-Tay-Nguyen-3-5-2017-(in-xin-y-kien-Bo,-nganh).pdf.aspx).
27. National Academy of Public Administration — NAPA, Lee Kuan Yew School of Public Policy — LKYSPP, Vietnam Institute of Economics — VIE (2018). Cuộc cách mạng công nghiệp lần thứ tư với quản trị nhà nước. [The fourth industrial revolution with state governance]. Hanoi: The National Political Publishing House.
28. Nguyễn Phúc (2018). Thanh niên khởi nghiệp từ nông nghiệp [Young people started a business from agriculture]. Retrieved on April 1, 2019 from URL: <http://baokontum.com.vn/kinh-te/thanh-nien-khoi-nghiep-tu-nong-nghiep-9251.html>.
29. Phan Thị Ngọc Uyên (2017). Cách mạng công nghiệp 4.0 và sự tác động đến xu hướng khởi nghiệp ở Việt Nam hiện nay [Industrial revolution 4.0 and the impact on entrepreneurship trends in Vietnam nowadays]. Retrieved on April 3, 2019 from URL: [http://jstf.hufi.edu.vn/uploads/files/so-tap-chi-nam-2017/ky-yeu/\(321-327\).pdf](http://jstf.hufi.edu.vn/uploads/files/so-tap-chi-nam-2017/ky-yeu/(321-327).pdf).
30. Prime Minister Decision No. 844/QĐ-TTg (2016) approving the Scheme on “Supporting national innovative startup ecosystem by 2025”.
31. Prime Minister Directive No.16/CT-TTg (2017) on “Enhancing the capacity to access the fourth industrial revolution”.
32. Schroder, Christian (2016). Challenges of Industry 4.0 for Small and Medium-Sized Enterprises”. Friedrich-Ebert-Stiftung.
33. Schwab (2016). The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. Switzerland.
34. UNIDO (2018). Industry 4.0 — opportunities behind the challenge. Vienna International Centre.

Authors:

Vũ Thụy Trang, Ph.D. (History), Director of the Center for Russian and CIS Studies, Institute for European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: vuthuytrang@yandex.ru

Đinh Mạnh Tuấn, Ph.D. (Economics), Head of Department of European Political and International Relations Studies, Institute for European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: tuaneu@yahoo.com

Article history:

Received: April 1, 2019

Received in revised form: April 30, 2019

Accepted: May 26, 2019

Бу Тхюи Чанг, Динь Мань Туан

ОПЕРАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНОВЬ СОЗДАНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ПЛАТО В КОНТЕКСТЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Регион Центрального плато занимает особенно важное стратегическое положение во Вьетнаме. Он считается благоприятным местом для вновь создаваемых предприятий (ВСП), но предприниматели могут столкнуться здесь с большими трудностями, чем в других регионах. Авторы анализируют специфические характеристики ВСП на Центральном плато по сравнению с другими регионами, отмечая, что количество ВСП, как правило, возросло, но нестабильно. Выделены также слабые места по сравнению с другими регионами, например: большинство стартапов — это малые и микропредприятия, у них не хватает капитала для инвестирования в новые технологии, низка доля молодых сотрудников, ограничена квалификация многих работников, слабы инфраструктура ИКТ и региональные связи. В статье предлагаются некоторые решения, призванные помочь ВСП использовать возможности и минимизировать проблемы, вызванные Четвертой промышленной революцией.

Ключевые слова: промышленная революция, вновь создаваемые предприятия, Центральное плато, Вьетнам.

Авторы:

Бу Тхюи Чанг, к.и.н, зав. отделом исследований России и СНГ Института европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук.

E-mail: vuthuytrang@yandex.ru

Динь Мань Туан, к.э.н., зав. отделом исследований европейской политики и международных отношений Института европейских исследований Вьетнамской академии общественных наук. E-mail: tuaneu@yahoo.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 01.04.2019

Дата поступления в переработанном виде: 30.04.2019

Принята к печати: 26.05.2019

История и культура

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10015

Бектимирова Н.Н.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ: К 40-ЛЕТИЮ СВЕРЖЕНИЯ РЕЖИМА «КРАСНЫХ КХМЕРОВ» В КАМБОДЖЕ

Аннотация. В статье представлен анализ январских событий 1979 г. в Камбодже, приведших к свержению власти «красных кхмеров» и установлению лояльного Вьетнаму политического режима. Показано, что агрессивная антивьетнамская политика «красных кхмеров» создавала угрозу безопасности соседней страны. Невозможность нормализовать двусторонние отношения мирным путем вынудила Вьетнам избрать силовой вариант решения проблемы. Автор рассматривает как позитивные, так и негативные последствия вьетнамского военного вторжения в Камбоджу. Особое внимание уделено анализу дебатов, ведущихся по сей день среди политических элит страны о роли вьетнамского фактора в тот период камбоджийской истории.

Ключевые слова: Камбоджа, режим «красных кхмеров», вьетнамское военное вторжение, «камбоджийская проблема».

Введение

В истории каждой страны есть события, которые вызывают неоднозначные оценки и крайне «чувствительны» для исторической памяти народа. Поиск исторической правды — это всегда сложный процесс, а сама «историческая правда», как правило, явление многослойное.

В течение уже четырех десятилетий в политических кругах Камбоджи не затихают споры по поводу идейной оценки важнейшего исторического события — 7 января 1979 г., когда при военной поддержке Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) был свергнут режим геноцида во главе с Пол Потом и образована Народная Республика Кампучия (НРК). Что это было — иностранное вторжение и последовавшая за этим оккупация Камбоджи или освобождение от режима «геноцида» и «второе» рождение страны, а может быть, все вместе?

Данная проблема освещалась в отечественной и зарубежной литературе. В своей фундаментальной монографии Д.В. Мосяков (2010) исследовал период правления «красных кхмеров» с привлечением новых материалов из Архива внешней политики РФ. Среди зарубежных исследований выделяется работа американского ученого Э. Готтесмана [Gottesman 2003], посвященная становлению НРК и взаимоотношениям камбоджийских властей и их вьетнамских коллег.

В статье предпринята попытка, опираясь как на общенаучные, так и на специально-исторические методы, не только объективно проанализировать сами события 1979 г., но и, главное, дать оценку дебатам о роли вьетнамского фактора, которые и по сей день широко ведут-

ся в камбоджийском обществе, и представить мнения по данному вопросу различных групп политических элит Камбоджи. Исследование показывает, что те, кто находится сегодня у власти, и их оппоненты из оппозиции не только не дают объективного, критического анализа событий 40-летней давности, но и намеренно превращают их в своеобразное «поле сражений», достаточно напористо и изоциренно внедряя в общественное сознание «урезанную», выгодную для себя версию событий, фактически не оставляя пространства для политического компромисса и усложняя критическое осмысление кхмерами их национальной истории XX в.

Новизна исследования во многом обусловлена привлечением источников, недавно ставших доступными для научного анализа. Это рассекреченные документы ЦРУ по Камбодже 1970—1980-х годов, материалы судебных слушаний Международного трибунала над «красными кхмерами», публикации камбоджийской прессы, а также материалы дискуссий, которые ведутся камбоджийскими политиками в социальных сетях, в частности на их личных страницах в Фейсбуке.

Идеологические установки «красных кхмеров» в отношении Вьетнама

Рассуждать о событиях 7 января 1979 г. невозможно без упоминания того, что им предшествовало. Как известно, в 1975 г. ситуация в регионе Юго-Восточной Азии кардинальным образом изменилась. Победа патриотических сил в странах Индокитая привела к образованию трех новых государств — в апреле 1975 г. Демократической Кампучии, в декабре того же года — Лаосской Народно-Демократической Республики, а в июле 1976 г. в результате объединения Северного и Южного Вьетнама — Социалистической Республики Вьетнам. Усиление позиций государств Восточного Индокитая, связанных узами совместной вооруженной борьбы, вызывало определенные опасения у соседей по региону. Однако довольно неожиданно для них внутри коммунистической «тройки» произошел серьезный, непоправимый конфликт.

Пришедшая к власти в Камбодже националистическая леворадикальная группировка «красных кхмеров» во главе с Пол Потом приступила к перестройке общества в духе идей китайской «культурной революции», используя методы массового террора. Своего главного союзника она нашла в лице Китая, оказывавшего значительную материально-техническую и военную помощь полпотовскому режиму. По отношению же к Вьетнаму «красные кхмеры» заняли откровенно враждебную позицию: он был объявлен главным внешним врагом кхмерского народа.

«Борьба с врагом» не только внутренним, но и внешним в лице Вьетнама заняла центральное место в идеологии полпотовщины. Квинтэссенция подобной политики была сформулирована одним из ныне живущих руководителей «красных кхмеров» — человеком номер два в иерархии Коммунистической партии Кампучии¹ Нуон Чеа. Будучи фигурантом Международного трибунала над «красными кхмерами», обвиняемым в преступлениях против человечности, в ходе судебных слушаний он откровенно заявил: «Хотя кхмерские и вьетнамские коммунисты сотрудничали с 1930 г., кхмеры, если говорить честно, всегда считали вьетнамцев своими заклятыми врагами, никогда не сомневались в их желании и готовности захватить наши земли» [Phnom Penh Post: 6—7.12.2011]. Следует признать, что в силу целого ряда исторических причин враждебность и подозрительность в отношении Вьетнама были доста-

¹ Образованная в 1951 г. Народно-революционная партия Кампучии (НРПК) была переименована «красными кхмерами» в 1967 г. в Коммунистическую партию. В 1979 г. партии было возвращено прежнее название — НРПК.

точно широко распространены среди различных групп политических элит Камбоджи [Бектирова 2011: 79]. Однако мало кто полагал, что они были в такой степени присущи и кхмерским коммунистам, фактически выпестованным самими вьетнамцами.

Уже в 1975 г. на заседаниях политбюро Коммунистической партии Кампучии постоянно обсуждались вопросы обороны, говорилось о важности военной помощи со стороны Китая для укрепления армии и становилась все более очевидной идея о том, что война с Вьетнамом неизбежна [Nhem 2013: 49—51].

Документы, собранные в качестве доказательной базы для проведения Международного трибунала, свидетельствуют о том, что у руководителей «красных кхмеров» были планы атаковать Вьетнам еще в 1976 г., но они осознавали, что кхмерская армия пока очень слаба в сравнении с вьетнамской. Вооруженные столкновения на границе, спровоцированные камбоджийской стороной, пока носили локальный и спорадический характер. Вьетнамские руководители первоначально полагали, что провокационные действия обусловлены «инициативой» местных военных командиров, которые действовали без согласования с центром [Nhem 2013: 83]. Вьетнамцы были уверены в том, что среди руководящего звена кхмерских коммунистов есть достаточное количество сторонников «боевой солидарности с Вьетнамом» [Court Documents: 12.12.2018]. В пользу этой уверенности говорило то, что в 1975—1976 гг., комментируя вооруженные столкновения на границе, Пол Пот еще пытался объяснять их плохим знанием кхмерскими военными «местной географии» [Chandler 1999: 136].

Пропагандистская машина «красных кхмеров» внедряла в сознание собственных граждан, что «Вьетнам — это черный дракон, который извергает из себя яд». Его цель — поглотить территорию Камбоджи [Williams & Neilsen 2016: 10]. Культивирование среди населения устойчивого чувства враждебности в отношении вьетнамцев облегчало «красным кхмерам» осуществление политической мобилизации и объяснение всех неудач во внутренней политике «происками соседа». В 1977 г. задача, озвученная Пол Потом в его многочисленных выступлениях, состояла в том, чтобы «уничтожить под самый корень не только всех вьетнамских граждан в самой Камбодже, но и всю вьетнамскую нацию». Лозунг «Вьетнам, традиционный враг кхмеров, должен быть разгромлен любой ценой» стал активно внедряться в жизнь [Cambodia Daily: 16.05.2016].

В 1977—1978 гг. кхмерские вооруженные силы уже нападали на вьетнамские населенные пункты практически вдоль всей линии границы, что приводило к гибели значительного числа мирных жителей. В целом первоначально вьетнамские военные придерживались оборонительной тактики, стремясь при этом наносить максимальный ущерб атакующей камбоджийской армии. Вьетнамские руководители предпринимали множество попыток урегулировать возникшие споры путем переговоров и нормализовать отношения, но все было тщетно.

Серьезным проявлением силы со стороны Вьетнама и определенным актом устрашения стало вторжение в Камбоджу вьетнамских войск в январе 1978 г., когда они отбросили «красных кхмеров» вглубь страны и оказались в 30 км от Пномпеня [Мосяков 2010: 391]. Однако это не охладило воинственный антивьетнамизм полпотовцев.

Причины и последствия вторжения Вьетнама в Камбоджу

Ханой стал готовиться к силовому варианту свержения режима в соседней стране. С этой целью вьетнамцы помогли патриотическим силам Камбоджи, которые обратились к ним за помощью в борьбе с Пол Потом, организовать Единый фронт национального спасения Кампучии (ЕФНСК), который должен был стать опорой и проводником политики Вьетнама внутри страны. Вторым важнейшим фактором успеха готовящейся акции должны были

стать поддержка и помощь со стороны СССР. План свержения режима обсуждался летом 1978 г. в Москве в ходе неофициального визита генсека ЦК КПВ Ле Зуана. Заключение в ноябре того же года Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами стало для Вьетнама своеобразным гарантом помощи со стороны СССР [Мосяков 2010: 393].

Нельзя не согласиться с мнением ведущего западного специалиста по ЮВА К. Тэйера, который в недавнем интервью заявил, что в тот период военная угроза для СРВ исходила как с севера от Китая, так и с юго-запада — от Камбоджи. В Ханое хорошо понимали, что надо во что бы то ни стало избежать войны на два фронта, поэтому вторжение в Камбоджу было своеобразным актом самообороны [Thayer: 12.18.2018].

В итоге в декабре 1978 г. Вьетнам ввел в Камбоджу 170-тысячную армию, чтобы свергнуть враждебный ему политический режим, с которым было невозможно нормализовать отношения мирным путем, и поэтому силовой вариант оставался единственным путем решения проблемы. Таким образом, вьетнамских руководителей в первую очередь заботила безопасность собственной страны. Занимали ли их вопросы морально-нравственного характера — забота о спасении кхмерского народа от геноцида? На этот вопрос можно дать определенный ответ только в отношении намерений кхмерских патриотов, которые любыми доступными средствами пытались сопротивляться кровавым деяниям полпотовцев. Свою главную цель они действительно видели в спасении страны от режима геноцида. Малочисленность собственных сил вынуждала их обратиться за помощью к Вьетнаму, превратив, таким образом, себя в заложников этой помощи и лишив впоследствии в значительной степени политической самостоятельности.

Объективно, независимо от мотивации Вьетнама, вторжение его армии привело к падению режима «красных кхмеров» и «второму» рождению Камбоджи. Даже Народом Сианук, возглавлявший коалиционное правительство Демократической Кампучии, которое вело вооруженную борьбу против НРК, признавал, что «многие камбоджийцы предпочитают “вьетнамский протекторат” режиму геноцида “красных кхмеров”, что вьетнамцы положили конец ужасам полпотовщины» [Kamm 1998: 194].

С первых дней существования НРК новые власти отменили все антинародные законы полпотовцев, приступили к восстановлению экономики и созданию нормальных условий жизни для населения. Возрождение страны осуществлялось в условиях присутствия вьетнамской армии, которая обеспечивала само существование НРК, так как ее правительство не имело дееспособной армии и не смогло бы удержать власть в условиях начавшегося сопротивления со стороны вооруженных группировок, окопавшихся на границе с Таиландом. Таким образом, в Камбодже фактически был установлен режим внешнего, со стороны Вьетнама, управления, который на тот момент объективно являлся гарантией невозвращения к власти «красных кхмеров».

По утверждению нынешнего премьер-министра Камбоджи Хун Сена, первоначально речь шла лишь о краткосрочном пребывании вьетнамских войск в стране — примерно в течение года [Samleng Pracheachon: 22.04.1993]. Вьетнам был уверен, что ему удастся решить «камбоджийскую проблему» достаточно быстро на выгодных для себя условиях. Он надеялся, что сможет в короткие сроки разгромить остатки вооруженных формирований «красных кхмеров», которые первоначально именовались не иначе как «загнивающие бандитские элементы» [Cambodia: 15.01.2019]. Планировалось также укрепить власть лояльной Вьетнаму Народно-революционной партии Кампучии (НРПК) и предоставить ей достаточную внутреннюю самостоятельность при сохранении между странами «особых отношений», в рамках которых Вьетнам позиционировал себя как «старший брат». Таким образом, вьетнамские руководители намеревались решить задачу по превращению Камбоджи в надежное для них звено системы безопасности в Индокитае.

Однако все оказалось намного сложнее. Если СССР оказывал Вьетнаму значительную военную и материальную помощь для осуществления задуманной им операции, то КНР предоставляла помощь подобного же рода отрядам «красных кхмеров», а США — некоммунистическим группировкам, которые вели вооруженные действия против НРК. Готовность Таиланда принять у себя на территории некоммунистические вооруженные группировки и оказать им содействие в создании совместно с «красными кхмерами» коалиционного правительства Демократической Кампучии также не обошлась без поддержки со стороны США и Китая.

Все это привело к тому, что в Камбодже фактически развернулась «война по поручению» (*проху вар*) с элементами гибридности. Полномасштабные войсковые операции сочетались с партизанской борьбой, диверсионными актами, сопровождалась с обеих сторон пропагандистско-информационной и психологической войной, а также мощнейшим дипломатическим давлением на вновь образованное, но не признанное большей частью международного сообщества государство. Вьетнамские войска находились в Камбодже в течение целого десятилетия, но даже в столице им не удавалось обеспечить режим полной безопасности. Все эти годы действовал комендантский час, в дневное время город охранял вооруженный патруль.

Впервые на V съезде НРПК осенью 1985 г. власти открыто признали, что страна находится в состоянии «полувойны» — «полумира», что военные действия охватывают значительную часть территории страны, что НРПК проигрывает в психологической войне, которую ведут оппозиционные силы, в первую очередь некоммунистические группировки [Отчетный доклад 1985: 46, 63].

Проигрыш в психологической войне объяснялся достаточно просто, она вся базировалась на антивьетнамских лозунгах, которые, надо признать, встречали сочувствие и понимание в камбоджийском обществе. Главным идеологом психологической войны был Н. Сианук, который заявлял, «что вьетнамское присутствие в стране слишком затянулось, грозя угрозой кхмерами их национальной идентичности и полной “вьетнамизацией” страны» [Nhem 2013: 110].

Действительно, уже спустя 2-3 года после свержения режима «красных кхмеров» присутствие вьетнамских войск и вьетнамских советников в Камбодже стали восприниматься рядовыми кхмерами достаточно негативно. Это в значительной степени нивелировало в целом первоначальную позитивную реакцию камбоджийского общества на очищение страны от полпотовщины. Вьетнамское присутствие вызывало неприкрытое недовольство со стороны различных слоев населения, которое росло по мере постепенного заживления ран, нанесенных правлением «красных кхмеров», и некоторой стабилизации жизни в стране. Кхмеров тяготила чрезмерно высокая степень политического влияния вьетнамских советников. Собственных руководителей они считали нелегитимными и несамостоятельными политическими фигурами, так как ни одно назначение на руководящую должность не осуществлялось без согласования с вьетнамской стороной, для которой решающее значение имела политическая лояльность кандидата¹. Любые проявления излишней самостоятельности могли привести к отставке [Gottesman 2003: 109, 130].

Интеллигенцию раздражало откровенное стремление кураторов из соседней страны навязать «вьетнамское» видение кхмерской истории, внедрение вьетнамского языка в школах, засилье вьетнамских преподавателей в высшей школе, особенно в сфере общественных наук, проведение ежедневных политинформаций, в ходе которых вьетнамские инструкторы

¹ Обидный ярлык «вьетнамских ставленников» надолго закрепился за руководящими кадрами НРК среди не-малой части рядовых кхмеров.

учили кхмеров «правильно понимать политический курс страны» [Бектимирова, Селиванов 2002: 206].

Система СМИ была монополизирована вьетнамцами, численность которых среди общего числа работающих в этой сфере достигала 70 %. Кхмеры, допущенные к работе в СМИ, в обязательном порядке проходили курс обучения в политшколе, где преподавали вьетнамские инструкторы [Ан Буннарыен 1995: 49].

Жители сельских районов были недовольны тем, что власти практически беспрепятственно разрешили вьетнамцам переезжать на постоянное место жительства в их страну. Правительство заявляло, что в Камбоджу возвращаются те вьетнамцы, которые вынуждены были бежать из страны в результате репрессий в 1970-е годы. Однако им разрешалось возвращаться с родственниками, численность которых не ограничивалась. Отсутствие точной статистики прибывших подогревало слухи о лавинообразной миграции из соседней страны и порождало страхи местного населения, что в скором времени вьетнамцы составят значительный процент населения сельских районов.

Да и в целом модель политического и социально-экономического развития с опорой на марксистскую идеологию и плановое хозяйство, навязанные Вьетнамом, не импонировала кхмерам. Так, на V съезде руководители НРПК публично признали, что население не проявляет никакого интереса ни к деятельности партии, ни к марксистской идеологии и в большинстве своем придерживается традиционной — феодальной и капиталистической идеологии [Отчетный доклад 1985: 63—64].

Ханой был осведомлен о росте антивьетнамских настроений в Камбодже. Генерал Ле Дык Ань, руководивший в этой стране военными операциями, постоянно предостерегал вьетнамских советников от проявлений «шовинизма крупной нации» в отношении кхмеров [Cambodia: 15.01.2019]. По словам самих камбоджийцев, в столице вьетнамские политические и военные советники действительно старались вести себя достаточно деликатно. В гарнизонах, охраняющих столицу, вьетнамских солдат строго наказывали за любые нарушения дисциплины и недружелюбные акты в отношении местного населения. В провинциях же вьетнамцы чувствовали себя намного свободнее и вели себя менее тактично.

В целом уже к середине 1980-х годов среди значительных групп населения сформировались устойчивые симпатии к участникам некоммунистических оппозиционных групп, особенно к партии ФУНСИНПЕК, возглавляемой Народом Сиануком. Попад впервые в Камбоджу в 1984 г., автор этой статьи была поражена, с каким почтением и любовью рядовые кхмеры говорили о Н. Сиануке, который в официальной пропаганде именовался не иначе как «предатель родины, реакционер и враг кхмерской нации».

Таким образом, у 7 января 1979 г. есть несколько составляющих, как негативных, так и позитивных, и абсолютизация только одной из них ведет к искажению истории, что мы и наблюдаем в Камбодже в настоящее время.

Идеологическая оценка свержения режима «красных кхмеров» политическими элитами Камбоджи

Чем дальше отстоит само событие, тем ожесточеннее споры среди политических элит Камбоджи, намеренно упрощающих сложнейшую проблему до уровня, когда она хорошо вписывается в их мобилизационную стратегию, которая может принести реальные сиюминутные дивиденды. Правящая Народная партия Камбоджи (НПК) ставит себе в заслугу ликвидацию режима Пол Пота, расценивая это как важнейший фактор легитимации длительного — более чем 25-летнего — нахождения партии у власти, а также претензий на дальнейшее руководство

страной. Свою позицию НПК обосновывает тем, что именно ее представители выступили против режима и непосредственно участвовали в военной акции по его свержению. Тем самым они «возродили» кхмерскую нацию, фактически обеспечив ее «второе рождение».

В своей аргументации руководители НПК никогда не дают критической оценки периоду существования Народной Республики Кампучия, которая была отнесена международным сообществом к категории «несостоявшихся государств». Они никогда не вспоминают о том, что фактически шла гражданская война, в которой немалая часть населения выступала на стороне свергнутого режима «красных кхмеров» и некоммунистических группировок. А главное, они умалчивают о роли Вьетнама в выработке и реализации политического курса страны.

Само празднование 7 января в последние годы все в меньшей степени фокусируется на увековечивании памяти жертв геноцида, а все больше — на получении конкретных политических дивидендов для правящей партии. В пропагандистской кампании НПК низводит чувствительную для кхмеров проблему до простейших лозунгов: «Кто не признает 7 января, тот желает возвращения геноцида»; «Кто приветствует свержение режима “красных кхмеров”, обязан поддерживать и ту силу, которая его свергла»; «Тот, кто ненавидит Пол Пота, не может выступать против НПК, которая его скинула» [Future Forum: 06.01.2017].

В последние годы наблюдается сильная героизация Хун Сена как политического деятеля, «возродившего страну из пепла», принесшего кхмерскому народу мир и процветание. Ничуть не преуменьшая вклад премьер-министра в дело освобождения, следует признать, что роль других политических деятелей, к примеру Хенг Самрина¹, была не менее значимой. Подобная идеологизированная риторика оказалась особенно востребованной накануне местных и парламентских выборов 2017—2018 гг. Эти годы стали ударными по различным инициативам, направленным на «увековечение» роли Хун Сена как спасителя отечества. Часть электората усмотрела в этом прямую связь со стремлением Хун Сена продлить сроки собственного пребывания у власти в качестве премьер-министра. В июле 2017 г. Хун Сен впервые публично и широко отметил 40-летнюю годовщину своего разрыва с «красными кхмерами» и перехода на сторону Вьетнама. В январе 2018 г. по всем каналам национального телевидения был показан документальный фильм «Путь к национальному спасению», где Хун Сен предстает главным организатором движения сопротивления «красным кхмерам», создателем и руководителем освободительной армии ЕФНСК, в то время как он был тогда рядовым членом руководящей группы сопротивления. Утрированное восхваление заслуг НПК в спасении страны от «красных кхмеров» стало лейтмотивом избирательной кампании правящей партии на выборах 2018 г.

Как правящая партия разработала свою мифологию относительно 7 января, так и оппозиция создала свою, основанную на утверждении, что эта дата — не только не освобождение, а интервенция ненавистного врага — Вьетнама, который и проложил дорогу к моральной деградации, коррупции и национальному упадку кхмерской нации. Подобная позиция во многом обусловлена самим генезисом кхмерской оппозиции, значительная часть которой была вынуждена покинуть страну в 1970-е годы и смогла вернуться на родину в 1990-е годы. Эти люди не испытали на себе всех ужасов режима геноцида и однозначно восприняли образование НРК в 1979 г. как оккупацию Вьетнамом их родины.

Многие из современных оппозиционных деятелей вернулись с искренним желанием освободить Камбоджу от вьетнамского влияния и внести вклад в возрождение страны. Так, репатрианты из Франции публично заявляли, что считают своим первейшим долгом «очистить страну от деструктивного иностранного влияния и помочь своим соотечественникам,

¹ Хенг Самрин — генеральный секретарь НРПК (1981—1990), председатель ЕФНСК (1979—1981).

которые утратили национальную культуру, возродить ее истоки и восстановить страну» [Wijiers 2013: 90—91].

Представители оппозиционных партий по-прежнему не признают праздник 7 января, считают его днем позора для кхмерского народа и началом вьетнамской интервенции. Не желая принимать в расчет всю совокупность внешних и внутренних факторов, приведших к январским событиям, оппозиция аргументирует свою точку зрения, прибегая к образу «исторического врага» в лице Вьетнама, обвиняя его во всех бедах кхмерского народа, в том числе и в проведении политики геноцида «красными кхмерами».

Сотрудничество лидеров НПК с Вьетнамом в 1980-е годы, по мнению оппозиции, делают ее власть априори нелегитимной и в XXI в. Фактически оппозиция отрицает очевидное: НПК легитимировала свое право на власть через систему всеобщих выборов в 1990—2000-е годы.

Все последние годы лидер оппозиции — Сам Ронгси выкладывал в социальных сетях накануне 7 января карикатуры или едкие замечания. В 2016 г. на странице в фейсбуке Сам Ронгси появилась карикатура вьетнамского солдата, который в 1975 г. поджигает дома кхмеров, а в 1979 г. заливает их водой — тушит огонь. Под карикатурой была подпись, что 7 января — военное и политическое шоу, организованное вьетнамцами. Если бы не было вьетнамских коммунистов, то не было бы и «красных кхмеров». Всё инициировали вьетнамские коммунисты с целью дезориентации кхмерского народа и установления контроля над Камбоджей [Sam Raincy: 10.02.2016]. Другой видный лидер оппозиции — Кем Сокха заявил, что тюрьма Туол Сленг — символ геноцида режима «красных кхмеров» — «была постановкой Вьетнама» [Cambodia Daily: 27.05.2013].

Подобная интерпретация событий со стороны руководителей оппозиции фактически уменьшает степень вины «красных кхмеров» и виновными делает иностранцев-вьетнамцев. Стратегия действий оппозиционной элиты фактически демонстрирует ее неспособность и нежелание отказаться от «этнической мифологии». Это косвенно свидетельствует и о неуважении результатов деятельности Международного трибунала над «красными кхмерами», который собрал мощнейшую доказательную базу того, что при режиме Пол Пота осуществлялись различные формы геноцида как в отношении кхмеров, так и в отношении вьетнамской общины, и совершали эти преступления сами кхмеры. Подобная позиция оппозиционеров затрудняет осмысление трагического прошлого страны со стороны камбоджийской молодежи, которая очень внимательно прислушивается к их мнению. Все это негативно влияет на формирование ценностных и поведенческих установок молодого поколения Камбоджи и на современные взаимоотношения Камбоджи и Вьетнама.

Выводы

Рассмотрение истории Камбоджи только через призму так называемой деструктивной роли Вьетнама, а также намеренное искажение и упрощение исторических фактов едва ли идет на пользу камбоджийскому обществу, в котором и так «вьетнамофобия» является устойчивым неформальным фактором политического процесса.

Мифологемы, которые выстраивают правящая партия и оппозиция, фактически не оставляют пространства для компромисса между политическими элитами и для реального критического осмысления кхмерами новейшей истории их страны. Стремление обеих сторон догматизировать выгодный для себя крайне ограниченный набор идей и аргументов обусловлено исключительно политическими интересами, последствия чего особенно ярко проявляются в периоды электоральных циклов.

Список литературы

1. Ан Буннарыен. Становление и развитие системы СМИ в Камбодже (1954—1994 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 168 с.
2. Бектимирова Н.Н. Этническая мифология как фактор политической мобилизации кхмеров в XX в. // *Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии*. М.: ИД Ключ-С, 2011. 357 с.
3. Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н. Королевство Камбоджа: Политическая история. М.: Гуманитарий, 2002. 350 с.
4. Мосяков Д.В. История Камбоджи XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 739 с.
5. Отчетный доклад генсека ЦК НРПК Хенг Самрина на V съезде НРПК // *Неак Кхусана* (на кхмерском языке). Пномпень, 1985. № 1.
6. Cambodia Daily.
7. Cambodia: How Viable the Heng Samrin Regime? An Intelligence Assessment. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP04T00794R000200740001-6.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).
8. Chandler D. Brother number one. A Political Biography of Pol Pot. Westview Press, 1999. 260 p.
9. Court Documents N 415/3/2. Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia. URL: <https://www.eccc.gov.kh> (дата обращения: 12.12.2018).
10. Future Forum. Moving Beyond the January 7 Narratives. Briefing Note 06.01.2017. URL: <https://www.futureforum.asia>.
11. Gottesman E. Cambodia After the Khmer Rouge: inside the politics of nation building. New Haven & London, 2003. 428 p.
12. Kamm H. Cambodia. Report from a Stricken Land. New York, 1998. 262 p.
13. Nhem Boraden. The Khmer Rouge. Ideology, Militarism, and the Revolution That Consumed a Generation. Praeger, 2013. 216 p.
14. Phnom Penh Post.
15. Sam Raincy. URL: <https://www.facebook.com/raincy.sam.5/> (дата обращения: 10.02.2016).
16. Samleng Pracheachon Kampuchea. Radio Network in Cambodia.
17. Thayer, C.A. Vietnam's intervention in Cambodia Revisited, 1979—2019. Thayer Consultancy Background Brief. December 18, 2018.
18. Wijiers, G.D. Brokering, Bargaining and Building for the Transformation of Cambodia: A Study on Cambodian French Returnees as Institutional Entrepreneurs // *Institutions and Economies*, 2013. Vol. 5. N 3.
19. Williams T. & Neilsen R. «They will rot the society, rot the party, and rot the army»: Toxification as an ideology and motivation for perpetrating violence in the Khmer Rouge genocide? // *Terrorism and Political Violence*, 14.10.2016.

Об авторе:

Бектимирова Надежда Николаевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nabektimirova@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 04.04.2019

Дата поступления в переработанном виде: 02.05.2019

Принята к печати: 27.05.2019

N.N. Bektimirova

GAZING INTO THE PAST: ON THE 40TH ANNIVERSARY OF THE TOPPLING OF THE KHMER ROUGE REGIME IN CAMBODIA

Abstract. The article discusses the events of January 1979 in Cambodia which led to the toppling of the Khmer Rouge and the establishment of a political regime loyal to Vietnam. The author shows that aggressive anti-Vietnamese policies pursued by the Khmer Rouge regime created an acute security threat for the neighboring country. The inability to settle bilateral relations peacefully compelled Vietnam to solve the problem by using force. The article considers both positive and negative consequences of the Vietnamese military invasion in Cambodia. Particular attention is paid to the analysis of ongoing intense debates among political elites about the role of the Vietnamese factor during that period of Cambodian history.

Keywords: Cambodia, Khmer Rouge regime, Vietnamese military invasion, Cambodian problem.

References

1. An Bunnaryen (1995). Stanovlenie i razvitie sistemy SMI v Kambodzhe (1954—1994). Kandidatskaia dissertatsiia [The formation and development of the mass media system in Cambodia (1954—1994)]. Moscow. 168 p.
2. Bektimirova, N.N. (2011). Etnicheskaia mifologija kak faktor politicheskoi mobilizatsii kkhmerov v XX v. [Ethnic mythology as a factor of political mobilization of the Khmers in the XXth century]. In *Mezhetnicheskie i mezhkonfessiona'nye otnosheniia v Iugo-Vostochnoi Azii*. Moscow: Kliuch-S. 357 p.
3. Bektimirova, N.N., Selivanov, I.N. (2002). Korolevstvo Kambodzha: Politicheskaja istoriia [The Kingdom of Cambodia: Political history]. Moscow: Gumanitarii. 350 p.
4. Cambodia Daily.
5. Cambodia: How Viable the Heng Samrin Regime? An Intelligence Assessment. Retrieved on 15.01.2019 from URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP04T00794R000200740001-6.pdf>
6. Chandler D. Brother number one. A Political Biography of Pol Pot. Westview Press, 1999. 260 p.
7. Court Documents N 415/3/2. Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia. Retrieved on 12.12.2018 from URL: <https://www.eccc.gov.kh>.
8. Gottesman, E. (2003). Cambodia After the Khmer Rouge: Inside the politics of nation building. New Haven & London. 428 p.
9. Future Forum. Moving Beyond the January 7 Narratives. Briefing Note 06.01.2017. Retrieved on 10.03.2018 from URL: <https://www.futureforum.asia>
10. Kamm, H. (1998). Cambodia. Report from a Stricken Land. New York. 262 p.
11. Mosiakov, D.V. (2010). Istoriia Kambodzhi XX vek [History of Cambodia XXth century]. Moscow: IV RAN. 739 p.
12. Nhem, Boraden (2013). The Khmer Rouge. Ideology, Militarism, and the Revolution That Consumed a Generation. Praeger. 216 p.
13. Otchetnyi doklad generalnogo sekretaria TsK NRPK Kheng Samrina na V sezde NRPK [Report of the General Secretary of the KPRP Central Committee at the Vth Congress] (1985). In *Neak Khusana* (Khmer language). Phnompen. Vol. 1.

14. Phnom Penh Post.
15. Sam Raincy. Retrieved on 10.02.2016 from URL: <https://www.facebook.com/raincy.sam.5/>
16. Samleng Pracheachon Kampuchea. Radio Network in Cambodia.
17. Thayer, C.A. (2018). Vietnam's intervention in Cambodia Revisited, 1979—2019. Thayer Consultancy Background Brief. December 18.
18. Wijiers, G.D. (2013). Brokering, Bargaining and Building for the Transformation of Cambodia: A Study on Cambodian French Returnees as Institutional Entrepreneurs. In *Institutions and Economies*, Vol. 5, N 3.
19. Williams T.& Neilsen R. (2016). «They will rot the society, rot the party, and rot the army»: Toxification as an ideology and motivation for perpetrating violence in the Khmer Rouge genocide? In *Terrorism and Political Violence*, 14.10. 2016.

Author:

Bektimirova Nadezda N., D.Sc. (History), Professor, Chair of the Far East and SEA history Department, the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: nabektimirova@yandex.ru

Article history:

Received: April 4, 2019
Received in revised form: May 02, 2019
Accepted: May 27, 2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10016

Нгуен Кхак Шы

ОТ ПЕЩЕРЫ КОНМОНГ ДО ИНДУСТРИИ АНКХЕ: НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЬЕТНАМСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕДЫСТОРИИ

Аннотация. В течение десяти лет (2010—2019) Институт археологии Академии общественных наук Вьетнама совместно с Институтом археологии и этнографии Российской академии наук добился выдающихся достижений. Одними из наиболее значительных результатов сотрудничества являются раскопки в пещере Конмонг (пров. Тханьхоа) и изучение палеолитических памятников в районе Анкхе (пров. Зялай). Пласт стратиграфических отложений мощностью более 10 м в пещере Конмонг состоит из последовательных культурных слоев и отражает природно-климатические и культурные изменения в среде обитания доисторических жителей Северного Вьетнама с 73 тыс. до 7 тыс. до н. э. В Анкхе было обнаружено 23 памятника эпохи палеолита, из которых четыре памятника раскопаны, что позволило сделать вывод о наличии здесь палеолитических бифасиальных индустрий, возраст которых насчитывает 800 тыс. лет. Эти находки способствуют изменению восприятия начала вьетнамской истории и некоторых проблем древнего исторического периода человечества.

Ключевые слова: Анкхе, Конмонг, палеолит, неолит, археология, предыстория.

Вступление

В начале 1960-х годов российские археологи прибыли во Вьетнам и приняли участие в подготовке и обучении вьетнамских исследователей. Мы высоко ценим вклад профессора П.И. Борисковского, который посвятил многие годы обучению первых вьетнамских исследователей-археологов, а также участвовал в раскопках, исследованиях и составлении первой монографии о древнем прошлом Вьетнама [Борисковский 1966].

Многие подготовленные в СССР/России на базе университетов и специализированных НИИ вьетнамские археологи стали ведущими специалистами нашей страны. Археологические исследования в России всегда являются предметом внимания вьетнамских археологов [Chữ Văn Tân 1982: 3—8; Nguyễn Khắc Sứ 1982: 911; Phạm Lý Hương 1982: 11—13; Ngô Sỹ Hồng 1982: 13—15]. Относительно недавно, в 2014 г., историки России, систематизировав накопленный российским вьетнамоведением огромный материал, опубликовали работу под названием «Полная академическая история Вьетнама» в шести томах в ознаменование 40-й годовщины национального воссоединения Вьетнама. Первый том содержит краткое изложение археологических материалов периода от каменного до железного века [Полная академическая история Вьетнама 2014].

Успешно реализована совместная программа Института археологии Академии общественных наук Вьетнама и Института археологии и этнологии г. Новосибирска Российской академии наук (2010—2019). Наиболее выдающимися достижениями этой работы стали результаты раскопок в пещере Конмонг (пров. Тханьхоа) и древних каменных памятников Анкхе (пров. Зялай).

Пещера Конмонг и прилегающие памятники

Пещера Конмонг в деревне Мо общины Тханьийен уезда Тхатътхань пров. Тханьхоа была обнаружена в 1974 г. и раскопана в 1976—2008 гг. Первоначальные раскопки достигли глубины 3,6 м, зафиксировав два культурных слоя — от палеолитической культуры Шонви (15 600—12 тыс. лет до н. э.) до неолитической культуры Хоабинь (12 тыс. — 7 тыс. лет до н. э.) [Nguyễn Khắc Sửu 2009: 40—52]. В 2010—2014 гг. российско-вьетнамская археологическая группа продолжила раскопки пещеры Конмонг до глубины 10,4 м. Здесь были обнаружены каменные артефакты и кости, относящиеся к трём культурным палеолитическим слоям, датируемым от $73\,900 \pm 9900$ до 26 тыс. ± 1300 лет до н. э. путем определения 11 абсолютных дат методом OSL (оптически стимулированной люминесценции)¹.

Эволюция культурных слоев, от раннего до позднего, в пещере Конмонг выглядит следующим образом:

- пятый культурный слой (самый ранний) находится на глубине от 6,8 до 10,14 м, возраст от $73\,900 \pm 9900$ л.н. (лет назад) до 63 тыс. ± 7300 л.н. Это самый холодный период жизни пещеры Конмонг. В пластах обнаружены некоторые артефакты, сделанные человеком из кварцевого сырья, небольшие по размеру. Эти артефакты напоминают находки того же типа, что и в пещерных отложениях Тхамом, где присутствуют ископаемые *Homo sapiens* и позднеплейстоценовая фауна, датируемые от 70 тыс. до 60 тыс. лет до н. э. В пятом слое пещеры Конмонг почти отсутствуют кости животных и раковины моллюсков, что свидетельствует о редком здесь присутствии людей;

- четвёртый культурный слой находится на глубине от 5,1 до 6,8 м, он датируется от $55\,800 \pm 4800$ л.н. до 42 тыс. ± 2600 л.н. На этой стадии внезапно наступает холодный климат, образующий в полу пещеры толстый слой известняка. На этом стратиграфическом уровне люди в основном используют галечные и ретушированные орудия и редко галечные инструменты неопределённых форм. В это время люди охотятся на позвоночных и почти еще не собирают моллюсков. Галечные орудия в Конмонг отличаются от индустрии мелких галечных орудий, имеющих вторичную обработку, в Нгуоме (Тхайнгуен), Батьлиендонге (Гуанси, Китай), Лангронгриене (Таиланд). Радиоуглеродное датирование технологии Нгьюм 2017 г. указывает на возраст от 41 тыс. до 23 тыс. л.н.;

- третий слой расположен на глубине от 3,6 до 5,1 м. Его абсолютный возраст датируется от 36 тыс. ± 1900 до 26 тыс. или 25 тыс. л.н. В умеренно холодном климате этого периода на последнем этапе произошло потепление. Обитатели этих слоев использовали мелкие отбойники и ретушированные орудия из диабазы, базальта, кварцита и известняка. Они охотились на различные виды животных и наземных моллюсков, которые были в основном горными улитками. Ввиду потепления жители в пещере Конмонг оставались чаще. Они постепенно переносили место своей стоянки к западному входу в пещеру. Поскольку они проводили все больше времени в пещере, мелкие фрагменты раковин улиток остались вдавленными их шагами в пол пещеры. Когда произошли определённые геологические изменения, из-за которых камни упали с потолка на пол пещеры, культурный слой сильно пострадал, произошло его сползание по своду пещеры. Следы первоначального осадочного блока в настоящее время обнаруживаются в виде длинной линии, проходящей вдоль стены пещеры. Обитатели этого периода имели тесные отношения с самыми ранними жителями Чанган

¹ Возраста археологических образцов из пещеры Конмонг определены коллегами из Центра археологических наук Школы наук о Земле и окружающей среде Университета Вуллонгонг, Австралия, и археологической группы Вьетнама и России. Результаты хронологического анализа OSL выполняются в лаборатории этого центра. Документы датирования предоставлены австралийскими коллегами.

(Ниньбинь), обитавшими, как правило, под скальным навесом Онгхай, на глубине 1,0 м. Дата — 30 362 л.н. Ныне это — район Всемирного культурного и природного наследия;

- второй слой, расположенный на глубине от 2,5 до 3,6 м, согласно данным радиоуглеродного анализа (также известного как радиоуглеродное датирование C14), относится к периоду от 15 тыс. до 12 тыс. л.н. Артефакты, найденные в этом культурном слое, в основном включают усеченные каменные орудия культуры Шонви и костяные орудия. В названный период местное население охотилось на крупных млекопитающих, таких как слоны, носороги, олени, свиньи, а также собирало моллюсков и мидий в горах и ручьях. Умерших хоронили в позе зародыша с использованием каменных орудий. Как показал палеомагнитный и пыльцевой анализ, тогда господствовал тропический муссонный климат. Изготовление сотен орудий из гальки и костей представляло собой переход техники производства инструментов от культуры Шонви к культуре Хоабинь. Соответственно этому уровню культуры вокруг пещеры Конмонг обитатели селились также в пещере Зиём (нижний слой) и пещере Мангчиенг (нижний слой);

- первый культурный слой, находящийся на глубине 2,5 м, датируется 12 тыс. — 7 тыс. л.н. Магнитная восприимчивость на этой стадии указывает на чередование жаркого, холодного и умеренного климатических циклов. Наиболее холодным был период (поздний дриас), датируемый 9310-летним возрастом. Это также период муссонов, в результате чего большая часть населения Северного Вьетнама проживала в известняковых пещерах [Luu Thị Phương Lan et al. 2009: 410—417]. Жители этого времени использовали инструменты из обтесанного камня, появились рубила, в поздних слоях обнаружены полностью шлифованные топоры и «веревочная керамика». Эти культурные артефакты также найдены вокруг пещеры Конмонг, в таких местах, как пещера Лай, пещера Мангчиенг (верхний слой), пещера Зиём (верхний слой), скальный навес Моклонг. Эти жители сформировали наиболее густонаселенную общину с высокой культурной стабильностью, основанной на местном биоразнообразии (Национальный парк Кукфьонг). Только около 7 тыс. л.н., когда закончился период сильных дождей, люди начали покидать пещеры и выходить на приморскую равнину, создавая новые культуры среднего неолита. Сообщество пещеры Конмонг является предшественником культуры дабут, датируемой от 7 тыс. до 4500 лет до н. э. и распространенной на наносных землях Тханьхоа и Ниньбинь или в древних прибрежных районах, таких как Куиньван (провинции Нгеан и Хатинь).

Результаты раскопок в пещере Конмонг характеризуют стандартный геологический пласт, демонстрирующий весь доисторический культурный процесс и адаптацию человека к окружающей среде. Раскопками также ясно показан переход структуры сообщества от палеолита к неолиту в Конмонге, а также окружающих ее пещерах, таких как Лай, Мангчиенг, Данг, Зиём, скального навеса Моклонг, Зиём и грота Нгуойсуа, которые тесно привязаны к карстовой топографии и биоразнообразию национального парка Кукфьонг. Эти исторические материалы чрезвычайно важны для составления древнейшей истории Вьетнама от плейстоцена к голоцену, от палеолита до неолита, когда произошел переход от охоты и собирательства к земледелию. Благодаря результатам исследований пещера Конмонг и прилегающие к ней археологические памятники были признаны правительством особым национальным достоянием.

Палеолитические раскопки в Анкхе

Первые палеолитические артефакты индустрии Анкхе, пров. Зялай, были обнаружены в 2014 г. [Nguyen Khac Su, Nguyen Gia Doi 2015: 47—63]. В следующем году памятник был включен в план раскопок вьетнамско-российской археологической экспедиции (2015—2019).

На данный момент в Анкхе обнаружено 23 палеолитических памятника, четыре из которых были раскопаны, включая Года, Роктынг-1, Роктынг-4 и Роктынг-7. Стратифицированные стоянки содержат тысячи каменных артефактов и многочисленные фрагменты метеоритов (тектиты) [Movius 1949]. Это важный источник исторических данных, позволяющих установить существование техники раннего палеолита и ее роль в культурном наследии Вьетнама и человечества в целом.

Орудия палеолитической техники Анкхе были найдены на некоторых памятниках на возвышенностях г. Анкхе, которые имеют среднюю высоту от 420 до 450 м и расположены вдоль р. Ба. Анкхе является практически одним из 21 географических субрегионов Центрального нагорья. Названный седловиной, район г. Анкхе представляет собой переходную область между плато в пров. Плейку на западе и прибрежной равниной на востоке (в южной части Центрального Вьетнама).

Все образцы тектитов были обнаружены в литологических слоях вместе с артефактами, состоящими из латеритных отложений в сочетании с продуктами выветривания из земной коры. Археологические горизонты были датированы методом К-Аг для образцов тектитов, что составило 806 тыс. $\pm$ 22 тыс. лет и 782 тыс. $\pm$ 20 тыс. лет.

Инструменты техники палеолита Анкхе были сделаны из крупной гальки, собранной в местной реке и ручьях. В основном это твердый камень, такой как жильный кварц. На артефактах есть грубые искусственные чешуйчатые снятия, по которым примерно можно судить о вторичной модификации [Деревянко и др. 2018: 3—21]. Инструментарий Анкхе состоит из бифасов, унифасов, пиков, в том числе трехгранных, чопперов, скребел, скребков, отбойников, нуклеусов и отщепов. Наиболее типичными артефактами являются бифасы (handaxe), трехгранные пики (triangle shaped cross-section pick), унифасы и грубые режущие инструменты (chopper, chopping tool).

Ручные рубила, которые являются типичными бифасами [Nguyễn Khắc Sư 1982: 9—11], были обнаружены почти во всех палеолитических местах Анкхе, хотя и в небольшом количестве. Наиболее типичными для рубил палеолита Анкхе являются четыре образца,

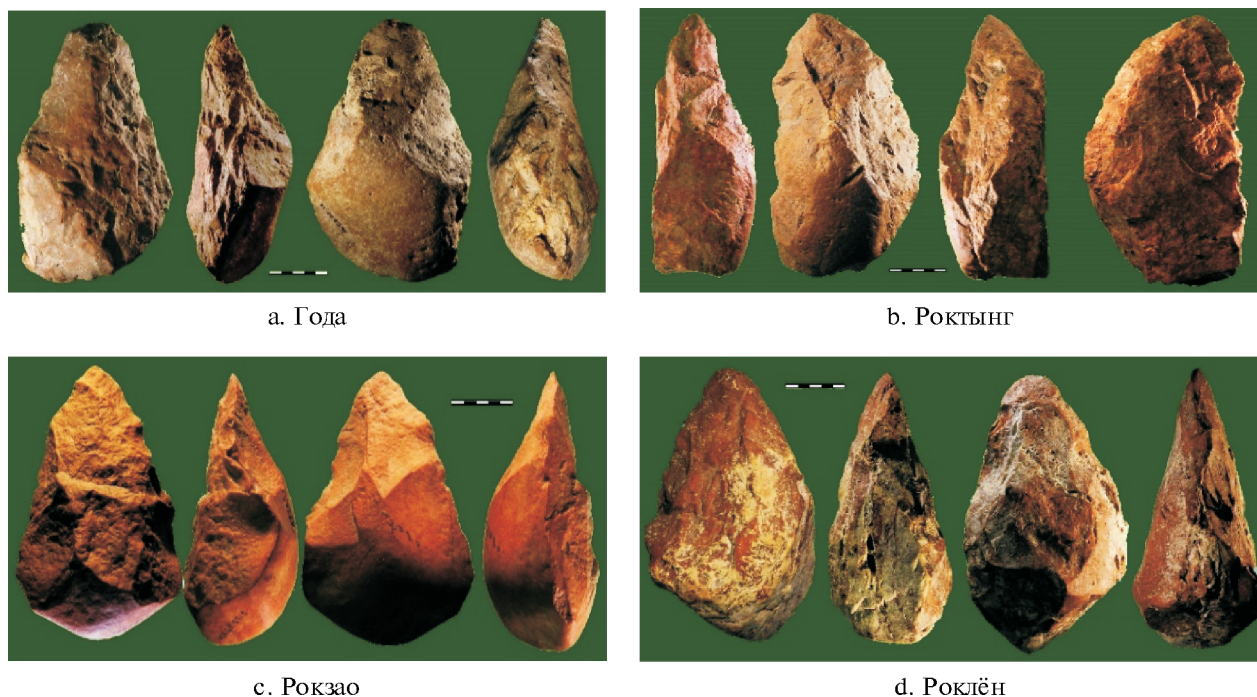

Рис. 1. Ручные рубила Анкхе.

Источник: [Деревянко, Н.Х. Шу, Цыбанков, Н.З. Дой 2016].

найденные на местонахождениях Роклён, Роктынг, Рокхуонг и Рокзао (рис. 1). Они изготовлены из крупной кварцитовой гальки. В частности, некоторые из них имеют заостренную форму, имеющую с другого конца закругление. Сколы в основном идут на две трети поверхности тела от заостренного конца. Рубила уплощены с обеих сторон, сужены от внешнего края к центру, в результате чего окружность изменяется от заостренного конца к круглой ручке. Это утолщение в центральной части постепенно сужается к обоим краям. Чешуйчатые снятия — мелкие и перекрывают друг друга, делая край зигзагообразным. Средняя длина, ширина, толщина и вес ручных рубил составляют соответственно 20,7 см, 11,9 см, 7,4 см и 1,9 кг.

Унифасы составляют относительно большую долю артефактов, особенно в некоторых местах, таких как Роклён, Роктынг и Рокхуонг. Они сделаны из крупной овальной гальки, одна сторона которой почти полностью обработана, а другая сторона нет. Сколы концентрируются по двум сторонам, создавая выпуклые края. Средняя длина, ширина, толщина и вес составляют 20,7 см, 13,6 см, 8,4 см и 2,3 кг соответственно (рис. 2).

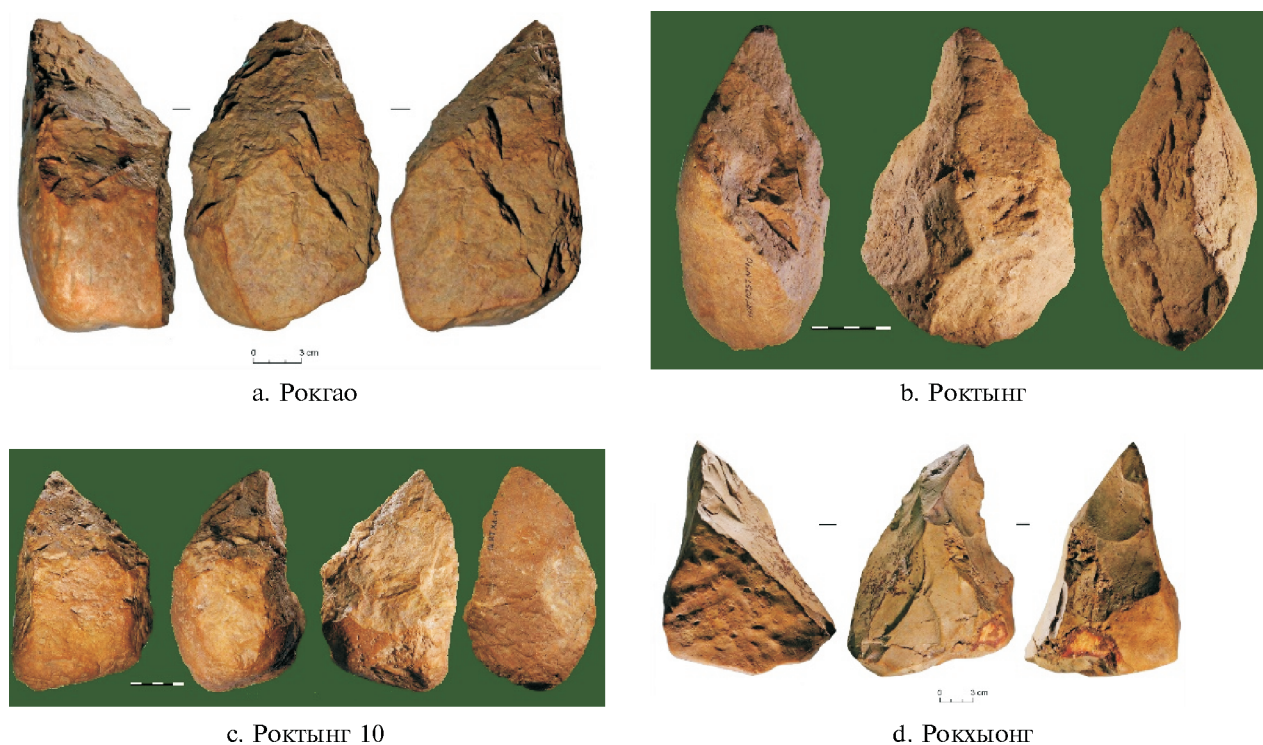

Рис. 2: а, b — унифасы; с, d — трехгранные наконечники.
Источник: [Деревянко 2018].

Грубые инструменты (*chopper, chopping tool*) были изготовлены из кварцевой или кварцитовой гальки, которая имела большие размеры и овальную форму. Ретушь на них в основном находится на одном конце. У чопперов галька сколота с одной стороны, у рубил — с обеих. Выпуклая их часть служила обушком, который до сих пор сохраняет природную поверхность. Их средняя длина, ширина, толщина и вес составляют соответственно 19,2 см, 11,7 см, 9,0 см и 2,4 кг.

Техника изготовления орудий в Анкхе отличается от техники, обнаруженной на других памятниках во Вьетнаме, таких как гора До (пров. Тханьхоа) и Суанлок (пров. Донгнай). На этих двух участках каменные орудия были сделаны из эффузивных базальтовых пород. На памятнике горы До обнаружены большие ручные рубила, рудиментарные ручные рубила,

грубые чопперы, орудия клектонского типа¹ и многоплощадочные нуклеусы. На местонахождении Суанлок, тем временем, есть небольшие ручные рубила и заостренные трехгранники, но отсутствуют и нуклеусы, и отщепы. Возраст приемов изготовления инструментов определен на основе их морфологии. Например, возраст каменных орудий горы До оценивается на сегодняшний день от 400 тыс. л.н. [Борисковский 1966], а Суанлока — от 500 тыс. л.н. [Saurin 1971: 2—22].

За пределами Вьетнама ашельская индустрия (Франция) рассматривается учеными как изготовление бифасов, т. е. ручных рубил (*handaxe*), характерных для палеолитического периода. В отличие от ашельских ручных топоров, ручные топоры Анкхе изготавливались из гальки. На некоторых все еще сохраняется ее природная поверхность. Пяточная поверхность почти круглая и массивная. Тогда как ашельские ручные топоры были сделаны из осадочного камня, в частности из кремня. Естественная поверхность камня полностью скалывалась. У них тонкая и скошенная пятка. Крупную ретушь без каких-либо модификаций можно найти на ручных рубилах Анкхе, тогда как на ашельских ручных рубилах есть только мелкая ретушь, полученная частым и пропорциональным отбиванием. Продольное сечение ручных рубил Анкхе имеет форму клина, а поперечное сечение имеет почти овальную форму. Между тем продольное сечение рукояток европейского палеолита имеет форму клина, а поперечное сечение имеет близкое сходство с формой линзы. В целом ручные рубила Анкхе грубее и древнее европейских. В индустрии Анкхе полностью отсутствуют кливеры, клектонские отщепы, техника леваллуа, характерная для ашельской индустрии.

В Юго-Восточной Азии самые древние бифасы, найденные в Индонезии, обладают некоторыми типичными характеристиками ашельской индустрии, возраст которой датируется примерно 0,8 млн лет до н. э. В этом регионе, однако, основным методом является производство чопперов (скол с одной стороны) и чоппингов (сколы с двух сторон. — *Прим. пер.*) [Simanjuntak 2008: 421].

В Восточной Азии палеолитические ручные рубила были обнаружены в Диньтхоне (Дингкун), Хопха (Хехе), Биньльонге (Пинглианг) и особенно в районе Байсэ (пров. Гуанси, Китай). В долине Байсэ вдоль р. Хыу (р. Ю) в пров. Гуанси расположены 44 палеолитических памятника, относящиеся к индустрии Байсэ. Инструменты представляют собой ударники, чоппинги, скребки, бифасы и ручные рубила, которые сделаны из крупной гальки при помощи каменных наковален, очень мало отщепов. Среди образцов индустрии Байсэ присутствуют два образца метеорита (текタイトа), возраст которых датируется методом К-Аг в 732 тыс. ± 39 тыс. и 803 тыс. ± 33 тыс. л.н. Китайские археологи считают, что Байсэ представляет собой древнейшую двустороннюю каменную индустрию, известную в Восточной Азии [Guang Mao Xie, Bodin 2007: 182—206]. Индустрия Байсэ имеет много общего с индустрией Анкхе в плане материалов, технологий обработки, геометрии инструмента и хронологии.

Двусторонняя технология во Вьетнаме и Китае является результатом технической конвергенции в обработке гальки. В связи с этим в заключение международной конференции «Анкхе как палеолитическая индустрия в контексте бифасиальной индустрии Азии» академик А.П. Деревянко сообщил: «Обнаружение сходных между собой раннепалеолитических комплексов с бифасиальными индустриями на территории Китая и Вьетнама позволяет заключить, что на протяжении длительного времени на данной территории древний человек эволюционно развивался в одном направлении, в то же время каменные индустрии претерпевали незначительные изменения, в первую очередь, в силу особенностей природно-кли-

¹ Клектон (Clactonian) — раннепалеолитическая культура, представленная кремневыми орудиями, найденными у г. Клектон, графство Эссекс в Юго-Восточной Англии, датирована 250 тыс.—200 тыс. лет до н. э.

матического характера. На протяжении практически всего палеолита здесь доминирует галечно-отщеповая технология изготовления каменных орудий для производства предметов из бамбука, что значительно отличает культуру проживающих здесь людей от остальной части Евразии» [Proceedings: 29.03.2019—30.03.2019]. Использование метода двусторонней обработки для создания ручных топоров в Анкхе почти миллион лет назад является великой инновацией, играющей ключевую роль в эволюции человека. Таким образом, индустрия анкхе (Вьетнам) заслуживает того, чтобы быть добавленной на карту мировых каменных индустрий с двусторонне обработанными орудиями [Деревянко и др. 2016: 59]. Находки на палеолитических памятниках Анкхе изменили понимание истории и жизни вьетнамских предков. В принципе история начинается с появления людей, т. е. древнейшая история Вьетнама должна была начаться со времен *Homo erectus*, чьи окаменелости были обнаружены в пещерах Тхамкхуен и Тхамхай (пров. Лангшон), и восходит к 0,5 млн лет назад. Однако, благодаря находкам на палеолитических памятниках Анкхе, начало истории Вьетнама оценивается со времен около 0,8 млн лет назад. Жители той эпохи были идентифицированы как *Homo erectus* (человек прямоходящий). Следовательно, район г. Анкхе теперь отмечен на карте мира как одно из мест, где сохранились культурные следы предков. Соответственно создатели каменных орудий в районе г. Анкхе были прямыми предками *Homo sapiens* (человек разумный).

Из-за нехватки материалов долгое время господствовала концепция, предложенная в 1948 г. Г.Л. Мовиусом, которая разделяла палеолитическую культуру на Западную и Восточную [Simanjuntak 2008: 421]. Согласно линии Мовиуса, Запад характеризовался ручными палеолитическими топорами, полученными стандартным и соразмерным образом, что иллюстрировало динамизм и прогресс. Между тем Восток характеризовался ударными инструментами для обработки гальки, что иллюстрировало отсталость, застой и консерватизм без какого-либо вклада в прогресс человечества [Nguyen Khac Su, Nguyen Gia Doi 2015: 47—63]. Открытие бифасов и ручных рубил в районе г. Анкхе, в долине Байсэ (Китай) и во многих других местностях в Азии опровергло гипотезу, упомянутую выше.

Заключение

Итогом десятилетнего сотрудничества вьетнамских и российских археологов в области археологических исследований пещеры Конмонг и палеолитических памятников Анкхе стало новое собрание материалов, посвященных доисторическому прошлому Вьетнама и региона.

Результаты раскопок в пещере Конмонг и окружающих ее пещерах предоставили нам стандартную стратиграфию доисторического культурного процесса во Вьетнаме от конца палеолита до неолита, показывающего адаптацию человека к окружающей среде и структуру сообщества в связи с условиями карстового ландшафта и биоразнообразия национального парка Кукфьонг.

Открытием палеолитической индустрии, бифасиальной технологии Анкхе мы дополнили карту раннего мирового палеолита. Двусторонние инструменты, а также другие каменные артефакты промышленности Анкхе значительно отличаются от европейских ашельских. Отсутствие в Анкхе кливеров или техники леваллуа дает все основания полагать, что появление подобной техники во Вьетнаме и Китае было обусловлено конвергентной эволюцией.

Палеолитические находки Анкхе являются основанием для подтверждения начала вьетнамской истории 0,8 млн лет назад, а также для изучения пути эволюции человека от *человека прямоходящего* до *человека разумного* и дискуссии относительно линии Мовиуса на археологической карте раннего палеолита.

Список литературы

1. Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966.
2. Chữ Văn Tàn. Khảo cổ học Xô viết — một mẫu hình khoa học tiên tiến // *Tạp chí Khảo cổ học* [Тыи Ван Тан. Советская археология: передовая научная модель // *Археология*]. 1982, No. 4. Tr. 3—8.
3. Guang Mao Xie, Bodin Erika. Les Industries Paleolithiques de Basin de Bose (Chine de Sud) // *L'Anthropologie* [Гуанг Мао-се, Бодин Эрика. Палеолитические индустрии долины Байсэ (Южный Китай)]. 2007. No. 111. P. 182—206.
4. Деревянко А.П., Н.Х. Шу, Цыбанков А.А., Н.З. Дой. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 59.
5. Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии, том III. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 194—232.
6. Movius H. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // *Transactions of the American Philosophical Society*, 1948, No. 38 (4), pp. 330—420.
7. Movius H. New Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. Philadelphia, 1949.
8. Ngô Sĩ Hồng. Khảo cổ học Xô viết và văn hóa Xkip // *Tạp chí Khảo cổ học* [Нго Ши Хонг. Советская археология и скифская культура // *Археология*]. 1982. No. 4. Tr. 13—15.
9. Nguyen Khac Su. Con Moong Cave — data from exploration and new perception // *Vietnam Archaeology*. 2009. No 4. P. 40—52.
10. Nguyễn Khắc Sử. Khảo cổ học Xô viết và thời đại Đá cũ ở Liên Xô // *Tạp chí Khảo cổ học* [Нгуен Кхак Шы. Советская археология и палеолитическая эпоха в СССР // *Археология*]. 1982. No. 4. Tr. 9—11.
11. Nguyễn Khắc Sử. Kỹ nghệ sơ kỳ Đá cũ An Khê với lịch sử thời kỳ nguyên thủy Việt Nam // *Tạp chí Khảo cổ học* [Нгуен Кхак Шы. Раннепалеолитическая индустрия Анкхе и первобытного периода во Вьетнаме // *Археология*], 2017. No. 2.
12. Nguyen Khac Su, Nguyen Gia Doi. System of Palaeolithic Locations in the Upper Ba River // *Vietnam Social Sciences*, 2015. No. 4. Pp. 47—63.
13. Phạm Lý Hương. Khảo cổ học Xô viết và Thời đại Đá ở Trung Á // *Tạp chí Khảo cổ học* [Фам Ли Хыонг. Советская археология и каменный век в Центральной Азии // *Археология*]. 1982. No. 2. Tr. 11—13.
14. Proceedings of international conference «The An Khe Paleolithic Industry within the context of Bifacial industries from Asia», March 29—30, 2019 in An Khe City, Gia Lai Province, Viet Nam.
15. Saurin E. Les Paléolithiques de environs de Xuan Loc // *Bulletin de la Société des Etudes Indochinoise* [Саурин Э. Палеолитические артефакты окрестностей Суанлока // *Бюллетень Общества индокитайских исследований*], 1971. Vol. 46. P. 2—22.
16. Simanjuntak T. Acheulean Tools in Indonesia Palaeolithic. Paper Presented on the International Seminar on Diversity and Variability in the East Asia Palaeolithic: Toward an Improved Understanding. Seoul, Korea, 2008.

Автор:

Нгуен Кхак Шы, д.и.н., профессор, старший научный сотрудник Института археологии Академии общественных наук Вьетнама. Участник Программы вьетнамо-российских исследований по археологии. Email: khacsukc@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления статьи: 10.03.2019

Дата поступления в переработанном виде: 04.05.2019

Принята к печати: 27.05.2019

Nguyen Khac Su

FROM CON MOONG CAVE TO AN KHE INDUSTRY — NEW PERCEPTIONS ABOUT VIETNAMESE AND REGIONAL PREHISTORY

Abstract. For nearly a decade (2010—2019), the Institute of Archaeology of the Vietnam Academy of Social Sciences has been conducting a cooperation program with the Novosibirsk Institute of Archaeology and Ethnology of the Russian Academy of Sciences, and has obtained many outstanding achievements. One of the most remarkable achievements of the cooperation program was the finding of the excavations in Con Moong cave (Thanh Hoa province) and the Palaeolithic sites in An Khe (Gia Lai province). A geological stratum over 10.14 m thick, which has remained intact in Con Moong cave, consists of many successive cultural layers and reflects changes in the paleoenvironment and cultural evolution of the prehistoric inhabitants in northern Vietnam from 73,000 BC to 7,000 BC.

Keywords: An Khe, Con Moong, Palaeolithic, Neolithic, archaeology, prehistory.

References

1. Boriskovskiy, P.I. (1966). *Pervobytnoe proshloe Vyetnama* [Vietnam's primeval past]. Moscow — Leningrad.
2. Chử Văn Tần (1982). Khảo cổ học Xô viết — một mẫu hình khoa học tiên tiến [Soviet archeology: an advanced scientific model]. In *Tạp chí Khảo cổ học* [Journal of Archeology], No. 4, tr. 3—8.
3. Derevyanko, A.P. (2018). Tri globalnyie migratsii cheloveka v Evrazii. Tom III. Novosibirsk: izd-vo IAET SO RAN. S. 194—232.
4. Derevyanko, A.P., N.H. Shu, Tsyibankov, A.A., N.Z. Doy (2016). Vozniknovenie bifasialnoy industrii v Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii [The emergence of bifacial industry in East and Southeast Asia]. Novosibirsk: izd-vo IAET SO RAN. S. 59.
5. Derevyanko, A.P. et al. (2018). The Discovery of a Bifacial Industry in Vietnam. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Volume 46, N 3. P. 3—21.
6. Guang Mao Xie, Bodin, Erika (2007). Les Industries Paleolithiques de Basin de Bose (Chine de Sud) [Paleolithic industries of the Baise Valley (South China)]. In *Anthropology*, No. 111. P.182—206.
7. Lưu Thị Phương Lan, Ellwood B.B., Nguyễn Chiến Thắng (2009). Chu kỳ Younger Dryas trong số liệu từ cảm tại hang Con Moong (Thanh Hoá) [The cycle of the Younger Drias according to the magnetic susceptibility data in the Con Moong cave (Thanh Hoa)]. In *Tạp chí Các khoa học về trái đất* [Earth Sciences], t. 31 (4), tr. 410—417.
8. Movius, H. (1948). The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia. In *Transactions of the American Philosophical Society*, No. 38 (4). P. 330—420.
9. Movius, H. (1949). New Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia, Philadelphia.
10. Ngô Sĩ Hồng (1982). Khảo cổ học Xô viết và văn hóa Xkip [Soviet archeology and Scythian culture]. In *Tạp chí Khảo cổ học* [Journal of Archeology], No. 4, tr. 13—15.
11. Nguyễn Khắc Sử (2009). Con Moong Cave — data from exploration and new perception. In *Vietnam Archaeology*, No. 4. P. 40—52.

12. Nguyễn Khắc Sử (1982). Khảo cổ học Xô viết và thời đại Đá cũ ở Liên Xô [Soviet Archaeology and Palaeolithic Age in USSR]. In *Tạp chí Khảo cổ học [Journal of Archaeology]*, No. 4, tr. 9—11.
13. Nguyễn Khắc Sử (2017). Kỹ nghệ sơ kỳ Đá cũ An Khê với lịch sử thời kỳ nguyên thủy Việt Nam [Early Palaeolithic Industry of An Khe and Primitive Period in Vietnam]. In *Tạp chí Khảo cổ học [Journal of Archaeology]*, No. 2, tr. 3—14.
14. Nguyen Khac Su, Nguyen Gia Doi (2015). System of Palaeolithic Locations in the Upper Ba River. In *Vietnam Social Sciences*, No. 4. P. 47—63.
15. Polnaya akademicheskaya istoriya Vnema v shesti tomah (2014). Tom I — Drevnost i rannee srednevekovye (konets 4—nachalo 3 tyis. do n.e. — 1010 g. n.e.) [Full academic history of Vietnam, in six volumes. Volume I — Antiquity and the Early Middle Ages (the end of the 4th — beginning of the 3rd millennium BC — 1010 AD)]. M.: Prezidium RAN.
16. Phạm Lý Hương (1982). Khảo cổ học Xô viết và Thời đại Đá ở Trung Á [Soviet Archaeology and Stone Age in Central Asia]. In *Tạp chí Khảo cổ học [Journal of Archaeology]*, No. 2, tr. 11—13.
17. Proceedings of international conference «The An Khe Paleolithic Industry within the context of Bifacial industries from Asia», March 29—30, 2019 in An Khe City, Gia Lai Province, Viet Nam.
18. Saurin, E. (1971). Les Paléolithiques de environs de Xuan Loc [The Paleolithic Around Xuan Loc]. In *Bulletin de la Société des Etudes Indochinoise [Bulletin of the Society of Indochinese Studies]*, Vol. 46. P. 2—22.
19. Simanjuntak, T. (2008). Acheulean Tools in Indonesia Palaeolithic. Paper Presented on the International Seminar on Diversity and Variability in the East Asia Palaeolithic: Toward an Improved Understanding. Seoul, Korea, p.421.

Author:

Nguyễn Khắc Sử, Ph.D., Assoc. Prof., Senior researcher, Institute of Archaeology of the Vietnam Academy of Social Sciences. Member of Vietnam — Russia archeological cooperation program (2010—2019). Email: khacsukc@gmail.com

Article history:

Received: March 10, 2019

Received in revised form: May 04, 2019

Accepted: May 27, 2019

Филология

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10017

В.А. Андреева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Языковая вариантность вообще и фразеологическая вариантность в частности — фундаментальное свойство языковой системы, способ её существования. Явление вариантности носит универсальный характер, однако в каждом языке, и во вьетнамском в частности, вариативные отношения обладают рядом своих специфических особенностей. Определение и классификация фразеологических вариантов, разграничение фразеологических вариантов и фразеологических синонимов чрезвычайно важны для практической фразеологии и лексикографии. При анализе фразеологической вариантности во вьетнамском языке нами применялись методы компонентного анализа, дефиниционного анализа, метод сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод. Среди фразеологических единиц вьетнамского языка были выявлены и проанализированы следующие типы фразеологических вариантов: позиционные, лексические, количественные, фонетические, этимологические, смешанные. Выделены отдельные случаи грамматических вариантов. Результаты исследования будут применены в практической фразеологии — при составлении вьетнамско-русского фразеологического словаря, а также могут быть использованы в курсах теоретической фразеологии и культурологии и представлять интерес для всех изучающих вьетнамский язык и культуру Вьетнама.

Ключевые слова: вьетнамский язык, фразеология, фразеологическая вариантность, фразеологические единицы.

Введение

Проблеме языковой вариантности вообще и фразеологической вариантности в частности посвящено большое количество научных исследований. При всём многообразии точек зрения на вариантность и различии подходов к этому сложному и многогранному явлению большинство исследователей сходятся на мнении, что вариантность — это «фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка», что «все единицы языка вариативны, т. е. представлены в виде множества вариантов» [Солнцев 1990: 80, 81], что явление вариативности — «основная черта развивающейся системы» [Вербицкая 1998: 36]. Фразеологическая вариантность представляет собой частный случай языковой вариантности. Т.Н. Федуленкова отмечает, что «для фразеологизмов, как единиц более сложных по сравнению со словом, проблема вариантности является особенно актуальной, поскольку с усложнением архитектоники языковой единицы возрастает многообразие видов ее варьирования» [Федуленкова 2016: 76]. В.Н. Телия считает, что категория вариантности «проявляется в возможности изменения лексико-семантического, лексического, синтаксического, морфологического, фонетического и стилистического облика фразеологизма, а также количествен-

ного состава фразеологизма» [Телия 1990: 560]. Фразеологическая единица может совмещать в себе различные виды вариантности, принадлежащие к фонетическому, морфологическому, лексическому, синтаксическому и семантическому уровням языка.

Исследователями предлагаются различные определения фразеологических вариантов. Так, по мнению Н.М. Шанского, «варианты фразеологического оборота — это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и степени семантической слитности. Различия фразеологических вариантов могут быть большими и меньшими, однако это всегда будут различия, не нарушающие тождества фразеологического оборота как такового» [Шанский 2012: 67]. А.В. Кунин предлагает следующее определение: «Фразеологические варианты — это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [цит. по: Федуленикова 2005: 67]. Н.Ф. Алефиренко считает, что «фразеологическими вариантами следует считать те видоизменения фраземы, которые характеризуются относительным тождеством фразеологического значения и этимологического образа, различаются отдельными компонентами плана выражения, что придает им определенное экспрессивно-стилистическое своеобразие» [Алефиренко 2009: 69—70]. Мы понимаем под вариантом фразеологической единицы зафиксированное языковой нормой структурно-семантическое видоизменение этой единицы, не нарушающее ее семантическое тождество. Варьированию могут подвергаться различные характеристики фразеологизма: фонетические, орфографические, морфологические, синтаксические, лексические, количественные, позиционные, семантические.

Крайне важным для практической фразеологии вопросом представляется разграничение фразеологической вариантности и фразеологической синонимии. Наибольшую трудность представляет отождествление и идентификация фразеологических единиц, различающихся по своему лексическому составу, т. е. разграничение лексических вариантов фразеологизмов и фразеологических синонимов. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский полагают, что «компоненты фразеологизма могут варьироваться без существенного изменения семантики. В этом случае естественно говорить о вариантах одной единицы. Однако если эти изменения значительны, то естественно рассматривать соответствующие формы как разные фразеологизмы с близким значением, т. е. как синонимы» [Баранов 2013: 105]. Ряд учёных полагает, что в результате замены лексических компонентов фразеологизма происходят значительные изменения образного представления фразеологизма, его оценочной и стилистической окрашенности, в результате возникают фразеологические синонимы. Другие исследователи считают, что лексические замены не всегда ведут к изменению образности фразеологической единицы, к нарушению ее тождества. Наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому, в случае если лексическое варьирование компонентов не ведёт к изменению внутренней формы и, соответственно, образного содержания фразеологизма и тождество фразеологизма при этом не нарушается, речь должна идти об образовании фразеологических вариантов, а не синонимов.

Типы фразеологических вариантов во вьетнамском языке

Явление фразеологической вариантности носит универсальный характер, однако вариантность фразеологических единиц свойственна разноструктурным языкам в различной степени. Во вьетнамском языке вариативные отношения широко представлены среди фразеоло-

гизмов и обладают рядом специфических особенностей. Отдельные аспекты проблемы фразеологической вариантности в той или иной степени затрагивались в работах ряда вьетнамских учёных, таких как Нгуен Дык Тон и Нгуен Тхи Минь Фыонг [Nguyễn Đức Tôn 2007], До Тхи Тху Хыонг [Đỗ Thị Thu Hương 2013], Данг Нгуен Занг [Đặng Nguyên Giang 2015].

Основные классы фразеологических единиц вьетнамского языка — это тханьнгы (собственно фразеологизм, идиома) и тукнгы (пословица). Как тханьнгы, так и тукнгы могут быть либо параллельной, либо непараллельной конструкции. Единицы первого типа построены на принципах грамматического, лексико-семантического и фонетического параллелизма, второго — имеют разнообразную синтаксическую структуру и лексический состав, среди них выделяются тханьнгы-поговорки и компаративные фразеологизмы [Андреева 2016: 13—21]. С точки зрения этимологии вьетнамские фразеологизмы различных типов делятся на исконно вьетнамские и заимствованные. Последние, в свою очередь, делятся на заимствованные в неизменном виде, вьетнамизированные (подвергшиеся различным лексическим, структурным, композиционным изменениям) и калькированные единицы [Андреева 2018: 92—100]. Для различных типов фразеологических единиц вьетнамского языка характерны различные виды вариантности. Рассмотрим их подробнее.

Позиционные (комбинаторные) варианты фразеологических единиц относятся к наиболее распространённым во вьетнамском языке типам вариантности. Этот тип вариантности характерен для фразеологизмов параллельной структуры, в основном четырехкомпонентных, построенных на принципах количественного, грамматического, лексико-семантического и фонетического параллелизма. Во фразеологических единицах такого типа возможна перестановка как двух симметричных частей фразеологизма, так и компонентов внутри параллельных частей фразеологизма. Перестановка возможна при наличии сочинительной синтаксической связи между звеньями фразеологизма. В зависимости от структурного типа фразеологизма возможны следующие типы позиционной вариантности. 1. $AxBu = BuAx$: а) атрибутивные отношения между компонентами каждой из параллельных частей (определение + определяемое), например: gạo trắng nước trong «рис белый, вода прозрачная» // nước trong gạo trắng «вода прозрачная, рис белый» — благодатный край; da mồi tóc bạc «кожа черепахи, волосы седые» // tóc bạc da mồi «волосы седые, кожа черепахи» — очень старый человек; б) предикатно-объектные отношения между компонентами внутри каждой части (действие + объект): ngâm đắng nuốt cay «держать во рту горькое, проглотить острое» // nuốt cay ngâm đắng «проглотить острое, держать во рту горькое» — молча сносить обиду; в) субъектно-предикативные отношения между компонентами частей (субъект + действие): mắt thấy tai nghe «глаза видят, уши слышат» // tai nghe mắt thấy «уши слышат, глаза видят» — видеть собственными глазами, воочию убедиться. 2. $AxBu = BxAu$: меняются местами соотносительные 1-й и 3-й компоненты фразеологизма: nhà cao cửa rộng «дом высокий, дверь широкая» // cửa cao nhà rộng «дверь высокая, дом широкий» — богатый дом; hồn xiêu phách lạc «душа шатается, дух блуждает» // phách xiêu hồn lạc «душа шатается, дух блуждает» — сильно испугаться, умирать от страха. 3. $AxBu = AuBx$: меняются местами соотносительные 2-й и 4-й компоненты фразеологической единицы: chia ngọt sẻ bùi «делить сладкое, делиться питательным» // chia bùi sẻ ngọt «делить питательное, делиться сладким» — делить вместе горе и радость; thay da đổi thịt «менять кожу, изменять мясо» // thay thịt đổi da «менять мясо, изменять кожу» — измениться к лучшему, похорошеть. 4. $AxAu = AuAx$: во фразеологизмах данного типа параллельному принципу построения сопутствует расчленённый повтор (одно и то же слово повторяется в начале первого и второго звеньев фразеологизма). При позиционном варьировании второй и четвертый компоненты фразеологической единицы меняются местами. Такая перестановка возможна, если меняющиеся компоненты являются частями сложно-

го слова с копулятивной связью, являются синонимами, антонимами либо принадлежат к одному семантическому полю. Например: *giữ nhà giữ nước* «хранить дом, хранить страну» // *giữ nước giữ nhà* «хранить страну, хранить дом» — защищать родину (отчизну); *chân ướt chân ráo* «нога мокрая, нога сухая» // *chân ráo chân ướt* «нога сухая, нога мокрая» — только что приехать; *nói gần nói xa* «говорить близко, говорить далеко» // *nói xa nói gần* «говорить далеко, говорить близко» — ходить вокруг да около, не говорить прямо. 5. $AxB = xAyB$: *mỏi gối chồn chân* «устали колени, онемели ноги» // *gối mỏi chân chồn* «колени уставшие, ноги онемевшие» — падать с ног от усталости; *tan cửa nát nhà* «развалилась дверь, разрушился дом» // *cửa tan nhà nát* «дверь развалена, дом разрушен» — разруха; потерять дом; распалась семья.

Подобные перестановки допускает небольшое количество фразеологизмов, в основном это фразеологизмы, содержащие в каждом из звеньев существительное и предикатив. Позиционные варианты фразеологических единиц зачастую образуют многочисленные варианты ряды. Так, для фразеологизма *tan cửa nát nhà* помимо варианта *cửa tan nhà nát* возможны еще следующие перестановки (по степени убывания употребительности): *nhà tan cửa nát*, *cửa nát nhà tan*, *tan nhà nát cửa*, *nát nhà tan cửa*, *nát cửa tan nhà*. Что касается позиционных вариантов фразеологизмов непараллельной структуры, то встречаются лишь единичные подобные примеры: *như nước với lửa* «как вода и огонь» // *như lửa với nước* «как огонь и вода» — абсолютно разные, не уживаются друг с другом; *như nước với cá* «как вода и рыба» // *như cá với nước* «как рыба и вода» — тесно связаны друг с другом, единое целое; *như chó với mèo* «как собака с кошкой» // *như mèo với chó* «как кошка с собакой» — враждовать, как кошка с собакой; и т. п.

Лексические варианты широко представлены во вьетнамском языке во всех типах фразеологических единиц (как параллельной, так и непараллельной структуры). Варьированию подвергаются отдельные компоненты, между которыми обычно существуют отношения синонимии либо они принадлежат к тематически однородной группе лексики: *khom lưng uốn/quỳ gối* «гнуть спину, сгибать/преклонять колени» — пресмыкаться, лебезить; *nhe/giơ nanh múa vuốt* «оскалить/обнажить клыки, играть когтями» — принимать грозный вид, показывать зубы (когти); *đứng núi này trông núi nọ/kia/khác* «стоять на этой горе, смотреть на ту/другую гору» — завидовать другим и не ценить то, что имеешь; *không/chẳng nói không/chẳng rằng* «не сказать, не молвить» — не проронить ни слова. В ряде случаев среди лексических вариантов фразеологических единиц встречаются диалектальные замены компонентов, отражающие различия в лексическом фонде различных (северного, южного и центрального) вариантов вьетнамского языка. Например: *khai hoa kết quả/trái* «расцветают цветы, завязываются плоды» — дать результат, принести плоды (*quả* — нормативный вариант, *trái* — южный и центральный вариант); *trên chần dưới đệm/nệm* «сверху — одеяло, снизу — матрас» — жилищная жизнь (*đệm* — нормативный вариант, *nệm* — южный и центральный вариант); *ngàn/ng nghìn cân treo sợi tóc* «тысяча килограммов висит на волоске» — быть на волосок от гибели (*ngàn* — южный вариант, *ng nghìn* — северный вариант). Как уже было сказано, лексические варианты занимают значительное место среди всех фразеологических вариантов вьетнамского языка. До Тхи Тху Хыонг считает, что общее количество лексических вариантов фразеологизмов превышает 50 % [Đỗ Thị Thu Hương 2013: 14—16], в то время как Нгуен Ван Ханг отводит лексическим вариантам лишь второе место после позиционных (комбинаторных) вариантов [Нгуен Ван Ханг 1994: 23].

Квантитативные (количественные) варианты отличаются друг от друга количеством компонентов. Они образованы путём усечения либо прибавления одного или нескольких компонентов фразеологизма. Как правило, такой тип вариантности характерен для фразеологизмов непараллельной структуры. Например: *mặt chữ điền* «лицо как китайский иероглиф “поле”» // *mặt vuông chữ điền* «лицо квадратное как китайский иероглиф “поле”» — квадрат-

ное лицо; *dai như đĩa* «прилипчивый как пиявка» // *dai như đĩa đói* «прилипчивый как голодная пиявка» — очень назойливый, надоедливый. Во фразеологических единицах параллельного построения компоненты усекаются либо прибавляются одновременно в каждом из звеньев фразеологизма, в противном случае произошло бы нарушение принципов лексико-семантического параллелизма: *đầu đội trời chân đạp đất* «головой подпирать небо, ногами топтать землю» // *đội trời đạp đất* «подпирать небо, топтать землю» — держаться смело, независимо; *treo dê bán thịt chó* «вывесить голову козла, продавать мясо собаки» // *treo dê bán chó* «вывесить козла, продавать собаку» — обманывать, водить за нос.

Фонетические варианты фразеологических единиц во вьетнамском языке относительно немногочисленны. Наличие таких вариантов характерно для всех типов единиц и не зависит от типа фразеологизма. Варьированию подвергается звуковой облик отдельных компонентов фразеологизма. Как правило, фонетические варианты не фиксируются в словарях, они реализуются только в речи и в основном отражают особенности диалектного произношения. Существует ряд регулярных фонетических соответствий между диалектами. Так, например, между северным и южным вариантами вьетнамского языка регулярны следующие случаи различия произношения: i/a (*sinh—sanh*), â/ư (*nhất—nhứt, chân—chun*), â/ơ (*ân—ơn*), tr/gi (*trả—giả, trời—giời, trở—giở*) и т. п. Соответственно произношение компонентов, входящих в состав фразеологизма, будет отличаться: *sanh/sinh* sau đẻ muộn «родиться после, родиться поздно» — принадлежать к более позднему поколению; *nhứt/nhất* vợ nhì trời «первое — жена, второе — небо» — жена важнее всего; *ăn miếng giã/trả miếng* «кусочек съел, кусочек и отдал» — отплатить той же монетой; и т. д. Хотя фонетические варианты фразеологических единиц на письме обычно не отражаются, их, тем не менее, можно встретить в произведениях художественной прозы и публицистики, где они используются для отражения особенностей произношения персонажей или рассказчика.

Грамматические (морфолого-синтаксические) варианты фразеологических единиц во вьетнамском языке встречаются чрезвычайно редко, что объясняется спецификой изолирующего строя вьетнамского языка. Если, например, в русском языке широко распространено варьирование по таким категориям, как род, число, падеж существительных, вид, наклонение, время глагола, краткая и полная формы прилагательного, то во вьетнамском языке подобные формы варьирования отсутствуют. В связи со строгим порядком слов во вьетнамском языке во фразеологических единицах непараллельной структуры отмечены крайне немногочисленные случаи синтаксического варьирования порядка слов. Это: а) инверсия дополнения для передачи пассивного значения: *chẻ sợi tóc làm tư* «расщеплять волос на четыре части» // *sợi tóc chẻ làm tư* «волос расщепляется на четыре части» — выискивать ненужные мелочи, погрязнуть в мелочах; *da bọc xương* «кожа обтягивает кости» // *xương bọc da* «кости обтянуты кожей» — очень худой, кожа да кости; *đứt đuôi nòng nọc* «отделился хвост головастика» // *nòng nọc đứt đuôi* «головастик с отделившимся хвостом» — вопрос решён окончательно и бесповоротно; б) варьирование обстоятельства места: *mò kim đáy biển* «искать иголку на дне моря» // *đáy biển mò kim* «на дне моря искать иголку» — искать иголку в стоге сена. Отмечены отдельные случаи варьирования по наличию/отсутствию классификатора (счётного слова): *gầy như hạc* // *gầy như con hạc* «худой как журавль» очень худой, *ngu như lợn* // *ngu như con lợn* «глуп как свинья» — очень глупый (*con* — классификатор для живых существ); по наличию/отсутствию показателя результативности действия: *mèo mù vớ cá rán* // *mèo mù vớ được cá rán* «слепой кошке неожиданно досталась жареная рыба» — необыкновенное везение, неожиданная удача; по наличию/отсутствию показателя направленного движения: *mọc như nấm* // *mọc lên như nấm* расти, как грибы; по наличию/опущению предлога: *kiến bò trong bụng* // *kiến bò bụng* «муравьи ползают в животе» — сильно проголодаться.

Во вьетнамском языке существует ещё один, специфический тип фразеологических вариантов — **этимологические варианты**. В силу многолетнего и многообразного влияния китайского языка на вьетнамский в последнем имеется довольно значительный слой фразеологических заимствований. Фразеологизмы заимствовались как в неизменном виде, так и вьетнамизировались (подвергались различным лексическим и структурным изменениям) либо калькировались. При этом определённая часть заимствованных исходных фразеологических единиц продолжает с той или иной степенью частотности функционировать в языке наряду с трансформированными или калькированными идиомами и паремиями, что приводит к существованию довольно многочисленных этимологических вариантов. Например: *ruợu vào lòi ra* // *tửu nhập ngôn xuất* «вино входит, слова выходят» — алкоголь развязывает язык; *nằm gai nệm mật* // *ngọa tân thường đảm* «спать на колючках, есть жёлчь» — подвергать себя трудностям ради великой цели; *ngậm máu phun người* // *hàm huyết phun nhân* «набрать в рот крови, обрызгивать людей» — злобно клеветать на кого-либо; *vẽ rắn thêm chân* // *họa xà thêm túc* «рисую змею, пририсовать ноги» — сделать лишнюю работу, перестараться; *hoa thơm cỏ lạ* // *kỳ hoa dị thảo* «чудесный цветок, необычайная трава» — необыкновенное (экзотическое) растение; *như ngư đắc thủy* // *như cá gặp nước* «как рыба, попавшая в воду» — чувствовать себя как рыба в воде, быть в своей стихии; и т. п.

В ряде случаев наблюдается сочетание различных типов вариантности одной и той же фразеологической единицы, в результате возникают **комбинированные (смешанные) варианты** фразеологизмов: *chân trời góc biển* «подножье неба, угол моря» // *góc bể chân trời* «угол моря, подножье неба» — край света, за тридевять земель (позиционно-лексические варианты); *miệng ăn núi lở* «рот ест, гора рушится» // *tọa thực sơn băng* «сидеть есть, гора рушится» — если только сидеть да есть, то и гора обрушится; если не работать, то можно проесть и самое большое состояние (лексико-этимологические варианты); и т. п.

Многообразие различных видов вариантности фразеологических единиц вьетнамского языка приводит к существованию большого количества вариантных фразеологических рядов, нередко с большим количеством членов этих рядов, например значение «поднимать шум, устраивать шумиху, кричать на всех перекрёстках» может быть передано целым рядом вариантных фразеологических единиц: *giống trống khua chiêng* «бить в барабан, ударять в гонг»; *khua chiêng giống trống* «ударять в гонг, бить в барабан»; *khua chiêng gõ trống* «ударять в гонг, стучать в барабан»; *đánh trống khua chiêng* «бить в барабан, ударять в гонг»; *khua chiêng đánh trống* «ударять в гонг, бить в барабан»; *khua chiêng gõ mõ* «ударять в гонг, стучать колотушкой»; и т. д.

Заключение

Анализ явления фразеологической вариантности во вьетнамском языке показывает её широкое и многогранное применение. Это обусловлено как природой самого явления фразеологической вариантности, выражающейся в гораздо более широких пределах варьированности фразеологических единиц по сравнению с лексическими, так и типологическими особенностями вьетнамского языка и, соответственно, спецификой структурно-семантических и этимологических характеристик его фразеологических единиц. Среди фразеологических вариантов наиболее многочисленны позиционные и лексические варианты, также довольно широко представлены этимологические, квантитативные и фонетические варианты фразеологических единиц. Отмечены также крайне немногочисленные случаи грамматических (морфолого-синтаксических) вариантов. Вариантность фразеологической единицы не разрушает её тождества, однако в результате формально-структурных изменений возможно появ-

ление определённого стилистического и экспрессивного расхождения вариантов. Крайне сложной является проблема разграничения фразеологической вариантности и фразеологической синонимии, в особенности это касается лексических вариантов. Анализ и классификация фразеологических вариантов важны как для формирования фразеологической компетенции лиц, изучающих вьетнамский язык и вьетнамскую культуру, так и для практической лексикографии, в частности для выработки принципов выделения опорного слова фразеологической единицы, принципов разработки основных и отсылочных словарных статей толковых и фразеологических словарей.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. М.: Флинта, 2009. 344 с.
2. Андреева В.А. Заимствованные фразеологические единицы вьетнамского языка // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции ИВ РАН от 26 октября 2016 г.). М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
3. Андреева В.А. Типы фразеологических единиц вьетнамского языка // *Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки*. Материалы XII Международной конференции (Москва, 16—17 ноября 2016 г.). М.: Языки Народов Мира, 2016. 268 с.
4. Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс). Учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. М.: Флинта, 2013. 312 с.
5. Вербицкая Л.А. Вариативность как основная черта развивающейся системы // *Славистический сборник: в честь 70-летия профессора П.А. Дмитриева*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. 338 с.
6. Нгуен Ван Ханг. Структурные и семантические особенности четырехкомпонентных фразеологизмов в современном вьетнамском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 23 с.
7. Солнцев В.М. Вариантность // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Телия В.Н. Фразеологизм // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
9. Федуленикова Т.Н. Проблема вариантности фразеологизмов / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленикова и др. *Современная фразеология: тенденции и инновации*. Москва, Санкт-Петербург, Брянск: Новый проект, 2016. 200 с.
10. Федуленикова Т.Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // *Вестник Оренбургского Государственного университета*. Приложение Гуманитарные науки. 2005. № 4. С. 62—69.
11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 272 с.
12. Đặng Nguyên Giang. Dấu hiệu và hình thái của biến thể thành ngữ trong tiếng Anh và tiếng Việt [Данг Нгуен Зянг. Признаки и формы фразеологических вариантов в английском и во вьетнамском языках] // *Ngôn ngữ và đời sống*. 2015. No. 10. Tr. 141—146.
13. Đỗ Thị Thu Hương. Nguồn gốc hình thành và đặc điểm cấu trúc — ngữ nghĩa của thành ngữ thuần Việt [До Тхи Тху Хыонг. Источники формирования и структурно-семантические особенности исконно вьетнамских фразеологизмов]. Luận án tiến sĩ ngữ văn. 2013. 159 tr.

14. Nguyễn Đức Tôn, Nguyễn Thị Minh Phượng. Hiện tượng biến thể và đồng nghĩa của thành ngữ tiếng Việt [Нгуен Дык Тон, Нгуен Тхи Минь Фыонг. Явление вариантности и синонимии фразеологизмов вьетнамского языка] // *Ngôn ngữ*. 2007. № 3. Tr. 1—11.

Автор:

Андреева Валентина Алексеевна, научный сотрудник Института языкознания РАН.
E-mail: andreeva_va@iling-ran.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления статьи: 08.05.2019

Дата поступления в переработанном виде: 22.05.2019

Принята к печати: 26.05.2019

V.A. Andreyeva

PHRASEOLOGICAL VARIATION IN VIETNAMESE

Abstract. Language variation in general and phraseological variation in particular is a fundamental property of the language system, a way of its existence. The phenomenon of variation is universal, but in each language, and in Vietnamese in particular, variable relations have a number of specific features. The definition and classification of phraseological variants, the differentiation of phraseological variants and phraseological synonyms are extremely important for practical phraseology and lexicography. In analyzing the phraseological variation in the Vietnamese language, we used the methods of component analysis, definitional analysis, the method of continuous sampling, the descriptive method, the comparative method. Among the phraseological units of the Vietnamese language, the following types of phraseological variants were identified and analyzed: positional, lexical, quantitative, phonetic, etymological, mixed. Isolated cases of grammatical variants. The results of the study will be applied in practical phraseography — in compiling the Vietnamese-Russian phraseological dictionary, and can also be used in courses of theoretical phraseology and cultural studies and be of interest to all students of the Vietnamese language and culture of Vietnam.

Keywords: Vietnamese language, phraseology, phraseological variation, phraseological units.

References

1. Alefirenko, N.F. (2009). *Frazeologiya i paremiologiya: ucheb. posobie dlya bakalavrskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya* [Phraseology and Paremiology: textbook for the bachelor's level of philological education] / N.F. Alefirenko, N.N. Semenenko. M.: Flinta. 344 s.
2. Andreeva, V.A. (2018). *Zaimstvovannyye frazeologicheskiye edinytse vietnamskogo yazyka* [The Borrowed Phraseological Units in Vietnamese]. In *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 6: Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki: Jazyki Juzhnoy i Jugo-Vostochnoy Azii* (Materialy nauchnoy konferentsii IV RANy 26 oktyabrya 2016 g). M.: IV RAN. 240 s.
3. Andreeva, V.A. (2016). *Tipy frazeologicheskikh edinic vietnamskogo yazyka* [The types of Phraseological Units in Vietnamese]. In *Jazyki Dalnego Vostoka, Jugo-Vostochnoy Azii i Zapadnoy Afriki: materialy XII Mezhdunarodnoy konferentsii* (Moskva, 16—17 noyabrya 2016 goda. M.: Jazyki Narodov Mira. 268 s.
4. Baranov, A.N. (2013). *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs): ucheb. posobie* [Basics of Phraseology (Short Course): study guide] / A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskiy. M.: Flinta. 312 s.
5. Đặng Nguyên Giang (2015). *Dấu hiệu và hình thái của biến thể thành ngữ trong tiếng Anh và tiếng Việt* [Signs and Forms of Idiom Variants in English and Vietnamese]. In *Ngôn ngữ và đời sống [Language and life]*, No. 10, tr. 141—146.
6. Đỗ Thị Thu Hương (2013). *Nguồn gốc hình thành và đặc điểm cấu trúc — ngữ nghĩa của thành ngữ thuần Việt* [Sources of formation and structural—semantic features of original Vietnamese idioms]. *Luận án tiến sĩ ngữ văn*. 159 tr.
7. Fedulenkova, T.N. (2016). *Problema variantnosti frazeologizmov* [The problem of phraseological variants] / N.F. Alefirenko, V.I. Zimin, A.P. Vasilenko, T.N. Fedulenkova i dr. In *Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii*. Moskva, Sankt-Peterburg, Bryansk: Novy proekt., 200 s.
8. Fedulenkova, T.N. (2005). *Frazeologicheskaya variantnost kak lingvisticheskaya problema* [Phraseological variance as the linguistic problem]. In *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo*

universiteta. Prilozhenie Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Orenburg State University. Application Humanities], № 4, s. 62—69.

9. Nguyễn Đức Tồn, Nguyễn Thị Minh Phượng (2007). Hiện tượng biến thể và đồng nghĩa của thành ngữ tiếng Việt [The phenomenon of variation and synonymy of Vietnamese language idioms]. In *Ngôn ngữ [Language]*, No. 3, tr. 1—11.

10. Nguyen Van Hang (1994). Strukturnye i semanticheskie osobennosti chetyrekhkomponentnykh frazeologizmov v sovremennom vietnamskom yazyke [Structural and semantic features of four-component phraseological units in modern Vietnamese language]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 23 pp.

11. Shanskij, N.M. (2012). Frazеологиya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language]. Izd. 6-e. M.: Librokom. 272 s.

12. Solncev, V.M. (1990). Variantnost [Variation]. In *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar*. M.: Sovetskaya enciklopediya. 685 s.

13. Teliya, V.N. (1990). Frazеologizm [Frazеologizm]. In *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar*. M.: Sovetskaya enciklopediya. 685 s.

14. Verbickaya, L.A. (1998). Variativnost kak osnovnaya cherta razvivayushchey sistema [Variability as the main feature of a developing system]. In *Slavisticheskiy sbornik: v chest 70-letiya professora P.A. Dmitrieva*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1998. 338 s.

Author:

Andreeva Valentina A., Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. E-mail: andreeva_va@iling-ran.ru

Article history:

Received: May 8, 2019

Received in revised form: May 22, 2019

Accepted: May 26, 2019

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10018

В.Н. Колотов

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ХО ШИ МИНА. 50 ЛЕТ СПУСТЯ» НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Аннотация. В статье раскрыто содержание состоявшейся в мае с. г. в Санкт-Петербурге международной конференции, посвященной значению духовного наследия Хо Ши Мина спустя полвека после его кончины. Сделан краткий обзор основной тематики докладов участников конференции, затрагивающей значение внешнеполитической стратегии Хо Ши Мина для победы Вьетнама над сильными противниками, воздействие идеологии Хо Ши Мина на массы, нравственные качества национального героя Вьетнама, российско-вьетнамское сотрудничество, преподавание вьетнамского языка в Советском Союзе и России.

Ключевые слова: Хо Ши Мин, национально-освободительная борьба, идеология, российско-вьетнамское сотрудничество, Санкт-Петербург, вьетнамский язык.

17 мая 2019 г. в Световом зале Смольного прошла научно-практическая конференция «Духовное наследие Хо Ши Мина. 50 лет спустя», организаторами которой выступили Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга и СПбГУ. Конференция была посвящена современному осмыслению трудов первого президента независимого Вьетнама, а также текущему состоянию российско-вьетнамского взаимодействия в год пятидесятилетия ухода из жизни национального героя Вьетнама и выдающегося деятеля культуры.

Для участия в конференции в Санкт-Петербург специально прибыла делегация крупных специалистов по хошиминоведению из Государственной политической академии Хо Ши Мина (г. Ханой), которые также приняли участие в торжественных мероприятиях, посвященных 129-летию со дня рождения Хо Ши Мина и открытию в Государственном Эрмитаже первой в истории российско-вьетнамских отношений выставки древних культур Вьетнама (Донгшон, Шахуйнь, Донгнай и Окео).

Конференция по изучению духовного наследия Хо Ши Мина стала важным этапом активно развивающихся отношений между Санкт-Петербургом и Вьетнамом. В 2018 г. в Санкт-Петербурге и Хошимине успешно прошли международные конференции, посвященные 95-летию первого прибытия Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) в Петроград, а также российско-вьетнамский культурно-деловой форум.

Конференцию открыл вице-губернатор Санкт-Петербурга Н.Л. Бондаренко, который в своем докладе рассказал о динамично развивающемся сотрудничестве между Санкт-Петербургом и Вьетнамом в разных областях, а также о поддержке правительством Санкт-Петербурга возобновления после длительного перерыва стажировок вьетнамистов СПбГУ в Государственном университете г. Хошимина.

Помощник ректора СПбГУ по международной деятельности С.В. Андрюшин напомнил участникам конференции о том, что именно в Ленинграде в начале 1930-х годов впервые в СССР началось преподавание аннамского языка. С тех пор вьетнамоведение в нашей стране в целом и в СПбГУ в частности достигло большого прогресса. Вьетнамский компонент внедрен в программы подготовки специалистов по многим профилям и направлениям.

Глава делегации Государственной политической академии Хо Ши Мина, директор Института философии доктор философских наук, профессор Чан Ван Фонг выступил на русском языке с докладом «Дальновидное мышление президента Хо Ши Мина в его завещании». Он отметил, что в своем историческом «Завещании» Хо Ши Мин оставил драгоценное наследие, отражающее стратегическое мышление, следование которому привело Вьетнам к успехам в различных областях.

Конференция «Духовное наследие Хо Ши Мина. 50 лет спустя» в Смольном (фото автора)

Заместитель директора Института Хо Ши Мина и вождей партии Государственной политической академии Хо Ши Мина кандидат наук, доцент До Суан Туат в своем докладе «Культура мира Хо Ши Мина — ценности, осветившие народ и эпоху» обратил внимание на проблематику мирного сосуществования, о которой в свое время говорил Хо Ши Мин, призывавший к решению политических проблем мирными средствами.

Ректор Санкт-Петербургской восточной академии доктор философских наук, профессор А.Л. Вассоевич выступил с докладом «О значении стратегий Хо Ши Мина для современного национально-освободительного движения». Он, в частности, отметил, что «с 90-х гг. XX в., когда был разрушен Советский Союз, когда исчезли социалистические государства Восточной Европы и возникла иллюзия формирования однополярного мира, очень сложной задачей стала защита даже некогда завоеванного государственного суверенитета. Что уж го-

ворить о национально-освободительной борьбе. И тем не менее, если опираться на разработанные Хо Ши Мином стратегии, даже такие сложные сверхзадачи могут воплощаться в реальность». Далее А.Л. Вассоевич представил свое видение внешнеполитической стратегии Хо Ши Мина, которая при крайне ограниченных ресурсах Вьетнама привела в итоге к победе над сильными и влиятельными противниками.

Старший преподаватель Института Хо Ши Мина и вождей партии Нго Суан Зыонг представил доклад «Нравственные качества Хо Ши Мина, их ценность и влияние», в котором нашли отражение взгляды на мораль выдающегося деятеля национально-освободительного движения Вьетнама. Этот подход использовался при создании партийной системы, армии и восстановлении суверенитета независимого Вьетнама.

Конференция завершилась докладом директора Института Хо Ши Мина профессора СПбГУ В.Н. Колотова «Изучение технологии воздействия идеологии Хо Ши Мина на массы», в котором автор обратил внимание на силу и эффективность воздействия идеологии Хо Ши Мина на вьетнамский народ. Обращенные к соотечественникам слова и письма Хо Ши Мина резко меняли их взгляды и поведение, поднимали миллионы на борьбу за национальное освобождение. В частности, В.Н. Колотов отметил, что «очередной этап национально-освободительного движения (НОД), во главе которого встала созданная Хо Ши Мином КПВ, отличался тем, что появилась точка приложения сил в общенациональном масштабе. Именно поэтому НОД под руководством Хо Ши Мина стало подобным своеобразной пружине, которая до конца была сжата колонизаторами, но, начиная с этого момента, отступление прекратилось, и она стала разжиматься. Энергия её ответного хода оказывала все более эффективное противодействие, а затем сломала колониальный режим и восстановила народную власть во Вьетнаме. Это был длительный и сложный процесс, который потребовал напряжения всех сил нации и поддержки влиятельных союзников».

В конференции приняли участие ведущие вьетнамоведы Санкт-Петербурга, представители Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской восточной академии, других востоковедных и военных вузов города на Неве. Студенты Восточного факультета СПбГУ получили хорошую возможность показать свой уровень владения вьетнамским языком и приняли активное участие в переводе докладов с вьетнамского на русский и с русского на вьетнамский язык.

Автор:

Колотов Владимир Николаевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина. E-mail: v.kolotov@spbu.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.05.2019

Принята к печати: 05.06.2019

V.N. Kolotov

**SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«SPIRITUAL HERITAGE OF HO CHI MINH. 50 YEARS LATER»
ON THE BEACH OF NEVA**

Abstract. The article reveals the content of the International Conference on the value of the spiritual heritage of Ho Chi Minh half a century after his death held in May of this year in St. Petersburg. A brief overview of the main topics of the conference participants' reports is made: the importance of Ho Chi Minh's foreign policy strategy for Vietnam's victory over strong opponents, the influence of Ho Chi Minh's ideology on the masses, moral qualities of the national hero of Vietnam, Russian-Vietnamese cooperation, teaching Vietnamese in the Soviet Union and Russia.

Keywords: Ho Chi Minh, national liberation struggle, ideology, Russian-Vietnamese cooperation, St. Petersburg, Vietnamese language.

Author:

Kolotov Vladimir N., D.Sc. (History), Professor, Chair of The Far East History Department, St. Petersburg State University, Director of The Ho Chi Minh Institute. E-mail: v.kolotov@spbu.ru

Article history:

Received: May 20, 2019

Accepted: June 5, 2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10019

Е.В. Никулина

ДИСКУССИЯ В ИВ РАН О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья раскрывает содержание научно-практического семинара о перспективах развития российско-вьетнамских отношений на современном этапе, проведенного Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. Собравшиеся в ИВ РАН эксперты пришли к выводу о снижении роли России во Вьетнаме и ЮВА в целом.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, Китай, США, стратегическое сотрудничество, экономика, региональная держава, «мягкая сила».

5 июня 2019 г. в Центре Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН состоялся научно-практический семинар на тему «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на современном этапе», приуроченный к открытию Перекрестного года России во Вьетнаме и Вьетнама в России. В семинаре участвовали ведущие российские вьетнамисты из Москвы и Санкт-Петербурга. Довольно узкий круг участников дал возможность откровенно говорить о реальном состоянии отношений между двумя странами и наиболее острых проблемах этих отношений.

В своём выступлении зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ профессор В.Н. Колотов, опираясь на новейшие данные из различных российских и международных источников, наглядно показал, что Россия во Вьетнаме утратила положение супердержавы и играет роль державы региональной, значительно уступая во влиянии как США и Китаю, так и развитым странам Дальнего Востока. Это вызвано скромным местом РФ в международных связях СРВ в экономике, науке, культуре и образовании. Причиной создавшегося положения В.Н. Колотов считает низкий уровень управления в России и плохую организацию внешнеэкономической деятельности. В частности, российский бизнес слабо информирован о положении дел во Вьетнаме, особенностях вьетнамского рынка, что не позволяет ему использовать свои преимущества. Серьёзной ошибкой российской власти и бизнеса эксперт считает слабое использование экспертного сообщества для всех видов международной деятельности. В частности, при декларируемом повороте страны на Восток планируется сокращение набора студентов в востоковедные вузы страны.

Ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН Г.М. Локшин посвятил своё выступление политическому сотрудничеству России и Вьетнама, его актуальным проблемам и перспективам. Он отметил высокую степень взаимодействия между двумя странами на высшем политическом уровне и чувства дружбы и благодарности, которые испытывают к России как наследнице Советского Союза сотни тысяч вьетнамцев. Ученый подчеркнул, что надо всеми силами сохранить эти позитивные моменты. Интересы России и Вьетнама совпадают во многих областях. Страны являются стратегическими партнерами, они заинтересованы в мире и спокойствии в ЮВА, в частности в Южно-Китайском море. Вьетнам поддерживает идею России о равной и неделимой безопасности. Россия нуждается в поддержке Вьетнама как одного из центров силы в ЮВА для строительства общего мирного «тихоокеанского дома».

Ведущий сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН Е.В. Кобелев вспомнил о состоянии российско-вьетнамских отношений в начале 1990-х годов и отметил

несомненный прогресс в политической области. Но существующий уровень взаимодействия не соответствует возможностям и пожеланиям обеих сторон. Для достижения более высокого уровня необходим надежный экономический фундамент, которого, к сожалению, нет. Говоря о развитии экономического сотрудничества, Е.В. Кобелев подчеркнул, что как в поставках товаров, так и в инвестициях Вьетнам даёт России больше, чем Россия Вьетнаму. Ученый отметил отсутствие реакции российских чиновников на предложения экспертов по улучшению современного состояния отношений между двумя странами. Одним из таких предложений является введение безвизового въезда в Россию на определенный срок для вьетнамцев, окончивших советские и российские вузы.

Тема выступления руководителя Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН профессора Д.В. Мосякова звучала так: «Вьетнам в системе глобальных отношений между Китаем, США и Россией». Ученый отметил отсутствие российской «мягкой силы» во Вьетнаме и усиливающееся влияние США в стране. Соединенные Штаты ведут мощную пропагандистскую кампанию как по внедрению своих идеалов, так и по пересмотру смысла американской агрессии во Вьетнаме. США с их экономической системой пользуются широкой поддержкой во Вьетнаме, особенно в среде молодежи, которая составляет большую часть населения страны. Д.В. Мосяков выявил наличие ревизионистского крыла в КПВ, готового пересмотреть установки партии в сторону сближения с Западом, а также присутствие антикитайских настроений как на уровне населения, так и в высших органах партии, и указал на опасность этих настроений для развития страны. Ученый считает, что Вьетнам постепенно теряет независимость и многовекторность своей внешней политики, которая помогла ему совершить рывок в развитии. Страна все больше попадает под влияние США, а антикитайский и антироссийский тренды становятся все более ощутимыми. Значение России для Вьетнама постепенно падает, несмотря на оптимистические заявления руководителей двух стран.

Старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН А.А. Соколов остановился на российско-вьетнамском сотрудничестве в области культуры и образования. Он отметил коммерциализацию вьетнамской культуры, рост влияния литературы и кинематографа США, Европы и развитых стран Восточной Азии и незначительную роль России в этом процессе. Такая же картина наблюдается в области образования. Количество вьетнамских студентов в Австралии, США, Японии и других странах превышает их количество в России в несколько раз. При высоком уровне и относительной дешевизне российского образования его главным недостатком является невозможность найти во Вьетнаме хорошую работу с русским языком. Для привлечения студентов из Вьетнама и других стран региона в российские вузы надо не только улучшать информационную работу в области образовательных услуг, но и расширять обучение ряду специальностей на английском языке. А.А. Соколов предложил ветеранам российского вьетнамоведения написать мемуары для сохранения исторической правды, а также выдвинул идею о создании информационного сайта о Вьетнаме.

Выступавшие на семинаре эксперты сошлись во мнении, что для сохранения российского влияния во Вьетнаме как одной из ключевых стран ЮВА и всего Азиатского региона руководству России надо предпринять серьезные шаги.

Автор:

Никулина Елена Вадимовна, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. E-mail: elenavtn@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 06.06.2019

Принята к печати: 20.06.2019

E.V. Nikulina

DISCUSSION IN THE IOS RAS ON THE CURRENT STATE OF RUSSIAN-VIETNAMESE RELATIONS

Abstract. The article reveals the contents of a scientific-practical seminar on the prospects for the development of Russian-Vietnamese relations at the present stage, held by the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The main conclusion of the experts is the recognition of the decline of the role of Russia in Vietnam and Southeast and East Asia as a whole.

Keywords: Russia, Vietnam, China, USA, strategic cooperation, economy, regional power, “soft power”.

Author:

Nikulina Elena V., Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: elenavtn@mail.ru

Article history:

Received: June 06, 2019

Accepted: June 20, 2019

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

**О защите диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Нгуен Минь Туаном
(ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет») на тему
«Природа информационно-психологической
войны во Вьетнаме (1954—1975)»**

Защита диссертации по специальности 10.01.10 — Журналистика состоялась 29 мая 2019 г. на заседании диссертационного совета Д 212.038.18 на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Исследование посвящено одной из самых актуальных сегодня проблем — проведению информационной политики в особых условиях. Особые условия второй половины 1950—1970-х годов — военные действия во Вьетнаме, где столкнулись одновременно геополитические интересы сразу нескольких стран — Соединенных Штатов Америки, Франции, КНР, Советского Союза и стран Индокитая — Вьетнама, Камбоджи, Лаоса.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые сопоставляются информационно-психологические стратегии трех государств (Вьетнама, США и СССР) с учетом влияния мирового общественного мнения, а также проанализированы особенности ведения информационно-психологической войны с использованием антивоенных настроений и ошибок противника.

Автор выделяет ряд аспектов войны во Вьетнаме, которые, в конечном счете, определили победу одной из сторон. Это геополитические аспекты борьбы за сферы влияния — в значительной степени война шла между «своими» и «чужими». Это идеологические аспекты — противостояние двух систем. Это экономические аспекты — торговля оружием против мирной жизнедеятельности (работа на собственное благо). Это военно-стратегический аспект — победа над агрессором.

Н.М. Туан приходит к выводу, что «Вашингтон и Сайгон проиграли своё главное сражение — битву за аудиторию. Это определило не только ход гражданской войны, но и ход войны информационной». Ханой выиграл многолетнюю войну не столько потому, что Север был лучше вооружён, чем Юг. Войну, считает автор, выигрывает народ, люди, любящие свою Родину и знающие, как её надо защищать.

В диссертации подчеркнута та роль, которую сыграл Советский Союз в успешном противостоянии Севера в воздушной войне с США и в конечном разгроме сайгонского режима. В этой связи представлено освещение войны во Вьетнаме глазами советских участников событий — военных специалистов. История вьетнамской войны в воспоминаниях советских людей — это важнейший источник информации.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Кройчик Лев Ефремович.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Основные публикации по теме диссертации

1. Нгуен Минь Туан. Война во Вьетнаме и общественное мнение // *Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика*. 2017. № 2. С.103—105.
2. Нгуен Минь Туан. История войны во Вьетнаме глазами прессы // *Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика*. 2017. № 3. С.137—140.
3. Нгуен Минь Туан. Война во Вьетнаме: Советская версия событий // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2018. № 2. С.119—123.

**The Ph.D. dissertation on the topic
“The Nature of the Information
and Psychological War in Vietnam (1954—1975)”
(specialization 10.01.10 — Journalism) was defended by Nguyen Minh Tuan
at the «Voronezh State University», FSBEI, on May 29, 2019**

The study is devoted to one of the most pressing problems of today — the implementation of information policy in special conditions. The special conditions of the second half of the fifties and seventies are military actions in Vietnam, where the geopolitical interests of several countries simultaneously collided — the United States of America, France, China, the Soviet Union and the countries of Indochina — Vietnam, Cambodia, Laos.

The novelty of the study lies in the fact that the information and psychological strategies of three states (Vietnam, U.S.A., U.S.S.R.) are compared for the first time, taking into account the influence of world public opinion, and the features of information-psychological warfare are analyzed using the antiwar mood and the mistakes of the adversary.

The author comes to the conclusion that the information-psychological collision is not just a struggle of different points of view. This is a continuous impact on the huge masses of people involved in the conflict of political and socio-cultural interests. This is a struggle for influence on the very foundations of moral relations between people. The information-psychological war is destructive, since it destroys the human individuality.

The author highlights a number of aspects of the Vietnam War, which ultimately determined the victory of one of the parties. These are geopolitical aspects of the struggle for spheres of influence — to a large extent, the war was between “our own” and “alien”. These are ideological aspects — opposition of two systems. These are economic aspects — the arms trade against peaceful life (work for their own benefit). This is a military strategic aspect — the victory over the aggressor.

Keywords: United States of America, France, China, the Soviet Union, Vietnam, Cambodia, Laos, Information and Psychological War, geopolitical interests.

Scientific supervisor: D.Sc. (Philology), Professor Kroychik Lev Efremovich.

The organization — opponent for the thesis: Russian Peoples' Friendship University, Moscow

**О защите диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук Май К Да
(ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов») на тему
«Проблемы культурной интеграции протестантизма во Вьетнаме
(опыт историко-философского анализа)»**

Защита диссертации по специальности 09.00.03 — История философии состоялась 05.06.2019 г. на заседании диссертационного совета Д 212.203.02 при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Актуальность исследования определяется распространением протестантизма в СРВ и противоречиями между мировоззренческой системой этого религиозного течения и традиционной вьетнамской культурой. Это вызвало потребность изучения данной проблемы с позиций историко-философского анализа. Диссертант рассматривает вопрос, почему протестантизм как религия, которая является, согласно неолиберальной теории, атрибутом «универсальной культуры», религией современности, экономического и технического роста, после столетия существования во Вьетнаме (с 1911 г.) по-прежнему считается иностранной религией, чуждой сознанию людей?

Автор исходит из того, что протестантизм несет миссию во Вьетнаме и анализирует пути инкорпорации протестантского учения во вьетнамскую культуру. Он считает решение проблемы культурной интеграции своей фундаментальной задачей. В качестве теоретических и практических предпосылок для этого он называет наследие теологии Евангелия, идейное содержание движения «за три самостоятельности» в китайском протестантизме (самоуправление, самообеспечение и самостоятельная проповедь), философские и культурологические размышления современных мыслителей и опыт решения проблемы интеграции католицизма во Вьетнаме.

Констатируется, что протестантизм во Вьетнаме в период политики Обновления превратился в заметное явление. Он пережил особенно быстрый рост в последние годы, наиболее заметно выросло число его последователей в среде этнических меньшинств плато Тэйнгуэн, в прибрежной зоне Центрального Вьетнама и северных горных районах. Несмотря на столь впечатляющий успех, протестантизм по-прежнему считается во Вьетнаме религией меньшинства.

Свое исследование автор считает теоретической основой, «помогающей как миссионерам, так и последователям религии, регулировать способы распространения веры» и открывать возможности для диалога с другими религиями во Вьетнаме. Более того, диссертант претендует на то, чтобы содействовать созданию общины протестантских христиан с вьетнамской идентичностью. Практическую значимость диссертации он видит в том, чтобы помочь светским властям составить соответствующие планы и осуществлять политику, направленную на развитие диалога с новыми религиозными организациями во Вьетнаме. Материалы своего исследования диссертант адресует также студентам и всем, кто интересуется развитием идей, межкультурным и межконфессиональным диалогом Востока и Запада.

Научный руководитель: Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Основные публикации по теме диссертации

1. Май К Да. Формирование термина «тинлань» (tin lanh) в ходе распространения протестантизма во Вьетнаме в начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2017, № 12 (3). С. 117—120.

2. Май К Да. Идейные источники философско-теологической мысли протестантизма во Вьетнаме // *Социум и Власть*, 2018, № 2 (70). С. 89—96.

The Ph.D. dissertation “Problems of cultural integration of Protestantism in Vietnam: the experience of historical and philosophical analysis” (specialization 09.00.03 — History of philosophy) was defended by Mai K Da at the Russian Peoples’ Friendship University on June 05, 2019

The relevance of the study is due to the need to consider the sources of conflict relations between the philosophical systems of Protestantism and traditional Vietnamese culture from the standpoint of historical and philosophical analysis. The main question here is why Protestantism as a religion, which is an attribute of “universal culture”, a religion of modernity, economic and technological growth, after a century of existence in Vietnam since 1911, is still considered a foreign religion alien to the consciousness of people?

The author proceeds from the fact that Protestantism has a mission in Vietnam and analyzes the ways of incorporation of Protestant doctrine in Vietnamese culture. He considers the solution of its cultural integration problem as his fundamental task. As theoretical and practical prerequisites for this, he calls the legacy of theology of the gospel, the ideological content of the movement “for three independences” in Chinese Protestantism (self-government, self-sufficiency, and independent preaching), philosophical and cultural reflections of modern thinkers, and the experience of solving the problem of Catholicism integration in Vietnam.

In recent decades, Protestantism in Vietnam has become a noticeable phenomenon. First of all, it experienced rapid growth in recent years, especially of the number of his followers among the ethnic minorities of Tay Nguyen Plateau (in the Central Highlands region), in the coastal zone of central Vietnam and in the northern highlands of Vietnam. Despite such impressive growth, Protestantism is still considered a minority religion in Vietnam.

The results of the study are considered by the author as theoretical basis that helps both missionaries and followers of religion, regulate ways of spreading their faith and open up opportunities for dialogue with other religions in Vietnam. Moreover, the author purports to contribute to creating a Protestant Christian community with Vietnamese identity. The practical significance of the thesis is to help the secular authorities to draw up appropriate plans and implement policies aimed at fostering a dialogue with new religious organizations in Vietnam. The materials of his research the author also addresses to students and anyone interested in the development of ideas, intercultural and interfaith dialogue of the East and the West.

Keywords: Protestantism in Vietnam, problems of cultural integration, theology of the Gospel, Chinese Protestantism, modern thinkers.

Scientific adviser: Nizhnikov Sergey Anatolyevich, D.Sc. (Philosophy), Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, Russian Peoples’ Friendship University, Moscow.

The organization—opponent for the thesis: National Research University — Higher School of Economics (HSE), Moscow.

ИТОГИ СТУДЕНЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

В Восточном институте — Школе региональных и международных отношений Дальневосточного федерального университета подведены итоги XVII Олимпиады по вьетнамскому языку, которая проводилась в рамках Перекрестного года России и Вьетнама. В Олимпиаде приняли участие российские студенты, изучающие вьетнамский язык, и вьетнамские студенты, изучающие русский язык.

По условиям Олимпиады российским участникам предлагалось написать сочинения (эссе) на вьетнамском языке, а вьетнамским — на русском по одной из семи заранее объявленных тем или свободной теме. XVII Олимпиада проходила в очно-заочной форме с 29 марта по 15 мая 2019 г. Ее организаторами по традиции выступили Генеральное консульство Социалистической Республики Вьетнам во Владивостоке, Вьетнамский культурно-образовательный центр ДВФУ, кафедра Тихоокеанской Азии Школы региональных и международных исследований ДВФУ и Приморское краевое общество дружбы с Вьетнамом. Участникам XVII Олимпиады были предложены следующие темы:

- 65-летие победы Вьетнамской народной армии под Дьенбьенфу и ее значение.
- Современный Вьетнам — дракон, устремленный в будущее.
- Отношения Владивостока — столицы российского Дальнего Востока — с Вьетнамом.
- Значение посещения Хо Ши Мином Владивостока.

- Традиционная культура и проблемы ее развития и сохранения в условиях глобализации.
- Культура — пространство, сближающее народы.
- Свободная тема.

В XVII Олимпиаде приняли участие 22 студента: 17 российских студентов, изучающих вьетнамский язык в ДВФУ (г. Владивосток) и в МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва), и пять вьетнамских студентов, изучающих русский язык в ДВФУ (г. Владивосток). Жюри XVII Олимпиады по вьетнамскому языку в составе профессора кафедры Тихоокеанской Азии А.Я. Соколовского (председатель), старшего преподавателя этой же кафедры Нгуен Ань Нама и референта-переводчика Генерального консульства СРВ во Владивостоке М.А. Ершовой оценивало присланные эссе (сочинения) по 100-балльной системе отдельно для участников двух категорий: *начальной* (1-й курс) и *продвинутой* (2-й и 3-й курсы). Студенты выпускного 4-го курса бакалавриата из-за занятости подготовкой к защите квалификационных работ участия в Олимпиаде не принимали.

Первое место среди студентов — участников продвинутой категории разделили студентка 3-го курса Елизарова Софья (ДВФУ, эссе «Ханой и ханойцы») и студентка 2-го курса Тищенко Анастасия (ДВФУ, эссе «Российско-вьетнамское культурное сотрудничество в условиях глобализации»). Обе набрали **95 баллов**.

Второе место среди участников этой категории заняла студентка 2-го курса Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ) Патюта Татьяна (эссе «Роман “Тихий американец” и проблемы вьетнамского общества в военный период»). Она набрала **90 баллов**.

Третье место среди участников продвинутой категории также заняла студентка 2-го курса ИСАА МГУ Попцова Алина, представившая обширное эссе «Проблема идентичности и сострадания в романе “Сочувствующий” Вьет Тхань Нгуена» и набравшая **85 баллов**.

Среди участников начальной категории первое место разделили студенты Войтов Семен (ДВФУ, эссе «Почему я стал изучать Вьетнам и вьетнамский язык») и студентка Кокосова Софья (эссе «ДВФУ — мой университет»). Оба набрали по **85 баллов**.

Второе место среди участников этой категории разделили Самойленко Арина (ДВФУ), эссе «Мой любимый университет», Зайцев Владислав (ДВФУ, эссе «О моей семье») и Харитонов Софья (ДВФУ, эссе «Мое путешествие в Хойан»). Все набрали по **80 баллов**.

За актуальность выбранной темы жюри сочло возможным поощрить также студентку 2-го курса вьетнамской группы экономического отделения ИСАА МГУ Давыдову Марию, представившую эссе на тему «65-летие победы Вьетнамской народной армии под Дьенбьенфу (07.05.1954 г.) и ее значение». Она набрала **75 баллов**.

Как уже говорилось выше, в XVII Олимпиаде принимали участие также вьетнамские студенты, обучающиеся в ДВФУ. Они писали свои сочинения на русском языке.

Первое место среди вьетнамских студентов заняла Данг Тхи Тху Фыонг (ДВФУ, Центр русского языка и культуры, эссе «Россия в моем сердце»). Она набрала **90 баллов**.

Второе место занял Ву Суан Хюи (ДВФУ, направление Международные отношения, эссе «Значение посещения Хо Ши Мином Владивостока») — **85 баллов**.

Третье место заняла Ву Тхи Тху Тхюи, студентка 1-го курса Школы экономики и менеджмента ДВФУ, за эссе «Вьетнамское платье аозай — символ вьетнамской культуры» — **80 баллов**.

Итоги XVII Олимпиады по вьетнамскому языку были подведены 18 мая во время традиционных майских Дней Вьетнама во Владивостоке, накануне дня рождения духовного лидера вьетнамского народа Хо Ши Мина на общегородском митинге, посвященном памяти этого видного общественно-политического и культурного деятеля, который неоднократно останавливался здесь в 20-е и 30-е годы прошлого века.

На торжественной церемонии присутствовали генеральный консул Вьетнама во Владивостоке г-н Нгуен Хоанг Вьет, ветераны Дальневосточного морского пароходства, ветераны Тихоокеанского флота, представители вьетнамской диаспоры, активисты Приморского краевого общества дружбы с Вьетнамом, вьетнамские и российские студенты, обучающиеся в ДВФУ, Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского и других вузах и школах г. Владивостока.

Все победители XVII Олимпиады по вьетнамскому языку были награждены грамотами, денежными премиями и ценными подарками.

Автор:

Соколовский Александр Якубович, к. филол. н., профессор кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института — Школы региональных и международных отношений Дальневосточного федерального университета (Владивосток), директор Вьетнамского культурно-образовательного центра ДВФУ. E-mail: yalishanda@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 26.05.2019

Принята к печати: 10.06.2019

THE RESULTS OF STUDENT OLYMPIAD IN VLADIVOSTOK

The Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University summed up the 17th Olympiad in the Vietnamese language, which was held as part of the cross year of Vietnam in Russia and Russia in Vietnam. Russian students studying Vietnamese and Vietnamese students studying Russian took part in the Olympiad.

Author:

Sokolovskiy Alexandr Ja., Ph.D. (Philology), Professor of The Asia Pacific Department, The Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University (Vladivostok), Director of the Center of the Vietnamese Culture (FEFU). E-mail: yalishanda@mail.ru

Article history:

Received: May 26, 2019

Accepted: June 10, 2019

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДОГОВОР ОБ ОСНОВАХ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ВЬЕТНАМ

Российская Федерация и Социалистическая Республика Вьетнам,
выступая за развитие традиционных дружественных отношений, укрепление взаимного доверия и разностороннего сотрудничества между народами двух стран,
исходя из обоюдного стремления к упрочению правовой основы двусторонних связей, соответствующей реальностям современной международной жизни,
подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций,
преисполненные желания продолжать усилия в целях поддержания международного мира и безопасности, утверждения атмосферы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе,
договорились о нижеследующем:

Статья 1

Договаривающиеся Стороны будут и впредь поддерживать и развивать дружественные отношения, основанные на принципах уважения государственного суверенитета и независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды и других общепризнанных нормах международного права, и создадут для этого соответствующие механизмы диалога.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны, придавая большое значение взаимодействию в мировых делах, будут вносить активный вклад в поддержание и укрепление международного мира и безопасности, строгое соблюдение норм международного права, предотвращение вооруженных конфликтов. Они считают, что упрочению безопасности и стабильности в региональном и глобальном измерении будет способствовать сокращение всеми странами вооруженных сил и вооружений до уровня оборонной достаточности. Договаривающиеся Стороны будут способствовать дальнейшему повышению оперативности и эффективности деятельности ООН.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны будут регулярно консультироваться друг с другом на различных уровнях по всем важным вопросам, затрагивающим интересы обеих Сторон, осуществлять контакты по дипломатическим каналам.

Ни одна из Сторон не будет заключать с третьими странами договоров, соглашений или предпринимать действия, которые нанесли бы ущерб государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности другой Стороны.

В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Сторон, будет представлять угрозу международному миру и безопасности и может повлечь за собой междуна-

родные осложнения, Стороны незамедлительно вступят в контакт друг с другом для проведения консультаций в интересах устранения возникшей угрозы.

Статья 4

Договаривающиеся Стороны твердо убеждены в том, что развитие между ними равноправного и дружественного сотрудничества в различных областях будет способствовать миру, безопасности и взаимопониманию в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Они выступают за расширение связей с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в различных областях, а также за развитие двусторонних и многосторонних проектов сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе в политической и экономической сферах.

Статья 5

Договаривающиеся Стороны будут оказывать всемерное содействие развитию торгово-экономических и научно-технических связей, создавая для этого благоприятные правовые, финансовые и экономические условия. В этих целях они будут заключать отдельные соглашения по осуществлению двусторонней предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, поощрению инвестиций в соответствии с национальным законодательством и общепринятыми международными нормами.

Статья 6

Договаривающиеся Стороны будут содействовать углублению межпарламентских связей, сотрудничеству между органами государственной власти, общественными организациями, развивать на стабильной и взаимовыгодной основе контакты в области науки, обороны и безопасности, образования, культуры, литературы и искусства, средств массовой информации, здравоохранения, социального обеспечения, права, охраны окружающей среды, туризма, физической культуры и спорта, а также в других сферах.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны будут стимулировать разносторонние контакты на местном уровне, побратимские отношения между регионами, прямые связи между предприятиями и организациями, контакты между людьми.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут взаимодействовать в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, в том числе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и морского судоходства, незаконным оборотом наркотиков, оружия, культурных и исторических ценностей.

Статья 9

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Договаривающихся Сторон по иным международным договорам, участниками которых они являются, и не направлен против какой-либо третьей стороны.

Статья 10

Со дня вступления в силу настоящего Договора прекратит свое действие Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам, подписанный 3 ноября 1978 года.

Договаривающиеся Стороны на основе настоящего Договора будут прилагать усилия к обновлению и совершенствованию ранее заключенных договоров, соглашений и других актов.

Статья 11

Настоящий Договор заключается сроком на десять лет. Срок действия Договора будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Договаривающихся Сторон за двенадцать месяцев до истечения соответствующего срока действия

Договора не уведомит в письменной форме другую Договаривающуюся Сторону о своем намерении прекратить его действие.

Статья 12

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами.

Совершено в Москве 16 июня 1994 года в двух экземплярах, каждый на русском и вьетнамском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Источник: Собрание законодательства Российской Федерации. Бюллетень международных договоров, 2006, № 6, с.12. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-302/48253

**THE TREATY ON PRINCIPLES OF FRIENDLY RELATIONS
BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM**

The Treaty on Principles of Friendly Relations between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam was signed on June 16, 1994 in Moscow. It was based on the generally accepted, universal norms and principles of the UN Charter and international law: respect for state sovereignty, independence, territorial integrity, noninterference in each other's internal affairs, equality and mutual benefit.

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10020

Е.В. Кобелев

ПЕРВЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ НОВОЙ РОССИЕЙ И ВЬЕТНАМОМ (комментарий эксперта)

Аннотация. В комментарии освещаются предпосылки заключения Договора об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам 1994 г. и раскрывается его основной смысл.

Ключевые слова: Договор, Вьетнам, Россия, В.С. Черномырдин, Во Ван Киет, военный союз.

В 2019 г. исполняется 25 лет со дня подписания Договора об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам — первого договора между новой Россией и Вьетнамом. Кроме того, в январе 2020 г. мы будем отмечать 70-летие установления дипломатических отношений между СССР и ДРВ (1950). Эти два важных исторических события широко отмечаются в обеих странах. Наиболее важное событие в рамках празднования этих дат — принятие программы Перекрестного года России и Вьетнама с целью продвижения духовных и культурных ценностей двух стран, дальнейшего укрепления дружественных связей между нашими народами.

После распада СССР отношения СРВ с его правопреемницей — Россией несколько лет находились в состоянии, близком к критическому. Резко пошли на спад политические и торгово-экономические связи, сотрудничество в области культуры и образования. Однако постепенно, прежде всего благодаря усилиям вьетнамской стороны, стремившейся восстановить традиционные отношения дружбы и сотрудничества с нашей страной, а также по мере продвижения процесса концептуального реформирования внешней политики новой России, начались активные поиски новой модели взаимоотношений в изменившихся исторических условиях.

Для «перезагрузки» российско-вьетнамских отношений принципиально важное значение имел официальный визит в Россию в июне 1994 г. премьер-министра СРВ Во Ван Киета. Этот визит фактически закрыл «стратегическую паузу» в российско-вьетнамских отношениях.

Свою роль в выводе российско-вьетнамских отношений из кризиса сыграл и личностный фактор. Тогдашний российский премьер В.С. Черномырдин и вьетнамский премьер были хорошо знакомы друг с другом еще задолго до распада СССР. Каждый раз, прилетая во Вьетнам в качестве руководителя Газпрома по делам совместного предприятия «Вьетсовпетро», В.С. Черномырдин встречался с Во Ван Киетом, который на посту премьер-министра СРВ придавал особое значение успешной работе этого предприятия, определявшего тонус всей вьетнамской экономики и делового сотрудничества между двумя странами.

Итак, 16 июня 1994 г. в Москве состоялись обстоятельные переговоры между В.С. Черномырдиным и Во Ван Киетом, в ходе которых в практической плоскости обсуждались все аспекты сотрудничества. Вечером того же дня в Доме приемов на ул. Косыгина был подписан целый пакет межправительственных соглашений. В этот пакет вошли базовый

Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, Соглашение о сотрудничестве в агропромышленной сфере, Соглашение о сотрудничестве в сфере рыбной промышленности и Соглашение о защите инвестиций [Коммерсант: 17. 06.1994].

Среди подписанных документов, естественно, основополагающим и открывающим перспективы политического и экономического сотрудничества являлся Договор об основах дружественных отношений. Этому документу было суждено лечь в основу принципиально новых отношений между двумя странами. В нём провозглашалось, что со дня вступления в силу настоящего договора прекратит своё действие Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам от 3 ноября 1978 г. [Бюллетень 2006-6: 12].

Таким образом, между Россией и Вьетнамом де-юре был положен конец межгосударственным отношениям, построенным на принципах социалистического интернационализма (ст. 1 договора 1978 г.). Договор 1994 г. подвел под российско-вьетнамские отношения новый политико-правовой фундамент. За основу отношений была взята не партийно-идеологическая общность, а общепризнанные, универсальные нормы и принципы Устава ООН и международного права: уважение государственного суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода.

Еще одной важной особенностью российско-вьетнамского Договора явилось то, что он не был направлен против третьих стран и одновременно предусматривал обязательства обеих сторон не заключать с третьими странами договоров и соглашений или предпринимать действия, которые нанесли бы ущерб государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности другой стороны [Бюллетень: 2006-6: 12]. Таким образом, в Договоре подтверждалось взаимопонимание сторон в том, что их отношения не являются военно-политическим союзом. Каждая из сторон — участниц Договора являлась равноправным, суверенным субъектом международных отношений, самостоятельно проводящим многовекторную внешнюю политику.

В Договоре были весьма полно изложены основные принципы и параметры внешнеполитического сотрудничества сторон. Россия и Вьетнам подтвердили обоюдное стремление всемерно содействовать укреплению мира и безопасности в ЮВА и АТР. Стороны подчеркнули, что они выступают за расширение связей с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в различных областях, а также за развитие двусторонних и многосторонних проектов сотрудничества в политической и экономической областях.

Подписание базового российско-вьетнамского Договора убедительно свидетельствовало о том, что, несмотря на многочисленные сложности и испытания, связанные с перестройкой политического, экономического и государственного устройства на пространстве бывшего Советского Союза, с реализацией «политики обновления» во Вьетнаме, обе страны сумели не только сберечь всё самое ценное и взаимополезное из созданного ранее огромного потенциала сотрудничества, но и вывести российско-вьетнамские отношения из тупика, задать им новый вектор развития.

В то же время какой-то определенной программы долгосрочного сотрудничества Договор 1994 г. не содержал. Это объяснялось тем, что тогдашний президент РФ Б.Н. Ельцин и особенно его откровенно проамериканский министр иностранных А.В. Козырев весьма прохладно относились к Вьетнаму, который, по их мнению, был обузой для России и ее внешнеполитических интересов.

В Договоре также не шла речь и об установлении между Россией и Вьетнамом отношений стратегического партнерства. Для этого нужно было время, осмысление обеими сто-

ронами новых реалий, новых возможностей, новых вызовов и угроз, добрая воля политического руководства сторон, расширение зоны совпадающих национальных интересов, готовность двигаться навстречу друг другу и неустанная практическая деятельность на всех направлениях и на всех уровнях управления процессом двусторонних отношений. Это произошло только через семь лет, в 2001 г., когда в Ханой с первым официальным визитом прибыл президент РФ В.В. Путин и была подписана российско-вьетнамская Декларация о стратегическом партнерстве.

Список литературы

1. Коммерсант. 17.06.1994.

2. Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам // Собрание законодательства Российской Федерации. Бюллетень международных договоров. 2006. № 6. С. 12. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/inter_national_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-302/48253

Автор:

Кобелев Евгений Васильевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 27.04.2019

Дата поступления в переработанном виде: 07.05.2019

Принята к печати: 30.05.2019

**THE FIRST AGREEMENT
BETWEEN NEW RUSSIA AND VIETNAM
(expert comment)**

Annotation. The commentary highlights the prerequisites for concluding the Treaty on Principles of Friendly Relations between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam in 1994 and reveals its basic meaning.

Keywords: Treaty, Vietnam, Russia, V.S. Chernomyrdin, Vo Van Kiet, military alliance.

Author:

Kobelev Evgeny V., Ph.D. (History), Leading researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: evgeny.kobelev@mail.ru

Article history:

Received: April 27, 2019

Received in revised form: May 07, 2019

Accepted: May 30, 2019

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ «МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ» (г. ХОШИМИН)

25-26 февраля 2019 г. в г. Хошимине Дипломатическая академия Вьетнама (ДАВ) и Международный дискуссионный клуб «Валдай» (Россия) совместно провели конференцию на тему «*Международное сотрудничество в меняющемся мире*»¹. В конференции приняли участие более сорока ученых Вьетнама и России, а также министр иностранных дел России Сергей Лавров, постоянный заместитель министра иностранных дел СРВ Буй Тхань Шон, посол России во Вьетнаме Константин Внуков, генеральный консул России в Хошимине Алексей Попов, заместитель заведующего отделом Европы Министерства иностранных дел СРВ Нгуен Хунг. В конференции также участвовали и выступили представители министерств и ведомств обеих стран, ученые из авторитетных научных учреждений Вьетнама и России и представители некоторых российских компаний во Вьетнаме.

Были обсуждены три основные блока вопросов и по ним высказаны следующие оценки.

1. О международной и региональной ситуации

Участники конференции сделали вывод, что мир вступил в постбиполярный период и что миропорядок все больше развивается в направлении многополярности, появления многих центров, что сопровождается сложными переменами.

Во-первых, в отличие от холодной войны в XX в., которая зиждилась на борьбе идеологий, современный мир является свидетелем крупных изменений. США и Запад сосредоточили усилия на решении внутренних проблем. Запад использует протекционистскую политику, противоречащую прежней модели экономической глобализации, которую он же и поощрял. Возникли новые центры экономического и финансового роста, которые с каждым годом приобретают всё большее влияние в мире. Сотрудничество растущих экономик в таких структурах, как РИК, БРИКС, ШОС, продолжает развиваться во многих областях, что способствует большей широте и демократичности международных отношений.

Во-вторых, конкурентная борьба между крупными странами разворачивается в более острых формах и распространяется на большее количество регионов мира. Корректировка стратегии крупных стран, причиной которой является изменение соотношения сил между ними, в сочетании с экстремистскими националистическими и популистскими тенденциями во многих странах создают бóльшую нестабильность в сравнении с предыдущим периодом. Влияние США в мире падает. Растёт экономическая мощь и политическое влияние Китая. Это вызывает нарастающее противостояние между США и КНР. Инициативы, выдвигаемые двумя странами, носят все более конкурентный характер: последние конкретные примеры — китайская идея «Одного пояса, одного пути» (BRI) и американская стратегия Индо-Тихоокеанского региона.

В-третьих, растет конкуренция в области технологий. Технологические системы, развиваемые крупными странами, все более подвержены тенденции взаимоисключения и не-

¹ Обзор содержания этой конференции ее участником и представителями СМИ был представлен нашим журналом в предыдущем номере. Затем организаторы конференции подготовили собственный обобщающий доклад, с которым мы считаем целесообразным познакомить читателя как с официальным видением поднятой проблематики научными институтами РФ и СРВ, работающими с министерствами иностранных дел своих стран.

взаимодействия. США выстраивают так называемый технологический забор: во имя собственных интересов устанавливают монопольные права на технологии американских предприятий и стремятся держать под контролем технологии других стран.

В-четвертых, в условиях крупных изменений мировой геостратегии и геоэкономики малые страны корректируют свою внешнеполитическую стратегию, чтобы соответствовать новой обстановке. Получили широкое признание механизмы сотрудничества, стержнем которых является АСЕАН. Все большую притягательную силу приобретают новые механизмы сотрудничества, такие как Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) играет в мире все более важную роль. Этот регион продолжает оставаться двигателем глобального развития с небывалым уровнем глубины и широты региональной интеграции. Быстрый подъем экономической мощи Азии привел к значительному росту политической силы и военных возможностей стран АТР.

Вместе с тем нынешнее состояние региональной безопасности характеризуется многими новыми вызовами. Помимо активизирующейся американо-китайской конкуренции, растут такие вызовы, как терроризм, организованная преступность, киберпреступность, нарушение авторских прав, незаконная миграция. Особое место занимают территориальные споры (Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, Курилы) и ядерная проблема Корейского полуострова. Хотя и есть какие-то проявления позитивного развития, однако в основном эти проблемы все еще не могут быть решены до конца. В связи с этим регион нуждается в общих усилиях для построения эффективной структуры безопасности, учитывающей интересы всех государств региона и опирающейся на основополагающие принципы Устава ООН и другие принципы международного права, особенно принцип неприменения силы или угрозы силой в решении спорных вопросов между сторонами.

Механизмы сотрудничества, такие как АСЕАН, ШОС, ЕАЭС, за прошедший период продемонстрировали позитивную роль в обеспечении безопасности и развитии в Азии и на Евро-Азиатском континенте, подтвердили роль многосторонних механизмов сотрудничества.

Крупные страны все больше вмешиваются в региональную обстановку в АТР. АСЕАН играет важную роль в сохранении безопасности, региональной стабильности, создавая надежный фундамент для строительства структуры региональной безопасности с участием многих механизмов, возглавляемых АСЕАН. США вместе с Японией, Австралией и Индией формируют «квартет» в стратегическом Индо-Тихоокеанском регионе, чтобы сильнее вмешиваться в его дела. Китай также упрочивает свое присутствие и усиливает свое влияние в регионе через инициативу «Один пояс, один путь». Индия усиливает участие в процессах военного, экономического и политического сотрудничества в регионе посредством политики «Взгляда на Восток».

Россия со своей стороны предлагает стратегию Великой Евразии и выступает за экономический союз Азия — Европа, все более заметно ориентируясь на Восток и активно интегрируясь в АТР. В 2012 г. президент Путин подписал указ «О мерах по реализации внешней политики Российской Федерации», где четко прописано: «Продвигать инициативы по формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на коллективных внеблоковых началах, нормах международного права и принципе равной и неделимой безопасности; укреплять и углублять равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, стратегическое партнерство с Республикой Индией, Социалистической Республикой Вьетнам». На саммите АТЭС в 2017 г. президент Путин заявил: «Россия — неотъемлемая часть Азиатско-Тихоокеанского региона» и подтвердил, что «усиление региональной экономической интеграции — это стратегический выбор России». РФ поддерживает роль

ЕАЭС, РИК, ШОС и АСЕАН в деле сохранения мира и усиления сотрудничества в обширном Евро-Азиатском регионе.

Однако влияние России в регионе пока ограничено по следующим причинам: *во-первых*, торгово-экономические отношения с главными партнерами России в АТР все еще не соответствуют ее потенциалу. Экономическому сотрудничеству России со странами региона мешает географическая отдаленность, ограниченная конкурентоспособность ее экспортных товаров и др. Экономическое присутствие России в АТР весьма скромно: на нее приходится всего 1 % общего объема региональной торговли и всего 2 % международного товарооборота Китая; *во-вторых*, растет напряженность отношений между Россией и США, в особенности вследствие нынешней политики санкций Запада против России; *в третьих*, проблемы региональной безопасности, такие как, например, в Северной Корее, Южно-Китайском море и т. п., влияют на стабильность в регионе, что в разных формах воздействует на отношения России как со странами внутри региона, так и вне его.

2. Состояние двустороннего сотрудничества между Россией и Вьетнамом

Отношения между Вьетнамом и Россией — традиционно особые отношения, основанные на длительном сотрудничестве. В 2019 г. Вьетнам и Россия отмечают 25-летие подписания Договора об основах дружественных отношений, а в январе 2020 г. — 70-летие установления дипломатических отношений. Благодаря важному геостратегическому положению — на месте соединения стран ЮВА, контролю за оживленными морскими и воздушными путями, проходящими через регион Южно-Китайского моря, сочетанию политической стабильности с потенциалом экономического развития, Вьетнам считается одной из приоритетных стран в проводимой Россией политике поворота на Восток. Подписав 1 марта 2001 г. Совместную декларацию об отношениях стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией, обе страны тем самым вновь подтвердили обоюдные потребности в сотрудничестве и политическую решимость наращивать развитие двусторонних отношений в направлении тесного стабильного сотрудничества в качестве долгосрочной стратегии. В 2012 г. две страны повысили уровень своих отношений до отношений всеобъемлющего стратегического партнерства.

За прошедшее время важные позиции Вьетнама во внешней политике Российской Федерации были много раз подтверждены в российских документах и в заявлениях руководителей двух стран по итогам их встреч и визитов. Президент Путин заявил: «Всестороннее развитие отношений с Вьетнамом — одно из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации в Азии...». Эти отношения складывались в течение длительного времени и сформировали фундамент, опирающийся на:

1) всестороннее развитие сотрудничества во многих областях: в промышленности, образовании и подготовке кадров, в сфере инфраструктуры, безопасности и обороны — как продолжение советских традиций;

2) особенностью этих отношений является то, что они основываются на широком общении между собой разных групп населения двух стран в предыдущие периоды. Симпатия и доверие народа и интеллектуальной элиты Вьетнама (особенно тех, кто учился в Советском Союзе) в отношении России все еще сильны;

3) экономики двух стран имеют много взаимодополняющих моментов. Кроме этого, и Вьетнам, и Россия участвуют во многих многосторонних механизмах сотрудничества, в региональных и межрегиональных договорах о свободной торговле, благодаря чему сотрудничество между странами является не только двусторонним, но и может становиться многосторонним, например в форме участия в ЕАЭС и ВПТТП;

4) Россия и Вьетнам имеют общую заинтересованность в продвижении основных принципов международных отношений. Обе страны не стремятся к гегемонизму, обе уделя-

ют внимание сохранению эффективной системы безопасности и поддерживают роль многосторонних региональных механизмов, в том числе ВАС, СМОА плюс и АРФ, активно выступают за центральную роль АСЕАН, за то, чтобы эта организация играла все более важную роль в развитии диалога между державами...

На этом фундаменте вьетнамско-российские отношения приносят все более реальные результаты. Усиление сотрудничества между Россией и Вьетнамом рассматривается как одна из важных предпосылок, помогающих России усиливать свое присутствие и упрочивать свое влияние как в ЮВА, так и в Азии в целом, одновременно влияя на соблюдение баланса сил в этом регионе. Отношения с Россией помогают Вьетнаму развивать экономику, повышать обороноспособность и укреплять свои международные позиции.

В силу этих причин отношения сотрудничества между Вьетнамом и Россией продолжают развиваться во многих областях: в политике, экономике, культурно-социальной сфере, в безопасности и обороне — как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях. Основными областями сотрудничества двух стран являются:

— Политика и дипломатия

Дипломатические и политические отношения между двумя странами развивались на основе отношений бывшего СССР и Вьетнама. Особенно это касается помощи в укреплении обороноспособности Вьетнама, в развитии экономики, подготовке рабочей силы, создании основ промышленности, что явилось немалым вкладом в победное объединение Вьетнама и мирное строительство вьетнамского народа.

В период после распада Советского Союза отношения между Вьетнамом и Россией наследовали былую традицию и строились на основе государственных интересов и внешнеполитических приоритетов. Две страны активно создавали юридические рамки, отвечающие новой обстановке, подписали в июне 1994 г. Договор об основах дружественных отношений, который заменил Договор о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Вьетнамом, подписанный в 1978 г. В марте 2001 г. две стороны выступили с Совместной декларацией о стратегических отношениях между Вьетнамом и Российской Федерацией, подтвердив обоюдные потребности в сотрудничестве и политическую решимость развивать двусторонние отношения в направлении тесного, стабильного сотрудничества, носящего стратегический долговременный характер. В июле 2012 г. стороны выступили с Совместным заявлением об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства. Начиная с 2008 г. две страны создали механизм постоянного Стратегического диалога по вопросам внешней политики, безопасности и обороны на уровне заместителей министров иностранных дел. В 2013 г. был создан механизм Стратегического диалога на уровне заместителей министров обороны. Кроме того, две стороны проводят регулярные политические консультации на уровне заместителей министров иностранных дел, департаментов и отделов в рамках сотрудничества министерств иностранных дел обеих стран.

Стороны также начали координировать свои действия и сотрудничать на многосторонних площадках и в международных организациях благодаря корректировке внешней политики РФ (переходу от «Азиатско-Тихоокеанского направления» к «Азиатско-Европейскому направлению») и активным переменам в отношениях Вьетнам—АСЕАН, Вьетнам—США, Вьетнам—Китай. У обеих сторон много общего в позициях по международным и региональным проблемам, они тесно координируют свои действия и поддерживают друг друга на международных площадках, таких как ООН, АТЭС, АСЕМ, АРФ, СВМДА, поддерживают друг друга на выборах в Экономический и социальный совет ООН (сроки членства Вьетнама: 2016—2018 гг., России: 2017—2019 гг.), в Комиссию международного права; наращивают сотрудничество в рамках АСЕАН. Вьетнам активно помогал России официально вступить в АСЕМ в октябре 2010 г. и участвовать с 2011 г. в Восточноазиатских саммитах (ВАС).

— Сотрудничество в торгово-экономической области

Россия — третий по объему рынок вьетнамских инвестиций из 68 государств и территорий, куда вьетнамские предприятия вкладывают средства. На Россию приходится более 30 % зарубежных инвестиций Вьетнама, это традиционный экономический партнер со времен СССР. Большая часть инвестиций сосредоточена в нефтегазовой отрасли. В 2017 г. Вьетнам имел более 20 инвестиционных проектов в России с общим объемом 5,63 млрд долл. Россия же занимает 23-е место среди стран и территорий, инвестирующих во Вьетнам, имея 116 проектов с зарегистрированным объемом инвестиций 990 млн долл. Российские инвестиции в основном концентрируются в нефтегазовой отрасли, обрабатывающей промышленности, добыче полезных ископаемых, транспорте, телекоммуникациях, в выращивании и добыче морепродуктов. В последние годы товарооборот между Вьетнамом и Россией быстро растет: в 2018 г. он составил 4,8 млрд долл., что на 35 % больше, чем в 2017 г. (по российским данным — 6,1 млрд долл.). К 2020 г. объем торговли между двумя странами может достичь 10 млрд долл. Многие российские товары — сельхозпродукты, топливо, каменный уголь и т. д. — экспортируются во Вьетнам. В свою очередь, вьетнамские товары, такие как продукция сельского хозяйства, морепродукты, одежда, обувь и др., все больше присутствуют на российском рынке.

Наряду с такими традиционными сферами сотрудничества, как энергетика и сельское хозяйство, две страны начинают активизировать сотрудничество в новых отраслях. Российские технологии начинают использоваться на строительстве линии метро 2 (Тантао — аэропорт Лонгтхань) в г. Хошимине. Стороны также активно готовятся к строительству во Вьетнаме Центра ядерной науки и технологий при помощи России и с использованием предоставленного правительством России льготного кредита (около 500 млн долл.), проект включает два объекта — в Далате и Ханое. Помимо этого, на очереди еще несколько проектов ветряных электростанций, где будут использоваться турбины российского производства.

Сотрудничество в энергетике, особенно в нефтегазовой отрасли, продолжит оставаться стержнем экономических отношений двух стран.

— Сотрудничество в военно-оборонной области

Это область многолетнего традиционного сотрудничества между двумя странами. Практика показывает, что российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество продолжается, оставаясь почти на том же уровне и после распада Советского Союза, главным образом в силу потребностей обороны, защиты безопасности СРВ. Вьетнамские ВВС располагают самым крупным в ЮВА соединением самолетов СУ-30, по численности уступающим только Индии, России и Китаю. В конце 2000-х годов стали расширяться закупки вооружения и оборудования для военно-морских сил. ВМС Вьетнама получили шесть дизельных подводных лодок проекта 06361. Вместе с тем Вьетнам диверсифицировал закупку вооружений и сейчас имеет много оборонительных систем производства Израиля и европейских стран.

Сотрудничество между двумя странами в области обороны и безопасности постоянно стимулируется самым важным механизмом — Межправительственной комиссией по военно-техническому сотрудничеству, возглавляемой заместителями министров обороны. Визиты руководителей высокого уровня обеих стран и деятельность механизма Стратегического диалога по вопросам обороны способствуют усилению взаимопонимания и доверия. В 2018—2019 гг. Министерство обороны России выделило 106 льготных стипендий для Министерства обороны Вьетнама, в том числе помогло в подготовке офицеров для миротворческих сил ООН, поделилось опытом проведения операций по поддержанию мира, а также предоставило Вьетнаму оборудование для деятельности сил ООН по поддержанию мира. Стороны также усилили сотрудничество в сфере региональной безопасности.

Двустороннее военно-техническое сотрудничество сделало качественный скачок, перейдя от просто продаж и закупок к сотрудничеству в области передачи технологий ремонта, модернизации и производства некоторых важных видов вооружений и военного снаряжения. Россия осуществляет программу помощи либо продает Вьетнаму по льготной цене вооружение и военное снаряжение, выведенные из боевого состава, но в хорошем состоянии. Две страны открыли в Вунгтау международный центр сервисного обслуживания и ремонта вертолётных двигателей для стран региона (сегодня уже более 10 стран подписали контракты об участии в нем, в том числе Вьетнам, Лаос, Таиланд, Камбоджа, Австралия, Индия, Китай и др.).

— Сотрудничество в области культуры и образования

Ежегодно Россия предоставляет вьетнамским студентам более 1000 стипендий для получения образования в российских высших учебных заведениях (в это число не входят курсанты в рамках двустороннего военного сотрудничества). В то же время сотрудничество по науке и технологиям все еще развивается слабо. По итогам опроса, среди более 300 научно-технологических организаций Вьетнама только 30 % из них сотрудничают с Россией в течение последних пяти лет. В особенности в области филологии обе страны испытывают дефицит специалистов с хорошим знанием языка другой страны, что необходимо для форсирования процессов общения и налаживания взаимопонимания между двумя странами. Российская сторона планирует увеличить до 100 число выпускников — преподавателей русского языка во Вьетнаме, чтобы уменьшить языковой барьер.

— **Туризм** продолжает оставаться важным фактором в отношениях двух стран. Россия постоянно находится в первой десятке растущих рынков туризма во Вьетнаме. В 2012 г. Вьетнам принял 176 тыс. российских туристов, в 2013 г. их число возросло до 300 тыс., а в 2017—2018 гг. — соответственно до 570 и 670 тыс. Темпы роста числа российских туристов составляют в среднем 25—30 % в год.

— О миграции рабочей силы

В настоящее время численность вьетнамских граждан в России и странах ЕАЭС насчитывает примерно 80 тыс. человек, и они являются важным мостом для торговой и инвестиционной деятельности Вьетнама в этом регионе. В свою очередь численность рабочей силы из России и некоторых стран ЕАЭС во Вьетнаме также имеет тенденцию к росту благодаря развитию туристической деятельности и улучшению экономических отношений СРВ с этим регионом.

Тем не менее вьетнамско-российские отношения пока не отвечают духу «стратегического партнерства». Двусторонние отношения, особенно экономические, пока еще не соответствуют потенциалу двух стран и испытывают конкуренцию внешних сил. Кроме того, отношения двух стран подвергаются воздействию таких факторов, как торговые конфликты и стратегическое противостояние США—Китай. Отношения других крупных стран, в том числе США, Китая и России, также многообразно воздействуют на двусторонние вьетнамско-российские отношения.

3. Предложения об усилении российско-вьетнамского сотрудничества в предстоящий период

В нынешнем меняющемся мире вьетнамско-российские отношения должны быть приоритетными в силу своей длительности и стабильности, и в этом плане широта сотрудничества, добрая воля и чувство доверия продолжают играть важную роль. Благодаря этому Вьетнам и Россия продолжают создавать условия, чтобы сделать свои отношения более весомыми, более отвечающими интересам обеих стран в процессе их развития.

Выступая на открытии коференции, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров подчеркнул: «Мы выстраиваем отношения с СРВ, укрепляя наше стратегическое партнёрство,

эффективно работая на всех направлениях — от политики и экономики до военно-технического сотрудничества, военного взаимодействия, образования и туризма».

Заместитель министра иностранных дел СРВ Буй Тхань Шон отметил: «Сегодня политические отношения между Вьетнамом и Российской Федерацией отличаются высокой степенью доверия, торгово-экономические связи все более укрепляются, сотрудничество в области обороны и безопасности отличается традиционной активностью, взаимодействие в социально-культурной области и подготовке кадров с каждым днем расширяется».

Для реализации высказанных соображений о двусторонних отношениях ниже излагаются основные предложения участвовавших в конференции ученых России и Вьетнама о мерах по активизации сотрудничества двух стран в предстоящий период:

во-первых, усилить обмен делегациями всех уровней, особенно высокого уровня и уровня специалистов, сохранить механизмы реального, эффективного, качественного обмена мнениями, такие как Стратегический диалог по вопросам обороны, деятельность Межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству и др.;

во-вторых, продолжать делать главный упор в сотрудничестве на энергетику, особенно нефтегазовую, как это было в течение прошлых десятилетий, так как она высокоэффективна и приносит реальную пользу обеим сторонам. Наряду с традиционными видами энергетики необходимо шаг за шагом переносить центр тяжести на «зеленую», чистую энергетику, что отвечало бы направлениям и обязательствам устойчивого развития двух стран;

в-третьих, наука и технологии — это область, обладающая большим потенциалом для сотрудничества двух стран. Являясь одним из государств, занимающих передовые позиции в мире по уровню развития науки и технологий, Россия может помочь Вьетнаму в повышении уровня исследований и разработок, в передаче технологий, особенно высоких, цифровых технологий. Россия может предоставить Вьетнаму системы модернизации сфер производства и услуг, системы противостояния терроризму и преступности, соблюдения законности и кибербезопасности, что будет способствовать расширению двустороннего сотрудничества. Две стороны могут совместно работать для развития общих принципов электронной торговли и сетевой безопасности, а также выработки решений в области искусственного интеллекта и биотехнологий. Вьетнам может изучать опыт России в создании электронного правительства, поставив во главу угла обеспечение информационной безопасности. Канцелярии Правительства Вьетнама и Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации необходимо подписать меморандум о развитии сотрудничества двух стран в области информации и ее передачи в целом и о создании электронного правительства в частности;

в-четвертых, Россия и Вьетнам должны приложить усилия для расширения торгового обмена, результаты которого очень далеки от возможностей обеих стран. Значительную часть двусторонних проектов, реализуемых главным образом через государственные корпорации, следовало бы передать частным предприятиям для развития длительных всесторонних отношений; *в финансово-банковской сфере* необходимо определить меры, направленные на развитие двусторонних расчетов в национальных валютах; усилить финансово-банковское взаимодействие (как по линии центральных банков, так и коммерческих) в целях создания благоприятных условий для других областей сотрудничества; создавать и развивать наиболее приемлемые механизмы расчетов в торговых контрактах в целом и в военно-торговых договорах в частности;

в-пятых, наращивать сотрудничество в области образования. Сейчас большая часть вьетнамских студентов, получающих образование за рубежом, обучается в Австралии и США, что объясняется качеством образования и особенно английским языком обучения, что создает выпускникам этих вузов благоприятные условия для применения своих способно-

стей и знаний в международной среде. Активизация взаимодействия двух стран, особенно усиление стратегического доверия и развитие практического сотрудничества, в большой мере зависит от взаимопонимания. А это, в свою очередь, вызывает необходимость подготовки достаточного числа людей, понимающих русский язык, русскую культуру и психологию, чтобы они могли распространять объективную информацию о современной России, помогали избегать взаимного непонимания, ошибочных суждений друг о друге. Российские вузы могли бы активизировать привлечение вьетнамских студентов путем предоставления стипендий, причем студентам всех трех регионов Вьетнама (Северный, Центральный, Южный); готовить их по специальностям, отвечающим тенденциям Четвертой промышленной революции, уделяя особое внимание высоким технологиям и автоматизации. Вьетнам также должен повысить число российских студентов, обучающихся во Вьетнаме;

в-шестых, в области обороны необходимо усилить сотрудничество в традиционных сферах, а именно в закупке оружия и подготовке кадров для повышения возможностей производства и ремонта вооружения для Вьетнама. Новые возможные сферы сотрудничества могут касаться мер по преодолению последствий войны во Вьетнаме, военной медицины, военной топографии, безопасности, кибербезопасности; улучшения качества некоторых видов военного снаряжения и послепродажного обслуживания; исполнения контрактов, механизмов расчетов и т. п.; усиления сотрудничества в подготовке кадров в областях, представляющих взаимный интерес, как то: сохранение мира, особенно в условиях, когда Вьетнам готовится направить дополнительные силы для участия в миротворческих операциях по линии ООН; расширения подготовки специалистов по проектированию и производству вооружений и техники, а также других специализированных отраслей и родов войск Вьетнамской народной армии;

в-седьмых, наращивать сотрудничество в создании транспортной инфраструктуры, особенно железных дорог и метро, в чем Россия имеет большой опыт, можно было бы вернуть эти работы в крупных городах Вьетнама, имеющих в этом потребности (таких, как Хошимин и Ханой);

в-восьмых, сотрудничать в развитии экологически чистого, высокотехнологичного сельского хозяйства. Потребности Вьетнама в экологически чистом сельском хозяйстве в настоящее время очень велики; стороны могли бы обмениваться техникой, налаживать сотрудничество между предприятиями, чтобы использовать разработки на практике;

в-девятых, стороны должны укреплять политический диалог на высоком уровне, обмениваться информацией о планах и стратегиях социально-экономического развития и направлениях развития обеих стран в средне- и долгосрочной перспективе для создания соответствующих программ сотрудничества, одновременно практических и имеющих стратегический характер. Наращивать сотрудничество между организациями, изучающими стратегии двух сторон; устранять препятствия для беспопытного экспорта и импорта товаров, особенно сельскохозяйственной продукции и морепродуктов, в целях повышения взаимного товарооборота до 10 млрд долл. к 2020 г. в соответствии с задачей, поставленной руководителями двух стран;

в-десятых, интенсифицировать взаимодействие в региональных механизмах многостороннего сотрудничества. В обстановке, когда в Евро-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах идет бурный процесс образования двусторонних и многосторонних, перекрестных и многоуровневых союзов и объединений, Вьетнам и Россия должны усиливать сотрудничество и играть более значимую роль в создании благоприятных условий для развития процессов диверсификации в регионе. России необходимо активнее участвовать в механизмах региональной безопасности, где АСЕАН играет ключевую роль.

Однако чтобы повысить свою роль и престиж в многосторонних региональных и межрегиональных связях, Вьетнаму и России необходимо поднять двусторонние отношения на новый качественный уровень, сделав всестороннее экономическое сотрудничество фундаментом для активизации других отношений и обеспечив устойчивое развитие всеобъемлющего стратегического партнерства, установленного в 2012 г.

RESULTS OF THE CONFERENCE «INTERNATIONAL COOPERATION IN A CHANGING WORLD»

The conference «International Cooperation in a Changing World» was held on March 25—26, 2019 by the Diplomatic Academy of Vietnam and the International Discussion Club “Valdai” (Russia) in Ho Chi Minh City with the participation of more than forty scientists and diplomats of Vietnam and Russia, as well as the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov. The conference discussed the international and regional situation and the state of bilateral cooperation between Russia and Vietnam.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10021

Е.В. Колдунова

СООБЩЕСТВО АСЕАН В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 296 с. ISBN 978-5-8199-0887-7

Аннотация. В рецензии анализируется монография отечественных исследователей Г.М. Локшина, Е.В. Кобелева и В.М. Мазырина «Сообщество АСЕАН в современном мире», особо выделены новые аспекты деятельности Ассоциации по созданию трех опор Сообщества, которые впервые освещаются в отечественной историографии. Отмечена авторская попытка рассмотреть создание Сообщества АСЕАН в более широком макрорегиональном контексте.

Ключевые слова: АСЕАН, Сообщество АСЕАН, Южно-Китайское море, США, Китай, Россия, Япония, Индия.

Российские исследования Ассоциации стран Юго-Восточной Азииполнились интересной и своевременной монографией, посвященной Сообществу АСЕАН в современном мире. Ее авторы — ведущие научные сотрудники Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН Г.М. Локшин, Е.В. Кобелев и руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН В.М. Мазырин — предприняли попытку комплексного анализа трех опор этого сообщества — экономической, в области политики и безопасности и социо-культурной — с учетом сложного международно-политического и международно-экономического контекста современного мирового и регионального развития.

Исследование удачно дополняет ранее изданные работы как самих авторов монографии [АСЕАН в начале XXI века 2010], так и их российских и зарубежных коллег [Байков 2012; Колдунова 2017; Малетин 2007; Мосяков 2012; Acharya 2001; Naascke 2003; Sumsky, Hong, Lugg 2011; Mahbubani and Sng 2017; Koldunova 2019], занимающихся изучением Ассоциации и ее роли в региональных процессах, и представляет самый современный срез деятельности Ассоциации.

АСЕАН заявила о создании Сообщества в 2015 г. как о результате длительных (на тот момент уже практически полувековых) усилий Ассоциации по формированию благоприятной среды для мирного регионального развития. Три уже упомянутые опоры Сообщества должны были отражать приоритеты Ассоциации с точки зрения перспектив ее трансформации. Концептуально эти перспективы и цели Сообщества были закреплены в установочных

документах (*Community Blueprints*). Очевидно, что с момента официального запуска Сообщества Ассоциация вступила в некую новую стадию своего развития, хотя и сохраняющую определенную преемственность с предыдущими историческими этапами своего становления.

Это формирующееся новое состояние развития АСЕАН, естественно, требовало адекватного аналитического осмысления. Однако имеющийся на тот момент в распоряжении экспертного сообщества исследовательский инструментарий в существенной степени базировался на категории «сообщества безопасности», разработанной Карлом Дойчем на основе анализа трансатлантических отношений еще в середине прошлого века [Deutsch 1957]. В отечественных и зарубежных исследованиях предпринимались также отдельные попытки анализа АСЕАН как сообщества безопасности [Adler, Barnett 1998; Колдунова 2010, Гладченко 2016; Никифоров 2019] с учетом незападной специфики этого объединения. При этом комплексного рассмотрения Сообщества АСЕАН до недавнего времени не было представлено ни в отечественной, ни в зарубежной литературе.

Непосредственно анализу Сообщества и его опор посвящены первые четыре главы рецензируемой монографии. *Первая* из них представляет собой краткий исторический обзор эволюции АСЕАН и завершается разделом, рассматривающим отличие Сообщества от Ассоциации. Это отличие, по мнению авторов, заключается в том, что Сообщество предполагает более высокий уровень интеграции стран-членов и фиксирует их общую нацеленность на превращение Ассоциации в «коллективную группировку государств, тесно связанных друг с другом общей транспортной и энергетической инфраструктурой, с более согласованной политикой всех институтов, направленной на сохранение мира и стабильности в регионе, с большей координацией в решении региональных проблем» (с. 32).

Особый интерес представляет *вторая* глава, посвященная формированию и первым итогам деятельности экономической опоры Сообщества. В ней поднимаются важные вопросы, связанные с подходами, выработанными АСЕАН в экономической сфере для сохранения своей конкурентоспособности на фоне экономического подъема Китая и Индии, с учетом современного состояния интеграционных процессов (в разрезе свободного движения товаров, рынка услуг, финансового рынка, инвестиционной сферы и движения рабочей силы), сокращения внутрирегиональных разрывов в уровнях экономического развития стран АСЕАН.

Третья глава очерчивает круг основных проблем, связанных с формированием Сообщества политики и безопасности АСЕАН, которое авторы монографии характеризуют как «взаимозависимость безопасности» (с. 86) и определяют в категориях, близких понятию «региональный комплекс безопасности», которое, как известно, было сформулировано британским исследователем Барри Бузаном в его работе 1983 г. как раз на основе анализа практики взаимодействия стран АСЕАН, а впоследствии легло в основу его фундаментального труда «Регионы и державы: структура мировой безопасности», написанного в соавторстве с Оле Вевером [Buzan and Weaver 2003].

Параметры Социально-культурного сообщества АСЕАН рассматриваются в *четвертой* главе рецензируемой монографии. Достижение стадии сообщества в социально-культурной сфере представляется, пожалуй, наиболее сложной задачей для региона Юго-Восточной Азии, исторически характеризующегося многообразием политико-социальных структур и пестрым этно-конфессиональным составом. В этой главе поднимаются также такие простые вопросы, как соотношение формирования Социально-культурного сообщества и деятельности АСЕАН в области прав человека, а также роль гражданского общества в этом процессе.

Последующие главы монографии представляют анализ регионального и глобального контекста, в котором происходит становление Сообщества АСЕАН. Они формируют у читателя общее понимание основных конфликтных линий, сохраняющихся в регионе. В част-

ности, речь идет о территориальных спорах в Южно-Китайском море и усиливающимися китайско-американских противоречиях. Несмотря на то что монография была написана еще до начала процесса формулировки официального подхода АСЕАН к пониманию Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), авторы, тем не менее, не обошли вниманием реакцию отдельных стран Юго-Восточной Азии (с. 211—215) на появление этой концепции, а точнее — концепций, поскольку на данном этапе единства в понимании ИТР не существует даже среди активных сторонников идеи продвижения этого нового «региона» (речь идет о США, Японии, Австралии и Индии).

В заключительных главах монографии представлен обзор взаимодействия АСЕАН с Японией, Индией и Россией. Он дает основания для осторожной надежды на то, что структура регионального взаимодействия в АТР, важным участником которого за прошедшие десятилетия стала Ассоциация, останется полицентричной и кооперационной, а значит позволит учитывать мнения всех заинтересованных стран и организаций в процессе решения наиболее важных региональных проблем.

Структура монографии и авторский подход представляются логичными, аргументы — хорошо фундированными. Авторы отмечают во введении, что «руководствуются объективным анализом фактических событий с позиций политического реализма» (с. 13). При том что объективность данного анализа сложно поставить под сомнение, представляется, что авторы все-таки не ограничились рамками упомянутой теоретической парадигмы международных отношений и опирались в первую очередь на анализ реальной практики международного взаимодействия в Юго-Восточной Азии. В противном случае было бы невозможно объяснить успехи и столь длительную жизнь АСЕАН в качестве центрального регионального института, который, будем надеяться, еще не раз предоставит российскому и мировому исследовательскому сообществу повод для интеллектуально глубоких публикаций.

Монография представляет интерес как для специалистов, профессионально занимающихся вопросами международного взаимодействия в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, анализом и в особенности опытом интеграционных процессов в незападном мире, так и для более широкого круга читателей.

Список литературы

1. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Е.В. Кобелев, Г.М. Локшин, А.С. Воронин, В.М. Мазырин, А.А. Козлов, Р.А. Сенин, Л.Е. Васильев. М.: ИД «ФОРУМ», 2010. 368 с.
2. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012.
3. Гладченко Л.В. Проект «Сообщество АСЕАН»: проблема региональной интеграции на современном этапе // *Проблемы национальной стратегии*. 2016. № 4 (37). С. 121—137.
4. Колдунова Е.В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // *Международные процессы*, 2017 (июль—сентябрь). Т. 15. № 3 (50). С. 55—66.
5. Малетин Н.П. АСЕАН: Четыре десятилетия развития. М.: МГИМО (У), 2007.
6. Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: ИВ РАН, 2012.
7. Никифоров И.А. АСЕАН как сообщество безопасности: проблемы теоретического осмысления // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2018. № 3. С. 154—174.
8. Acharya, A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order. Abington: Routledge, 2001.

9. Adler, E., Barnett, M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
10. Buzan, B. People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton, Sussex: Wheatsheaf Books, 1983.
11. Buzan, B., Weaver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
12. Deutsch, K. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957.
13. Haacke, J. ASEAN's Diplomatic and Security Culture: Origins, Development and Prospects. Abington: Routledge, 2003.
14. Koldunova E.V. Which «ASEAN Way» Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions // *The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace*. Ed. by Aigul Kulnazarova, Vesselin Popovski. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 347—366.
15. Mahbubani, K., Sing J. The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace. Singapore: NUS Press, 2017.
16. Sumsy, V., Hong, M., Lugg, A. eds. ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Singapore: ISEAS, 2011.

Автор:

Колдунова Екатерина Валерьевна, к. полит. н., доцент МГИМО (У) МИД России.
E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 30.04.2019

Дата поступления в переработанном виде: 15.05.2019

Принята к печати: 26.05.2019

E.V. Koldunova

ASEAN COMMUNITY AT THE CENTER OF RUSSIAN RESEARCHERS ATTENTION

Abstract. The article reviews a monograph by Grigory Lokshin, Yevgeny Kobelev and Vladimir Mazyrin “ASEAN Community in the Contemporary World” singling out that new aspects of Association community building efforts which have not been analyzed in the Russian publications before. The review highlights authors’ attempts to consider ASEAN Community in a broader macro-regional context.

Keywords: ASEAN, ASEAN Community, South China Sea, the USA, China, Russia, Japan, India.

References

1. Acharya, A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order. Abington: Routledge, 2001.
2. Adler, E., Barnett, M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
3. ASEAN v nachale XXI veka. Aktual'nye problemy i perspektivy (2010) [ASEAN in the Beginning of the 21st Century. Problems and Prospects] / Kobelev Ye.V., Lokshin G.M., Voronin A.S., Mazyrin V.M., Senin R.A., Vasiliev L.E. M.: ID “Forum”.
4. Baykov A.A. Sravnitel'naia integratsiia. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoi Evrope i Tikhookeanskoi Azii [Comparative Integration. Practice and Models of Integration in Europe and Pacific Asia] / ed. A.D. Bogaturov. M.: Aspect Press, 2012.
5. Buzan, B. People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton, Sussex: Wheatsheaf Books, 1983.
6. Buzan, B., Weaver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Deutsch, K. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957.
8. Haacke, J. ASEAN's Diplomatic and Security Culture: Origins, Development and Prospects. Abington: Routledge, 2003.
9. Gladchenko L.V. Proekt «Soobshchestvo ASEAN»: problema regional'noi integratsii na sovremennom etape [Project 'ASEAN Community': Problems of Regional Integration at the Contemporary Stage]. In *Problemy natsional'noi strategii*, 2016, № 4 (37). P.121—137.
10. Koldunova E.V. «Dialogovye partnerstva» vo vneshnei politike ASEAN [Dialogue Partnerships in ASEAN Foreign Policy]. In *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017 (July-September). Vol 15, № 3 (50). P. 55—66.
11. Koldunova E.V. Which «ASEAN Way» Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions. In *The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace*. Ed. by Aigul Kulnazarova, Vesselin Popovski. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 347—366.
12. Mahbubani, K., Sing J. The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace. Singapore: NUS Press, 2017.
13. Maletin N.P. ASEAN: Chetyre desiatiletiia razvitiia [ASEAN: Four Decades of Development]. M.: MGIMO University, 2007.
14. Mosyakov D.V. Politika Kitaia v Iugo-Vostochnoi Azii: ot proshlogo k nastoiashchemu [China's Policy in Southeast Asia: From the past to the present]. M.: IV RAN, 2012.

15. Nikiforov I.A. ASEAN kak soobshchestvo bezopasnosti: problemy teoreticheskogo osmysleniia [ASEAN as a Security Community: Problems of Theoretical Conceptualization]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serii 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika, 2018, № 3. P.154—174.
16. Sumsy V., Hong M., Lugg A. eds. ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Singapore: ISEAS, 2011.

Author:

Koldunova Ekaterina V., Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Article history:

Received: April 30, 2019

Received in revised form: May 15, 2019

Accepted: May 26, 2019

DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10022

А.А. Соколов

НАВИГАТОР НОВЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ О ВЬЕТНАМЕ

Мы представляем новый раздел рубрики «Книжная полка», который будет знакомить вас с книгами и публикациями о Вьетнаме, выходящими на разных языках мира.

Первой книгой о Вьетнаме, изданной в России в этом году, стал альбом «**Цитадель Хюэ — история и культура**» (Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019. 176 с.), который открыл серию «Национальное достояние Вьетнама».

Хюэ — значимый город для истории Вьетнама, бывшая столица страны. Этот город до сих пор остается одним из ведущих культурных центров Вьетнама, а его история насчитывает более семи веков. Главной достопримечательностью города является императорская цитадель, которая была построена в первой половине XIX в. и пережила много исторических событий. Снаружи цитадель Хюэ выглядит неприступным бастионом, а внутри — это роскошный императорский дворцовый комплекс, построенный по подобию Запретного города в Пекине. Цитадель в Хюэ — уникальный объект, представляющий огромный исторический и культурный интерес, именно она стала первым объектом Вьетнама, включенным в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 1993 г.

Подготовленное исследование одновременно является путеводителем по одному из старейших городу Вьетнама, рассказывает о людях и национальных традициях, значимых местах и символах, традиционной вьетнамской кухне и дворцовой музыке, философии и религии страны. Альбом подготовлен российским и вьетнамским авторами, издан на трех языках (русском, вьетнамском и английском), выпущен в рамках сотрудничества нескольких организаций: Вьетнамской национальной федерации ассоциаций ЮНЕСКО, Урало-Сибирской федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО и екатеринбургского издательства «Банк культурной информации».

* * *

Тема национально-освободительной борьбы вьетнамского народа по-прежнему остается в центре внимания исследователей СРВ и других стран.

Đặng Huy Vận. Phong trào yêu nước chống thực dân Pháp xâm lược của nhân dân Việt Nam cuối thế kỷ XIX — đầu thế kỷ XX. Thành Phố Hồ Chí Minh: Đại Học Quốc Gia Thành Phố Hồ Chí Minh, 2019. 816 trang [Данг Хюи Ван. Патриотическое движение вьетнамского народа против французских колонизаторов-захватчиков, конец XIX — начало XX в. Хошимин: издательство Национального университета, 2019. 816 с.].

В книгу известного вьетнамского историка и педагога Данг Хюи Вана включены 30 статей, которые отобрала для данного издания его дочь Данг Ван Ти. Структурно книга состоит из четырех частей, каждая из которых в хронологическом порядке освещает конкретные периоды патриотической антифранцузской борьбы вьетнамского народа с середины XIX до начала XX в.

Nguyễn Thúc Quỳnh. Viện trợ nước ngoài cho Việt Nam (đối với Giáo dục và Đào tạo 1954—1975). Hà Nội: Nhà xuất bản Công an nhân dân, 2018. 288 trang [Нгуен Тхюи Куинь. Помощь зарубежных стран Вьетнаму в области образования и подготовки кадров, 1954—1975 гг. Ханой, издательство «Народная милиция», 2018. 288 с.].

Nguyễn Thúc Quỳnh, Phạm Thị Hồng Hà, Dương Quốc Đông. Hợp tác giải quyết hậu quả chiến tranh ở Việt Nam. Hà Nội: Nhà xuất bản Công an nhân dân, 2018. 335 trang [Нгуен Тхюи Оань, Фам Тхи Хонг Ха, Зыонг Куок Донг. Сотрудничество и преодоление последствий войны во Вьетнаме. Ханой: издательство «Народная милиция», 2018. 335 с.].

После победы весной 1975 г., завершившей многолетнюю борьбу вьетнамцев против иностранной агрессии, в жизни страны начался период восстановления народного хозяйства и возвращения населения к мирной жизни. Однако колоссальный ущерб, нанесенный этой войной, всё ещё продолжает сказываться на многих сферах жизни во Вьетнаме, на его экономическом и социальном развитии. Книга вьетнамских историков ставит своей целью осветить разные аспекты процесса преодоления последствий войны. Исследование состоит из пяти глав, каждая из которых посвящена конкретной проблеме: последствия применения химического оружия, разминирование территорий, поиск пропавших без вести на войне и др. В книге раскрывается содержание сотрудничества для решения указанных проблем, прежде всего с США, рассматриваются достигнутые результаты, дается оценка полученного опыта.

Следующие три книги британского и американских авторов посвящены войнам во Вьетнаме, которые вели Франция и США; их отличительной особенностью и достоинством является использование большого фактического материала — архивных документов, интервью и т. д.

Max Hastings. Vietnam: An Epic Tragedy, 1945—1975. Hardcover. Harper Collins Publishers, 2018. 857 p.

Макс Гастингс — один из самых известных военных историков Британии. Как военный корреспондент БиБиСи он побывал в 60 странах и на 11 войнах, был главным редактором газет Daily Telegraph (10 лет) и Evening Standard (шесть лет), стал лауреатом многих премий, в том числе: Журналист года (1982), Репортёр года (1982), Редактор года (1988). Он также является автором многочисленных книг, удостоенных престижных наград. В современной России были переведены и изданы две Макса Гастингса: Первая мировая война: Катастрофа 1914 года (М., 2015) и Вторая мировая война: Ад на земле (М., 2015).

Его новую книгу «**Вьетнам — эпическая трагедия, 1945—1975**» называют «захватывающей современной историей войны во Вьетнаме». События во Вьетнаме стали самым противоречивым современным конфликтом в западном мире, вызвав унижение на поле боя для Франции в 1954 г., а затем значительно большее унижение для Соединенных Штатов в 1975 г.

Максу Гастингсу было 24 года, и до этого времени он никогда не был на войне. Все это изменилось, когда он в 1968 г. прилетел в охваченный битвами Вьетнам и стал свидетелем военных событий. В течение следующих семи лет как корреспондент БиБиСи он совершал поездки на различные фронты и, когда рухнул южновьетнамский режим, снова оказался в Сайгоне и увидел триумфальное вхождение в город северовьетнамской армии.

Почти 50 лет спустя Макс Гастингс написал книгу об этой войне. Он провел три года, интервьюируя десятки участников с обеих сторон, а также исследуя множество американских и вьетнамских документов и мемуаров, чтобы «создать эпическое повествование об эпической борьбе». Среди персонажей его книги — американские офицеры и чиновники, российские военные специалисты, китайские железнодорожные инспекторы, британские

шпионы и голливудские звезды. Гастингс расширяет круг участников войны, чтобы привлечь тех, чьи показания ранее не были полностью исследованы, а некоторые до сих пор не записаны. Он изображает множество эпизодов той войны: Дьенбьенфу, наступление 1968 г. и др. Главная ошибка Америки, по оценке Гастингса, заключалась в том, что военная мощь, какой бы великой она ни была, не может компенсировать политический провал.

Max Boot. The road not taken: Edward Lansdale and the American Tragedy in Vietnam. Liveright, 2018. 715 p.

Книга известного американского военного историка **Макса Бута** «Путь, который не был пройден» — формально подробная хроника жизни Эдварда Лэнсдейла (1908—1987), офицера ВВС США, служившего в Управлении стратегических служб Центрального разведывательного управления. Он был одним из первых сторонников более агрессивных действий США в холодной войне. В книге подробно представлена существенная часть его биографии, связанная с Вьетнамом, где он был непосредственным участником многих политических событий, поддерживал тесные отношения с южновьетнамским президентом Нго Динь Зьемом и другими видными деятелями этого режима. Автор подробно пишет о неудачных попытках Лэнсдейла повлиять на политику и поведение США во Вьетнаме по причине неэффективных административных механизмов, которые наделяли его обязанностями (особенно для координации всех усилий США по умиротворению), но не давали полномочий, необходимых для их выполнения. Книга Макса Бута фактически переосмысливает американское понимание войны во Вьетнаме.

Lien-Hang T. Nguyen. Hanoi's War: An International History of the War for Peace in Vietnam. The University of North Carolina Press, 2016. 464 p.

Нгуен Тхи Лиен Ханг работает на историческом факультете Колумбийского университета в Нью-Йорке. Она специализируется на изучении войны во Вьетнаме, отношений США и Юго-Восточной Азии и глобальной холодной войны. В настоящее время участвует в масштабном проекте «Новогоднее наступление Тэт», является главным редактором готовящейся трёхтомной «Кембриджской истории войны во Вьетнаме», а также соредактором «Кембриджских исследований международных отношений США».

В то время как большинство историков войны во Вьетнаме сосредотачивают внимание на причинах участия в ней США и американизации конфликта, Лиен Ханг рассматривает международный контекст, в котором северовьетнамские лидеры прекратили американское вмешательство. Первое издание её книги «**Международная история войны за мир во Вьетнаме**» вышло в 2012 г., а новое, дополненное — в 2016.

Описываемые ею события происходят и во Вьетнаме — в Ханое и Сайгоне, а также в Вашингтоне, Париже, Москве и Пекине. Автор использовала неизвестные ранее документы из Архива Министерства иностранных дел Вьетнама, а также материалы из других архивов в разных странах мира. Лиен Ханг исследует политику ведения войны и миротворчества не только с точки зрения Северного Вьетнама, но и с точек зрения Южного Вьетнама, Советского Союза, Китая и Соединенных Штатов, создавая тем самым уникальный исторический контекст.

Научные публикации в СМИ и Интернете

Alexander L. Vuving. Vietnam in 2018: a rent-seeking state on correction course // *Southeast Asian Affairs*, 2019. P. 374—393.

Charles Dunst. Vietnam War left a painful legacy for indigenous minority that fought alongside U.S // *Los Angeles Times*, 21.05.2019. URL: <https://www.latimes.com/world/la-fg-vietnam-war-allies-20190521-story.html>.

Dang Cam Tu, Hang Thi Thuy Nguyen. Understanding the U.S.—Vietnam Security Relationship, 2011—2017 // *The Korean Journal of Defense Analysis*, March 2019. Vol. 31. No. 1. P. 121—144.

Dezan Shira & Associates. 5 Reasons Why Vietnam is Overtaking China for US Export Manufacturing // *China Briefing*, 16.05.2019. URL: <https://www.china-briefing.com/news/vietnam-overtaking-china-us-export-manufacturing>.

Duy Nong. General equilibrium economy-wide impacts of the increased energy taxes in Vietnam // *Energy Policy*, 123 (2018). P. 471—481.

Duyên Duyên. Siết chặt hàng nhập khẩu Trung Quốc nhưng nhãn “Made in Viet Nam” [Ограничить импорт товаров из Китая и покупать их с маркой «Сделано во Вьетнаме»]. URL: <http://vneconomy.vn/siet-chat-hang-nhap-khau-trung-quoc-nhung-nhan-made-in-vietnam-2siet527162238757.htm> (27.05.2019).

Erwida Maulia. Southeast Asian 'turtles' return home to hatch tech startups // *Nikkei Asian Review*, May 22, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cover-Story/Southeast-Asian-turtles-return-home-to-hatch-tech-startups>.

Guido Erreygers, Thi Kim Thanh Bui. The eye of the beholder. Reconsidering the notions of pro-poor growth and progressivity, with an application to Vietnam // *Review of Development Economics*, December 2018. P. 1—18.

Ha Nguyen. Vietnam's Tech Futurists Lay Out Economic Alternatives. URL: <https://www.voanews.com/a/vietnam-tech-futurists-lay-out-economic-alternatives/4921661.html>, May 18, 2019.

Hoang Hai Ha. Vietnam's Bilateral Defense Diplomacy with Major Powers // *The Korean Journal of Defense Analysis*, Vol. 30, No. 4, December 2018. P. 597—618.

Hoang Trieu Huy, Trung Thanh Nguyen. Cropland rental market and farm technical efficiency in rural Vietnam // *Land Use Policy*, 2019 (81). P. 408—423.

James Maclaren. The Sino-Vietnam War and China's Long Route to Winning. A little-known war helped shape the future of Southeast Asia // *The Diplomat*, May 24, 2019.

Jenny Leonard and Saleha Mohsin. U.S. Will Refrain From Labeling Vietnam a Currency Manipulator // *Bloomberg*, May 24, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-24/u-s-will-refrain-from-labeling-vietnam-a-currency-manipulator>.

Lê Thu Hương. Vietnam's Persistent Foreign Policy Dilemma: Caught between Self-Reliance and Proactive Integration // *Asia Policy*, October 2018. Vol. 13. No 4. P. 123—144.

Linh T.D. Huynh, Hien Thanh Hoang. Effects of exchange rate volatility on bilateral import performance of Vietnam: A dynamic Generalised method of Moments panel approach // *International Economic Journal*, 2019. Vol. 33. No. 1. P. 88—110.

Nguyen Thai Hoa. How large is Vietnam's informal economy? // *Economic Affairs*, February 2019. Vol. 39. Issue 1. P. 81—100.

Pham Thi Thanh Binh, Vu Van Ha. Poverty Reduction in Vietnam and the Role of Public Administration // *Journal of Contemporary Asia*, January 2019. Vol. 49. No. 1. P. 151—163.

Quynh Nguyen, Thomas Bernauer. Does Social Trust Affect Public Support for International Trade? Insights from an Experiment in Vietnam // *Political Studies*, May 2019. Vol. 67 (2). P. 440—458.

Sampa Kundu. How Vietnam Plans to Prevent Illegal, Unreported and Unregulated Fishing // *The Diplomat*, May 24, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/how-vietnam-plans-to-prevent-illegal-unreported-and-unregulated-how-vie>.

Sebastian Eckard and Vu Viet Ngoan. How can Vietnam avoid the middle-income trap? // *Brookings blog*, 16.05.2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2019/05/16/how-can-vietnam-avoid-the-middle-income-trap>.

Sunny Oh. Why this country could emerge as a surprise winner from U.S.-China trade battle // *Marketwatch*, 17.05.2019. URL: <https://www.marketwatch.com/story/why-vietnam-could-be-biggest-winner-in-us-china-trade-battle-2019-05-17>.

Thùy Linh. Liệu Mỹ có trừng phạt VN vì chính sách thương mại 'na ná' TQ? [Могут ли США наказать Вьетнам за торговую политику по-китайски?]. URL: <https://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-48305628>, 21.05.2019.

Thương chiến Mỹ -Trung: Sang Việt Nam để tránh thuế [Американо-китайская торговая война: уйти во Вьетнам, чтобы избежать налогов]. URL: <https://www.bbc.com/vietnamese/business-48331699>, 20.05.2019.

Tim Daiss. Vietnam is on the Verge of an Energy Crisis // *Yahoo Finance*, 23.05.2019. URL: <https://finance.yahoo.com/news/vietnam-verge-energy-crisis-190000403.html>.

Trung Hiếu. Quân đội Việt Nam nằm ở vị trí nào trên bảng xếp hạng thế giới 2019? [Какое место занимает вьетнамская армия в мировом списке 2019 г.] URL: <https://vov.vn/quan-su-quo-c-phong/phan-tich/quan-doi-viet-nam-nam-o-vi-tri-nao-tren-bang-xep-hang-the-gioi-2019-911823.vov> (22.05.2019).

Мнение ученых

28 декабря 2018 г. в Ханое состоялась общенациональная конференция «Процесс социализации в сфере литературы и искусства Вьетнама: итоги и текущая ситуация», на которой выступили многие ведущие деятели культуры и представители государственных учреждений СРВ. На ней обсуждались результаты этой большой работы за прошедшие 20 лет в различных сферах культуры, искусства и образования страны. 19 января 2019 г. состоялась ещё одна общенациональная конференция, на которой обсуждались актуальные проблемы национальной культуры и задачи этой отрасли на год. В работе второй конференции принимал участие директор Государственного научно-исследовательского института культуры и искусствознания Буй Хоай Шон. О важности проблем культуры и культурных ценностей в жизни современных вьетнамцев он рассказал в своем интервью, которое было опубликовано под названием «Вьетнамское общество испытывает кризис ценностей» на интернет-портале Vnexpress (Viện trưởng Văn hoá: «Xã hội Việt Nam đang khủng hoảng giá trị»). URL: <https://vnexpress.net/thoi-su/vien-truong-van-hoa-xa-hoi-viet-nam-dang-khung-hoang-gia-tri-3871476.html>, 21.01.2019). Ниже приведены некоторые цитаты из этого интервью.

«В современном обществе происходит моральная деградация, это действительно так, и мы должны признать такое положение вещей... Ежедневно происходит множество ужасных историй: побои в школе и драки между учителями и учениками, матери бросают на произвол судьбы своих маленьких детей и т. д. И это происходит в восточном обществе, воспеваящем материнскую любовь. Убийства по каким-то ничтожным причинам, во что трудно поверить.

Моральная деградация проявляется также и во всё распространяющемся бесчувствии и равнодушии. Люди видят зло, но не осуждают, видят добро, но не восхваляют его. Даже есть такие люди, которые готовы совершать плохое, неординарное, пойти вопреки моральным ценностям, и это воспринимается терпимо...

Общество сегодня находится в состоянии смятения и хаоса в различных сферах, и, по моему мнению, моральная деградация стала быстро проявляться с того момента, когда Вьетнам начал осуществлять обновление. Экономическая и материальная сторона жизни стала лучше, но многие моральные ценности и культура стали меркнуть и угасать. Конечно, прежнее общество не было абсолютно прекрасным, но о нем по-прежнему многие мечтают...

После многих лет осуществления политики «открытых дверей» вьетнамское общество изменилось и сегодня находится на переходном этапе. Раньше общество регулировалось системой традиционных культурных ценностей, которые помогали человеку ориентироваться в выборе образа жизни, в труде, учебе, поведении... В настоящее время эти ценности больше не считаются подходящими для современной жизни, но ещё не исчезли полностью. При этом новые ценности ещё внятно не сформировались.

Прежние моральные примеры имели большое воздействие на людей и побуждали их следовать, сегодня они уже не имеют такого статуса. Общество впадает в кризис ценностей, тем самым лишая людей веры и ориентиров. Это и есть главная причина, ведущая к моральной деградации общества. Во многих профессиях, которые раньше были уважаемы и ценимы в обществе, теперь по той же причине тоже наблюдаются проявления моральной деградации.

Многие прекрасные национальные обычаи сегодня подвергаются испытаниям и оспариваются новыми привычками и поведением, рожденными более благополучной материальной и комфортной жизнью. Молодое поколение получило доступ к различной и многообразной информации, но теряется в установлении жизненных идеалов, не видит ценностей, которым нужно следовать. Оно стремится искать новые направления, новый стиль жизни, которые могут противоречить старым стандартам.

В современном обществе также властвуют деньги и материальные интересы. Деньги изначально неодушевлены, но, стимулируя жизнь своего потребителя, превосходят многие другие ценности в обществе. Культурные и иные ценности отступают перед экономическими.

Тенденция роста индивидуализма получает все большее распространение, побуждая многих думать только о себе, не заботясь об интересах сообщества...

Осознавая опасность такой ситуации, наше государство неоднократно указывало на необходимость введения системы новых вьетнамских культурных ценностей, но до настоящего времени они ещё конкретно не определены. Некоторые ценности были представлены, но немало людей обеспокоено тем обстоятельством, будут ли они востребованы обществом или нет».

Автор:

Соколов Анатолий Алексеевич, к. филолог. н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: A.ansokolov@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 30.05.2019

Дата поступления в переработанном виде: 11.06.2019

Принята к печати: 24.06.2019

A.A. Sokolov

**NAVIGATOR — NEW SCIENTIFIC PUBLICATIONS
ON VIETNAM**

We present a new section of the «Bookshelf» column, which will acquaint you with books and publications about Vietnam that appear in different languages of the world.

Author:

Sokolov Anatoly A., Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: A.ansokolov@mail.ru

Article history:

Received: May 30, 2019

Received in revised form: June 11, 2019

Accepted: June 24, 2019

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЯЗЫКОВ

К 70-летию Ирины Владимировны Самариной¹

Аннотация. Статья посвящена деятельности исследователя языков малочисленных народов Вьетнама И.В. Самариной и ее вкладу в сохранение культуры Вьетнама.

Ключевые слова: малочисленные народы Вьетнама, исчезающие языки, лингвистические экспедиции, кадайские языки, вьетские языки.

В мире сейчас существует приблизительно 6700 языков, но более половины из них находится под угрозой исчезновения. Малочисленные народы для выживания в этом мире вынуждены учить самые распространенные языки и забывать свои родные наречия. Когда язык умирает, мы лишаемся еще одного способа думать, видеть и чувствовать мир вокруг себя. Умирает не язык, умирает целый космос. Языки надо спасать: описывать, фиксировать, сохранять на самых современных носителях. Этим и занимается Ирина Самарина.

Большую роль в жизни Ирины Самариной сыграл его величество случай. В 1966 г. она закончила математический класс московской школы с золотой медалью и хотела поступать на мехмат МГУ. А случай привел ее на филологический факультет университета, на отделение структурной и прикладной лингвистики. Но вечерний мехмат она все же закончила.

¹ Статья написана на основе материалов, предоставленных И.В. Самариной.

В МГУ девушка увидела объявление о лингвистических экспедициях профессора А.Е. Кибрика в Дагестан, загорелась этим и девять раз ездила с группой профессора описывать бесписьменные языки Дагестана и Памира. После окончания МГУ Ирина Самарина работала в ЦНИИПИ, занималась машинным переводом с японского языка, почти написала кандидатскую диссертацию по японскому языку, но в 1984 г. ее пригласили в лингвистическую экспедицию Института востоковедения АН СССР во Вьетнам под руководством профессора В.М. Солнцева. И Ирина отдала свое сердце Вьетнаму и его народам. «Я обожала экспедиции и была счастлива, что это стало делом всей моей жизни», — говорит исследовательница. Сначала она ездила во Вьетнам для изучения языков его малочисленных народов в составе экспедиций Института востоковедения, потом Института языкознания, затем участвовала в проекте Института Макса Планка, где собрала около 20 словников по австроазиатским и тайским языкам Вьетнама. В начале 2000-х годов судьба, казалось, разлучила Ирину Самарину с Вьетнамом. В этот период она ездит на Дальний Восток России и изучает языки эвенков, селькупов, кетов, тазов.

В 2007 г. в жизнь Ирины Самариной вновь вмешивается случай. Благодаря председателю Российского гуманитарного научного фонда Ю.Л. Воротникову, любящему Восток и заинтересованному в расширении научных связей с Вьетнамом, был заключен договор между РГНФ и Вьетнамской академией общественных наук (ВАОН) на проведение совместных конкурсов проектов по общественным и гуманитарным наукам. Так появилась возможность возобновить российско-вьетнамские лингвистические исследования и экспедиции. С российской стороны инициатором и руководителем этих проектов выступила Ирина Самарина, в них приняли участие сотрудники Института языкознания РАН, сотрудники и студенты РГГУ. С вьетнамской стороны партнерами стали Вьетнамский институт лексикографии и энциклопедий и Институт языкознания ВАОН. Описаны языки кадайской группы народов Северного Вьетнама. По результатам экспедиций издана огромная монография «Языки гэлао: материалы к сопоставительному словарю кадайских языков» с переводом словаря языков гэлао на вьетнамский, русский, английский и китайский, с аудиозаписями и описанием фонетического строя. Вместе со своими вьетнамскими коллегами Ирина месяцами живет в поселках и уездных городках, опрашивает местных жителей, заполняет анкеты, собирает тексты, составляет фонетический, грамматический и лексический «портрет языка». Совершенствуется методика, становится более современной техника, но главное остается тем же: энтузиазм, упорство, работоспособность и любовь учёного к своему делу. На смену кадайским языкам приходят архаичные вьетские языки Центрального Вьетнама. Они представляют собой «младенческий» этап развития вьетнамского языка, на котором тоны еще только формируются. И выходит в свет книга по языку май.

Работа по описанию языков малочисленных народов Вьетнама, которую много лет ведет Ирина Самарина, кроме большой научной ценности имеет ценность и практическую. На основании описаний, сделанных ею, а также ее российскими и вьетнамскими коллегами, создаются алфавиты для некоторых из этих бесписьменных языков, пишутся учебники, изучается фольклор. В 2019 г. состоялась 18-я экспедиция Ирины Самариной во Вьетнам. Опубликовано 65 научных статей и книг, в том числе три монографии в соавторстве, подготовлены десятки докладов для российских и зарубежных конференций и симпозиумов. Написаны статьи для Большой Российской энциклопедии, в том числе по вьетским и мон-кхмерским языкам, полисиллабизму, моносиллабизму и др. Ирина Самарина также участвовала в создании социолингвистической базы данных по функционированию 86 языков России в исторической перспективе.

Источник энергии у этой красивой женщины неиссякаем. Кроме исследовательской работы, участия в конференциях, подготовки книг и статей Ирина Самарина занимается препода-

даванием. С 2004 г. она читает теоретические основы и ведет практический курс вьетнамского языка в Военном университете Министерства обороны РФ, а в 2007 г. создала группу вьетнамского языка в Институте восточных культур и античности РГГУ. Теперь к этому списку присоединилась Высшая школа экономики. Язык Ирина выучила сама, помог абсолютный слух и солидная лингвистическая подготовка, ну и, конечно, обширная полевая практика.

В планах учёного — новые экспедиции и новые книги. Огромный объем аудио- и текстового материала, собранного в экспедициях по описанию языков малочисленных народов Вьетнама, ждет своей обработки. Ирина Самарина надеется, что в этом ей помогут её ученики.

Руководство Вьетнама по достоинству оценило самоотверженный труд Ирины Самариной по описанию и сохранению языков малых народов Вьетнама. В мае 2019 г. она награждена вьетнамским орденом Дружбы, который ей вручил премьер-министр СРВ Нгуен Суан Фук во время своего визита в Россию.

Редакция журнала

LANGUAGE KEEPER

To the 70TH Anniversary of I.V. Samarina

Abstract. The article is devoted to the activity of the researcher of the languages of small peoples of Vietnam I.V. Samarina and her contribution to the preservation of the culture of Vietnam.

Keywords: Vietnamese small peoples, languages, linguistic expeditions, Kadai languages, Viet languages.

Editor Board

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕРИЯ 2. 2019, № 2

Выпускающий редактор: *Никулина Е.В.*

Редактор: *Иванова Н.И.*

Компьютерная верстка: *Тарасов С.Ю.*

Работа с сайтом: *Казаков О.И.*

Дата публикации: 27.06.2019 г.

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>